

Администрация города Вологды
Вологодский государственный университет
Вологодская государственная молочнохозяйственная академия
им. Н. В. Верещагина
Централизованная библиотечная система города Вологды

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Материалы Научного собрания
и Регионального конкурса молодежных
социально-экономических проектов
по развитию сельских территорий

Под общей редакцией С. Ю. Баранова

Вологда
ВОУНБ
2019

УДК 821.161.1(470)
ББК 83.3(2Рос)
Б43

Редколлегия:
Баранов С. Ю. (ответственный редактор), Судаков Г. В.,
Голубева С. Г., Дьякова Н. С., Колесова И. Е.

Б43 Беловский сборник: материалы Научного собрания и Регионального конкурса молодежных социально-экономических проектов по развитию сельских территорий/ Администрация города Вологды, Вологодский государственный университет, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н. В. Верещагина, Централизованная библиотечная система города Вологды ; под общей редакцией С. Ю. Баранова ; [составители С. Ю. Баранов, Н. С. Дьякова]. – Вологда : ВОУНБ, 2019. – 235 с.: ил., табл.

ISBN 978-5-904318-63-5

Сборник содержит материалы Научного собрания, которое состоялось 23 октября 2019 года в рамках VI Всероссийских чтений «Белов. Вологда. Россия», а также работы студентов – победителей конкурса, прошедшего в рамках Беловских чтений.

Сборник адресован работникам культуры, сотрудникам образовательных учреждений, а также всем интересующимся данной тематикой.

УДК 821.161.1(470)
ББК 83.3(2Рос)

ISBN 978-5-904318-63-5

- © ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2019
- © ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н. В. Верещагина», 2019
- © МБУК «Централизованная библиотечная система г. Вологды», 2019
- © Оформление. БУК ВО «Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3
Научное собрание	5
Беженару Л. Е. Литературно-философская репрезентация концепта «малая родина»	5
Розанов Ю. В. В. И. Белов – публицист.....	10
Судаков Г. В., Головкина С. Х. Исследование функционально-семантического поля «Русский мир» как перспектива изучения языка В. И. Белова.....	19
Петров А. В. «Ветreno, так ветreno...». Повесть Василия Белова «Привычное дело» через призму семантико-грамматической категории безличности.....	29
Иванова В. Я. Василий Белов и Валентин Распутин: земной след духовных созвучий.....	35
Вересов Л. Н. Творческое наследие В. И. Белова и архивы.....	42
Исааковская И. Ю. Библиографический указатель «Василий Иванович Белов»: опыт источниковедческого исследования.....	48
Воронина Т. Н. Сенокос и его художественное отображение в «Привычном деле» В. И. Белова: опыт комментария.....	54
Головкина С. Х. Дендрологическая образность в повести В. И. Белова «Привычное дело»	69
Берсенева Л. А. Временная лексика в повести В. И. Белова «Привычное дело».....	81
Федорова А. В. Образ погоста в прозе В. И. Белова 1960 – 1970-х гг.....	93
Патапенко С. Н. Ситуация <i>qui pro quo</i> в повести В. И. Белова «Привычное дело».....	107
Баранов С. Ю. Между «своим» и «чужим» (Мишка Петров и Митька Поляков в системе персонажей повести В. И. Белова «Привычное дело»).....	115
Кобякова О. А., Сидорова А. Г. Концептуальная оппозиция «добро/зло» в лирике Батюшкова.....	130
Кашинцева К. В. Образы и мотивы вологодских стихотворений Иннокентия Анненского	138
Неволина О. Ю. Изучение поэзии Игоря Северянина в школе: методический потенциал.....	144
Димони Т. М. Отражение ценностей поколений в русской прозе писателей-деревенщиков: Федор Абрамов, «Пелагея» и «Алька».....	149
Надеева Е. И. Ключевые оппозиции в книге В. П. Астафьева «Царь-рыба»	155
Летовальцева И. С. Семейные ситуации в трилогии В. Белова «Час шестой»	163

Селиверстова И. М. Воспитательные ресурсы тундровой поэзии и прозы Ненецкого автономного округа.....	168
Окладникова Т. П. Алексей Коткин – писатель из заполярной глубинки.....	175
Яцкевич Л. Г. Мудрость и безумие крестьянской жизни в рассказах Станислава Мишнева.....	180
Региональный конкурс молодежных социально-экономических проектов по развитию сельских территорий.....	196
Евграшина К. А., Колодий Н. А., Мельникова М. А. Туризм на сельских территориях Вологодской области.....	196
Амирханова Н. К., Бакытжанова Ж. Б., Утемуратов А., Досжанова А., Мылтықбаева Г. Современные методы подготовки инструкторов по конному туризму.....	201
Лешиńska А. M. Проект производства топливных брикетов из костры льна.....	207
Дунаева Е. С., Зухрабова Р. Ш., Лудкова А. А., Рожин В. В., Собенина С. В. Молочный мини-цех для фермерского хозяйства.....	215
Довлатбекян К. Г., Розова М. А. Проект развития КФХ по выращиванию лекарственных растений «Medicamento plantis».....	220
Савина А. В., Савина О. С. Образовательный форум сельских школьников «Молодежный сельский сход – XXI».....	224
Царенок М., Тышченко А., Рогалева У., Нагорная А. Бизнес-проект развития СПК «ЗОРИ» Вытегорского района Вологодской области.....	228

НАУЧНОЕ СОБРАНИЕ

Л. Е. Беженару
г. Яссы
(Румыния)

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МАЛАЯ РОДИНА»

Статья рассматривает литературно-философское осмысление концепта «малая родина», которое находит отражение в этническом сознании, получает теоретическое обоснование уже в трудах Эзопа, интерпретируется и осмысливается вместе с развитием истории философии. Несмотря на существующую дифференциацию понятия в разных национальных литературах концепт «малая родина» не получил в философии и теории литературы, которая долгое время оставалась частью философии, нормативного определения. Терминологическая интеграция в сфере гуманитарных, философских и культурологических дисциплин еще более усложняет определение понятия «малая родина», так как оно входит в терминологический обиход многих наук (социология, политология, краеведение, страноведение, регионалистика и др.). Между тем определение онтологического статуса понятия «малая родина» в аспекте литературы и философии поможет по-новому проанализировать произведения на данную тему, определить им место в фондах национальных литератур.

Ключевые слова: концепт, «малая родина», философия

L. E. Bezenaru
Iasi city
(Romania)

LITERARY AND PHILOSOPHICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT «SMALL HOMELAND»

The article considers the literary and philosophical understanding of the concept of «small homeland», which is reflected in the ethnic consciousness, receives theoretical justification already in the works of Aesop, is interpreted and comprehended together with the development of the history of philosophy. Despite the existing differentiation of the concept in different national literatures, the concept of «small homeland» has not received a normative definition in philosophy and theory of literature, which has long remained a part of philosophy. Terminological integration in the field of humanitarian, philosophical and cultural disciplines further complicates the definition of «small homeland», as it is included in the

terminology of many Sciences (sociology, political science, local history, regional studies, etc.). Meanwhile, the definition of the ontological status of the concept of «small homeland» in the aspect of literature and philosophy will help to analyze works on this topic in a new way, to determine their place in the collections of national literatures.

Keywords: concept, «small homeland», philosophy.

Концепт «малая родина» *volens nolens* привлекал внимание разных авторов, поскольку он теснейшим образом связан как с этническим самосознанием, так и с государственной идеологией, воздействие которой на индивида осуществляется при помощи различных литературных жанров, прежде всего, текстов литературно-философских. Еще Эзоп четко определил разницу между понятиями *родина* и *чужбина*, одним из первых разделил художественные образы с точки зрения понятий «другой», «чужой», «инородный». «Людей, покидающих отчество для чужих краев, на чужбине не уважают, а на родине чуждаются», – писал древнегреческий поэт-баснописец, разделяя людей на «своих» и «чужих» только потому, что они покидали свое отчество. В понимании Эзопа жизнь индивидуума связана как с большой родиной, с государством, так и с местом / локусом – «чужие края», «чужбина», чужая сторона, земля. Софокл в «Эдипе» употребляет выражение *πατρίδα* в смысле *родной земли*, земли отечства: *Πότεν να κερδίσουν από την αγκαλιά σου πατρίδα /* «Никогда не победить оружием твою родную землю». В том же смысле *родной земли* данное выражение употребляет Жюль Верн («Пять недель на воздушном шаре»): «*Peu de voyageurs qui avait pénétré dans ces régions n'avaient jamais vu leur terre natale /* Мало путешественников, которые проникли в эти регионы, увидят родную землю снова». Джек Лондон в романе *Burning Day light* («Время-не-ждет»): «*In a way, it was to him departure from his native land, this grim Arctic region which was practically the only land he had known /* В некотором смысле, это был его отъезд из родной страны, из этого мрачного Арктического региона, который был практически единственной землей, которую он знал», придает выражению более четкое определение, связав его с конкретным регионом, т. е. с реальным географически локализованным местом малой родины, включенным в пространство «родной страны».

Американский детский писатель Лаймен Фрэнк Баум, «создатель» сказочного мира волшебной Страны Оз, существует со своими героями в пределах границ «озской» земли: «*Next came the wide, sandy desert separating the rest of the world from the Land of Oz, and before noon they saw the dome-shaped houses that proved they were once more within the borders of their native land. /* Дальше шли широкие песчаные пустыни, отделяющие остальной мир от Страны Оз, и еще до полудня они увидели куполообразные дома, которые доказали еще раз, что

они были в пределах границ родной земли» (The Marvelous Land of Oz). Своими произведениями автор создал отдельный, пусть и сказочный, мир детства, в котором пустили корни детские грэзы. Место жизни – Страна Оз – было создано автором как миф, вырастающий из истории имени страны. Оно содержит близкие фундаментальные категории – границы, дом, земля, карта, – которые воплотились в органическом и художественно убедительном образе Страны Оз: волшебная территория окружена кольцом гор и великой пустыней, и населена множеством разнообразных племен.

На протяжении разных эпох авторы очень размыто разграничивали концепты «родина» и «малая родина». В литературе XVIII – XIX веков эти концепты переплетались, «малая родина» в смысле места рождения часто подменялась лексемой «родная земля».

Концепт «малая родина» выражен в немецкой ментальности непереводимым немецким словом *Heimat*, значение которого можно определить как серединное между домом и родиной (подчеркнуто нами – Л. Б.). Понятие *Heimat* является центральным для понимания немецкой культуры во всех ее проявлениях. Термин появился в конце XVIII – начале XIX века и выражал стремления и желания, которые можно рассматривать как ответ на социальные и политические потрясения в период промышленной революции. Только в последние годы термину *Heimat* было уделено большое внимание со стороны литературоведов, историков, социологов и антропологов; по мнению немецкого ученого Кай Хаммермейстера (Kai Hammermeister), исследование его использования в качестве философского термина все еще мало занимает научный мир [4]. Поэтому Хаммермейстер рассматривает термин *Heimat* на стыке философии и литературы, опираясь на работы Мартина Хайдеггера и Ганса-Георга Гадамера (Hans-Georg Gadamer). *Heimat* был определяющим термином в философском дискурсе Мартина Хайдеггера, от его интерпретации поэзии Гёльдерлина в 1940-х годах и до его последнего текста, написанного за несколько дней до смерти в 1976, который философ закончил словами о том, что в эпоху технологий и модернизации – *Heimat* – это еще возможно, *Heimat* – это ключ к истории и традициям.

Анализируя гёльдерлиновскую элегию «Возвращение домой» (1943), Хайдеггер отмечает, что поэт употребляет лексему «родина» в смысле Бытия: в сущностном смысле, не патриотическом, не националистическом, а бытийно-историческом. Гёльдерлин в своей поэтической речи о «возвращении домой» обеспокоен тем, чтобы его «соотечественники» вернулись к существу «родины». Он ищет сущность и существо *родины* в принадлежности своего народа к судьбе Запада, к мировой истории, к истокам. Родина этой исторической обители – близость к Бытию [3]. Существо *родины* упомянуто вместе с тем для того, чтобы осмыслить в свете бытийной истории

бездомность новоевропейского человека, исходя из контекста реальных и практических его отношений с миром.

Развивая тему Гёльдерлина, Хайдеггер связывает с ней идею поэтизирующей речи не только как аутентичного «сказывания» бытия, но и как истинного измерения человеческой жизни, человеческого «бытия в мире» [1]. Поэтическое «сказывание» выступает истинной формой человеческого существования, и, собственно, единственным способом подлинного «бытия в мире»: на этой земле человек жительствует только поэтически. Хайдеггер описывает «философское» значение родительного падежа (Genitiv), который в достаточной мере отражает специфическую двойственность феномена языка в формате «сказа». С одной стороны, индивидуум осуществляет бытие в виде слова и таким образом сообщает бытию высшую степень существования, завершенность. С другой стороны, имеется в виду, что само бытие говорит устами человека, феноменологически обнаруживая себя в слове. Таким образом, в «Бытии и времени» Хайдеггер ставит вопрос о роли языка в феноменологическом исследовании. С точки зрения Хайдеггера, язык говорит, поскольку он весь есть сказ, т. е. показ. Язык есть дом бытия, ибо в качестве сказа он есть способ события, его мелодия. В языке мы слышим голос бытия. Этот голос делает весь мир вокруг себя полем бесконечного резонанса, этот голос мы прежде всего слышим и ему отвечаем [2: 266]. В своем осмыслиении феномена языка мыслитель продолжает тенденцию онтологизации и выявления общего *сакрального горизонта*, (подчеркнуто нами – Л. Б.), который должен быть основанием, фундаментом как бытия, так и языка. Для обозначения более определенного, собственно человеческого пребывания в мире философ все чаще обращается – также не без влияния Гёльдерлина – к *wohnen*, «проживанию», подчеркивая принципиальную *привязанность человека к определенному месту* (подчеркнуто нами – Л. Б.). Человеческая жизнь, считает философ, укоренена – должна быть укоренена – в определенном, родственном ей месте, должна иметь топос родины. Этот топос Хайдеггер связывает с языком, «домом бытия», с сохраняемым в традициях и национальной поэзии национальным языком.

К. Хаммермайстер считает, что Хайдеггер был первым современным немецким философом, который придал термину *Heimat* поэтическую нагрузку. Вместе с тем, Хайдеггер никогда не уделял внимания региональному значению термина, которое основывалось на отношении к ландшафту и окружающей среде.

Ганс-Георг Гадамер рассматривает *Heimat* вне зависимости от местнических значений термина, считая его основополагающим для художественного понимания текста. Автор также комментирует употребление понятия в художественной литературе, у Новалиса и Блоха. Новалис употребил понятие как *тоску по дому*, а в философском дискурсе Эрнста Блоха (Ernst

Bloch), это было «еще не время». В малой прозе В. Борхерта исследователи (H. Boll, P. Braun, Н. Платицына) рассматривают особенности художественного воплощения образов *Heimat* / *Vaterland* (малой родины / Отечества) в связи с идиллическим мотивом *возвращения домой*, с общей проблемой определения места человека в пределах своей родины, родной земли – «*Um Deutschland wollen wir leben*». В творчестве художника образы Отечества (*Vaterland*) и малой родины (*Heimat*) не всегда тождественны: образ Отечества (*Vaterland*) амбивалентен, противоречив и эмоционален, а к Гамбургу писатель испытывает устойчивые переживания.

Подытоживая наши наблюдения, можно сделать следующие выводы:

1. Литературно-философское осмысление концепта «малая родина» находит отражение в этническом сознании, получает теоретическое обоснование уже в трудах Эзопа, интерпретируется и осмысляется вместе с развитием истории философии, которая оказывала мощное влияние на бытование этого понятия в литературе;

2. Несмотря на существующую дифференциацию понятия в разных национальных литературах концепт «малая родина» не получил в философии и теории литературы, которая долгое время оставалась частью философии, нормативного определения;

3. Современный немецкий философ Хайдеггер одним из первых придал понятию «малая родина» – *Heimat* – поэтическую нагрузку, тем самым определив необходимость уточнения термина в теории литературы;

4. До сих пор существует расхождение бытования понятия в художественной практике и его определения в истории философской и литературной мысли;

5. Терминологическая интеграция в сфере гуманистических, философских и культурологических дисциплин еще более усложняет определение понятия «малая родина», так как оно входит в терминологический обиход многих наук (социология, политология, краеведение, страноведение, регионалистика и др.);

6. Между тем определение онтологического статуса понятия «малая родина» в аспекте литературы и философии поможет по-новому проанализировать произведения на данную тему, определить им место в фондах национальных литератур.

Литература

1. Бросова, Н. З. Аспекты онтологии языка в философии М. Хайдеггера / Н. З. Бросова. – Текст : электронный // *Credo New*. – 2002. – № 10. – URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/-2-2010/6316-aspekti-ontologii-yazyka-v-filosofii-m-xajdegera.html (дата обращения: 19.11.2019).

2. Хайдеггер, М. Путь к языку / М. Хайдеггер // Время и бытие / М. Хайдеггер. – Москва, 1993. – С. 259–273.

3. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер ; пер. В. В. Бибихин. – Текст : электронный // Владимир Бибихин : [сайт]. – URL: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (дата обращения: 19.11.2019).

4. Hammermeister, K. Heimat in Heidegger and Gadamer / K. Hammermeister // Philosophy and Literature. – 2000. – 24 февраля.

Ю. В. Розанов
г. Вологда

В. И. БЕЛОВ – ПУБЛИЦИСТ¹

В статье рассматривается публицистика В. И. Белова, составляющая важную часть творческого наследия писателя. Особое внимание уделено таким аспектам темы как авторское восприятие публицистического жанра, мировоззренческая база, связь публицистики с художественным творчеством писателя, оценка публицистических текстов писателя в разных литературных лагерях, стилевые особенности произведений этого жанра, историко-литературный контекст.

Ключевые слова: В. И. Белов, публицистика, жанр, учительная литература, литературная критика, консерватизм, православие.

Y. V. Rozanov
Vologda city

V. I. BELOV AS A PUBLICIST

The article deals with the V. I. Belov's publicism, which is an important part of the creative heritage of the writer. Special attention is paid to such aspects of the subject as the author's perception of the publicistic genre, the philosophical base, the connection of publicistic with the artistic creation of the writer, the rating publicistic texts of the writer in various literary camps, stylistic features of works of this genre, historical and literary context.

Keywords: V.I. Belov, publicism, genre, teaching literature, literary criticism, conservatism, Orthodoxy

Публицистическое наследие В. И. Белова рассматривалось во всех работах обзорного характера и монографиях, посвященных творчеству писателя. Доклады на эту тему неоднократно звучали на традиционных Беловских чтениях в Вологде [9, с. 62-66; 12, с. 153-155; 14, с. 222-229]. В статьях журналиста Андрея Кулябина, филологов О. В. Никитина

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00348 «Энциклопедия «Привычного дела» В.И. Белова».

и М. П. Смирновой дан не только общий обзор публицистики Белова, ее объема, хронологических рамок, но затронуты такие важные аспекты этой темы, как политический контекст и язык публицистических текстов писателя.

Учительство и морализм на определенном этапе биографии, чаще всего завершающем, были свойственны многим большим русским писателям. В первых рядах здесь обычно называют имена Гоголя, Достоевского и Льва Толстого. Наступление этого периода часто связывается с усилением христианского начала в мировоззрении писателя. Учительство как таковое представляется делом богоугодным, ведь и Иисус призывал апостолов, чтобы учили. Имеют значение и традиции русской учительной православной литературы. Позднюю публицистику Гоголя («Размышления о божественной лiturгии») и Толстого («Исповедь») можно рассматривать как своеобразный «светский извод» христианской литературы. Встречаются учительные тексты и в «нижних этажах» литературы, причем у довольно неожиданных в этом плане авторов. Назовем, например, трактат «раннего символиста» Н. М. Минского «При свете совести» с интонациями страстной проповеди христианских ценностей.

Отношение к данному феномену в самой писательской корпорации было иным, преимущественно негативным. Коллеги воспринимают таких моралистов как изменников великому делу литературы, по разным причинам отказавшихся воздействовать на читателя через художественные образы. Среди причин банальное: «исписался», «выдохся». В. Б. Шкловский считал учительство писателей (наряду с бессюжетностью и невниманию к деталям) «недугом» русской литературы [16, с. 8]. М. М. Пришвин, много размышлявший на эту тему, записал в дневнике осенью 1927 года: «Выходит за пределы своего дарования под конец жизни свойственно всем русским большим писателям. Это происходит от того, что посредством художества, кажется, нельзя сказать «всего». Вот в этом и ошибка, потому что «всего» сказать невозможно никакими средствами» [13, с. 511-512]. В 1950-е годы К. Федин обрушился с резкой критикой на учительство М. М. Зощенко. С другой стороны, раздражало и то, что, как выразился В. П. Астафьев по поводу усиления морализаторских тенденций в деревенской литературе, «указующий и воспитывающий невольно себя ставит выше всех, принимая позу пророка и вещуна» [1, с. 354]. Некая разочарованность в литературном труде и в воспитательных возможностях художественных произведений, отмеченная Пришвиным, является важным аргументом, который зачастую используется для самооправдания и самими писателями-«моралистами».

В сегодняшней перспективе поражает тематический диапазон публицистики Белова. Писатель озабочен состоянием районных дорог, бегством молодежи из деревень, уходом в небытие традиционной фольклорной культуры и неуклю-

жими попытками остановить этот процесс, проблемами семьи и семейного патриотического воспитания, современным состоянием русского литературного и разговорного языка, низким уровнем театрального репертуара, он разоблачает «ложноромантический взгляд на мир» как часть советской идеологической доктрины, критикует раздувание управляемого аппарата, советский мега проект по переброске части стока северных рек, атомную энергетику, «пьяный бюджет» СССР, сплошную вырубку лесов и многое другое. В плане широты репертуара Белова можно сравнить лишь с Гоголем периода «Выбранных мест из переписки с друзьями», который во втором письме к Н. М. Языкову с легкой самоиронией констатировал: «...Куда ни поворотишься, видишь, что нужно попрекнуть, или освежить кого-нибудь» [7, с. 72].

В перестроечные годы, в эпоху относительной горбачевской гласности, Белов продолжал, по его собственному выражению, «кричать на всю страну» [4, с. 43] о тех же проблемах, во многом еще более обострившихся. В эти годы «русской смуты» беловское понимание особой важности публицистики по сравнению с художественной прозой, а, следовательно, и правильности своего пути, усиливается. «Корпеть над романом, когда твоя Родина оскорблена и истерзана? Увольте, друзья мои», – заявляет писатель в 1992 году в очерке «Внемли себе. Записки смутного времени» [6, с. 191]. Через два года, уже после трагических событий в Москве, он вновь повторяет: «Вместо того, чтобы дописать начатый рассказ, пишу дрянную публицистику» [6, с. 171]. При этом писатель, чрезвычайно строгий к самому себе, признает, что его вынужденный отход от художественности по-своему драматичен и упреки критиков (и некоторых друзей) отчасти справедливы: «Но в злобном дыму упреков мерцают отблески правды...» [6, с. 191]. Белов, подобно столь чтимому в юности В. Маяковскому, «наступал на горло собственной песни».

Критики-почвенники также высказывали сомнения по этому поводу ухода *своих* писателей в публицистику, даже подозревали здесь провокацию со стороны врагов. В. Я. Курбатов писал В. П. Астафьеву в 1987 году: «Никак не знаю: благо ли то, что и Вы, и Валентин [Распутин. – Ю. В.], и Василий Иванович целиком в общественных занятиях. Вроде да – если не вы, то кто же остановит этот сбесившийся поток лжи, безродной наглости и поругания родного дома. Но, с другой стороны, иногда кажется, что они почти с умыслом втравливают вас с эту экологическую, гидротехническую, сельскохозяйственную, плановую и иную борьбу, чтобы обескровить литературу, истощить слова переводом на чужой язык» [1, с. 258-259].

Впрочем, существует некоторое количество противоположных свидетельств, не только от « рядовых» читателей, но и от профессиональных литераторов. Прозаик и редактор ленинградского журнала «Аврора» Глеб Горышин писал Белову

по поводу его острой публицистической статьи: «Читал твоих «Киников и симплициусов». <...> Ты все стенаешь, что вот, отвлекся от рассказа, сел за статью. А это и есть твой рассказ, то есть то лучшее, чего сейчас ждут от тебя» [8, с. 622].

Писатель, по его собственным словам, «читит чистоту жанра» [5, с. 356], принципиально не желает искать жанрового компромисса – синтезировать эстетику и публицистику, которую он в ряде текстов называет «документальной прозой». «Рассказ – это рассказ (литература), а документ – это документ, то есть публицистика (статья, репортаж, очерк). Точно так же не может быть документальным роман или повесть, все эти придумки происходят от писательской хитрости, вызванной ленью и спешкой либо недостатком таланта» [6, с. 191]. Не примет такой синтетической интеллектуальной пищи, по мнению Белова, и современный читатель: «Слоеный пирог, состряпанный из политики и художественной литературы, никогда не будет съедобным... Откусишь, пожуешь и выплюнешь. Из уважения к стряпухе можешь, конечно, и проглотить, но тогда будешь икать от интеллектуальной отрыжки. Неминуема и эстетическая изжога. Впрочем, от политики в чистом виде изжога бывает еще сильнее...» [6, с. 199-200].

Жанровый радикализм Белова противоречит взглядам и творческой практике многих близких к нему писателей: Василия Шукшина, с которым он много спорил на эту тему, Виктора Астафьева, Валентина Распутина и других, да и в какой-то степени русской литературной традиции. Распутин, например, резонно замечал: «Вся русская литература разве не сплав публицистики и беллетристики? Что такое – Толстой, Достоевский? Как разорвешь «Сон смешного человека» и «Кроткую», как их вынешь из «Дневников», где они прячутся посреди польских событий и уголовной хроники...» [10, с. 192-193]. Впрочем, в некоторых вещах Белов все же допускает «публицистические срывы в перебор» (выражение В. Распутина), например, в романе «Все впереди», который, может быть, по этой причине и вызвал такой шквал критики.

Несколько слов о теоретических источниках беловской публицистики. В советские годы Белов не мог обращаться к авторитетным российским мыслителям и публицистам консервативного толка. Труды К. Н. Леонтьева, М. О. Меньшикова, Л. А. Тихомирова, Н. Я. Данилевского, И. А. Ильина, И. Л. Солоневича находились лишь в спецхранах крупных библиотек, а книги современников писателя (И. Р. Шафаревича, А. И. Солженицына) в самиздате. Писатель несколько раз с глубокой обидой вспоминал о том, как ему, студенту «привилегированного» Литературного института, отказались выдать в институтской библиотеке даже «Дневник писателя» Достоевского. В 1990 году Белов с горечью задавал себе риторический вопрос: «Что ж дивиться тому, что я все еще не читал ни Филарета, ни Дмитрия Ростовского, чьи произведения читали до революции все гимназистки и учащиеся кадеты?»

[6, с. 236]. Тем не менее, хотя и с запозданием, Белов активно осваивал этот пласт литературы русского консерватизма, прекрасно понимая, что именно в ней содержится фундамент, философская база его публицистики.

Как уже отмечалось, русская литературная традиция, начатая Гоголем и закрепленная Достоевским, связывает публицистику с православием. Попытаемся рассмотреть, как эта связь выглядит у Белова. «К Богу дороги неисповедимы и многочисленны», – писал Белов в мемуарной повести «Невозвратные годы» [4, с. 72]. Точка отправления – документальный очерк «Страшнее всего тишина» (1960). В главе «Про «семинаря», отражающей события 1958 года, когда автор работал секретарем Грязовецкого райкома комсомола, герой (*alter ego* автора) отговаривает крестьянского парня Алексея Брыленкова от поступления в духовную семинарию. Главный аргумент комсомольского вожака прост и, с его точки зрения, абсолютно верен: «Да ведь это все чушь, Бога нет и не было!» [6, с. 22].

Но уже в начале 90-х писатель ставит веру выше литературной работы. В 1994 году Белов писал английскому литературоведу Гордону Мак Вею: «Пытаюсь приблизиться к Богу, и в этих попытках литература представляется иногда делом второстепенным...» [6, с. 540]. И это тоже в русской традиции. Снижение значимости художественной литературы, вплоть до полного отречения от искусства было свойственно и позднему Гоголю, и некоторым славянофилам. Но был в этом и свой позитив. Рассуждая о Гоголе «проповеднического периода», В. В. Набоков заметил, что «религия снабдила его тональностью и методом» [11, с. 107]. То же можно сказать и о Белове. Тональность, прежде всего обличительная, присутствует и в художественных произведениях писателя. Герой беловской хроники, бывший помещик Прозоров, в споре с коммунистом Лузиным заявляет: «Вы уничтожите религию, разрушите церкви. Но это все равно что лишить каждую деревню оперного театра» [4, с. 197].

В 2002 году в статье «Гримасы двуликого Януса» Белов с горечью констатирует: «Мировоззренческая пропасть, зияющая между верующим и атеистом, по-моему, непреодолима» [6, с. 115]. Однако сам Белов эту «мировоззренческую пропасть» преодолел. Непростая хроника этого преодоления становится одной из внутренних тем публицистики писателя в ее, так сказать, мемуарной части. О глубине и подлинности православия писателя свидетельствует эпизод, который приводит критик Валентин Курбатов в своей книге «Подорожник», составленной из автографов писателей и комментариев к ним. Речь идет об автографе Белова 1988 года, отражающем его православное самоощущение и «измерение»: «Это «другое измерение», – пишет Курбатов, – мерещится мне и в тогдашнем автографе Василия Ивановича Белова, записанном в Пскове, когда он, вчерашний коммунист, более того, работник райкома, после Пушкинского праздника

в Михайловском ехал в Печерский монастырь, думал о встрече с отцом Иоанном Крестьянкиным, об исповеди и страшился ее как перехода в новую тревожную, но желанную, необходимо верную и подлинную жизнь.

«... Дай силу простить братьев моих! Останови время, чтобы я укротил обиду и гнев! Верни мне дух любви, научи делу прощения!

Еще не совсем погиб, еще мерцает огонь твоей правды под пеплом жалких моих страстей...

Дай опять разгореться ему...»

Из пьесы «Александр Невский» [10, с. 257].

Отец Иоанн Крестьянкин (1910 – 2006) – весьма почитаемый старец Русской Православной церкви, популярный среди творческой и научной интеллигенции, ищущей Бога, архимандрит Псково-Печерского монастыря. Он, по словам о. Тихона (Шевкунова), «один из очень немногих людей на земле, для которых раздвигаются границы пространства и времени, и Господь дает им видеть прошлое и будущее, как настоящее <...> Перед этим старицком, которого недоброжелатели называли «доктором Айболитом», человеческие души открыты со всеми их сокровенными тайнами» [15, с. 40]. Становится понятно волнение Белова перед исповедью у такого неординарного человека.

Как известно, некоторые современные идеологи консервативного лагеря стремятся сблизить христианство и советский вариант социализма. Они утверждают, что притеснения церкви со стороны советской власти носили локальный и временный характер, что РПЦ и Советы, особенно при Сталине, существовали вполне мирно. Белов, несмотря на его близость к КПРФ в 2000-е годы, в этом моменте принципиален. Православную веру он считает стержнем народной крестьянской культуры, основой деревенского мира и деревенского лада. Писатель гневно обличает советскую власть за этот непростительный грех перед русским народом:

«С чего начиналось уничтожение вековой крестьянской культуры? Конечно, с попытки окончательного уничтожения религиозного православного сознания.

Большевики наивно предполагали, что с физическим уничтожением православных священников и православных храмов исчезнет и православное сознание. Гражданскую войну они продолжиливойной против Церкви, что неминуемо привело их к новому противостоянию с русским (и не только русским) крестьянством, а, следовательно, и крестьянской культурой. Тысячи монастырей были переоборудованы в тюрьмы и концентрационные лагеря. Тысячи каменных церквей и соборов были взорваны и разобраны. Тысячи деревянных часовен были превращены либо в агитпункты, либо в ларьки для алкогольной торговли. Те культовые здания, что остались, были закрыты и осквернены» [6, с. 379].

Пафос и смысл этого прямого публицистического высказывания писателя в комментариях не нуждается, но все же следует указать, что в художественно-образном плане все пункты этого публицистического обвинения отражены в романе «Час шестой». Там есть и физическое уничтожение священников, и монастырь, на скорую руку переоборудованный в концлагерь, и тюрьмы в приходских храмах, и осквернение церкви на родине писателя. Формальная сторона беловского обвинения также заслуживает внимания. В самом общем виде ее можно описать как катехизисный стиль (в форме вопросов и ответов) с присущей ему тавтологичностью (в данном примере повторение ключевого слова – прилагательного *православный*). Можно предположить, что здесь в какой-то степени отразился доминирующий публицистический стиль эпохи детства и юности писателя – стиль речей и статей И. В. Сталина.

Приобщение к церкви у творческих натур неизбежно вызывает определенные изменения не только в мировоззрении, но и в бытовом поведении, что далеко не всегда понимают и принимают даже близкие люди. Евг. Носов, например, рассказывая о совместной поездке в Карелию летом 1977 года, замечал, что Белов «маленько подыгрывает в святого» [2, с. 143]. Белов довольно скоро преодолел соблазн ложного мессианства, но подобные «жизнетворческие стратегии» необходимо учитывать при анализе образа писателя-публициста. Стремительное воцерковление Белова во второй половине 1980-х годов наряду с его коммунистическим прошлым были главными причинами конфликта писателя с Астафьевым, остроту которого даже в научной литературе сейчас пытаются замолчать¹. (Это так же нелепо, как, например, скрывать конфликт между Гоголем и Белинским, Тургеневым и Толстым.) В ответ на предложение Курбатова восстановить «старую редакцию» «Нашего современника», Астафьев писал 3 января 1992 года: «... С Васей Беловым я тем более не хочу никуда идти и объединяться. Бывший секретарь райкома комсомола, вечный член бюро обкома, истовый ревнитель идей партии, ныне тюкающий топориком церковь, в которой некому молиться, как-то мало у меня вызывает энтузиазма на объединение духа и согласия идти единым путем в светлое будущее» [1, с. 307]. Здесь правда была на стороне Белова, что позже косвенно признал и Астафьев, прияняв к Богу и к православию своим собственным путем.

Этот конфликт дает нам повод рассмотреть еще одно свойство публистики Белова. Считается, что суть публистики в прямом высказывании. Но Белов, когда это было нужно, умел и в этом жанре работать с подтекстами. Астафьев в своем кругу часто вел себя не слишком корректно, что обижало людей. Аргумент писателя звучал так: «Я вас старше на целую войну!». В январе 1976 года редакция «Красного Севера»

¹ Например, в монографии об Астафьеве Юрия Ростовцева.

готовила подборку материалов по поводу очередного награждения Астафьева и предложила Белову написать несколько строк о друге и коллеге. Заметка Василия Ивановича называется «На стыке двух поколений». В абсолютно комплементарном ключе упомянуты три повести Астафьева: «Звездопад» («лаконичное и целомудренное повествование о солдатской любви»), «Кражा» («лучшая у Астафьева») и «Где-то гремит война...» («совершенно близкая» Белову «атмосфера» повести). Однако в подтексте содержится явная полемика со старшим писателем, неоднократно утверждавшим (как текстами, так и поведением), что воевавшие имеют какое-то экзистенциальное превосходство над «опоздавшими на войну».

Белова, хлебнувшему горя в тылу в детские годы, такая позиция фронтовика раздражает. Он утверждает: «В. Астафьев как бы связал, воссоединил для меня как читателя два поколения: фронтовое, отцовское, и мое собственное, фэзэошное. Оказалось, что никакого разрыва между этими поколениями нет и не может быть...» [6, с. 495]. (Астафьев же считал, что поколенческий разрыв есть.) А если разрыва нет, то и претензии Астафьева на особый авторитет и лидерство на основании только военного прошлого необоснованы.

Учительная направленность публистики Белова отвечала характеру его личности, в частности, представлению о гармонично организованной и проникнутой регулярным порядком жизни – «ладом», сохранившимся еще в какой-то степени в мире русской деревни. По большому счету основной пафос публицистических выступлений Василия Ивановича Белова – это борьба за лад, основанную на православии гармонию русской жизни вообще.

Литература

1. Астафьев, В. П. Крест бесконечный: [письма из глубины России] / Виктор Астафьев, Валентин Курбатов; [предисл. Г. Сапронова ; послесл. Л. Аннинского]. – Иркутск : Сапронов, 2002. – 509 с.
2. Астафьев, В. П. Собрание сочинений. В 15 томах. Т. 14. Письма, 1961-1989 годы / Виктор Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1998. – 478 с.
3. Астафьев, В. П. Собрание сочинений. В 15 томах. Т. 15. Письма, 1990-1997 годы / Виктор Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1998. – 509 с.
4. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. [Т.] 3. / Василий Белов; [сост.: С. Ю. Баранов, О. С. Белова; под общ. ред. Ф. Ф. Кузнецова]. – Москва: Классика, 2011. – 509 с.
5. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. [Т.] 5. / Василий Белов; [сост.: С. Ю. Баранов, О. С. Белова ; под общ. ред. Ф. Ф. Кузнецова]. – Москва: Классика, 2012. – 630 с.
6. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. [Т.] 7. / Василий Белов; [сост.: С. Ю. Баранов, О. С. Белова ; под общ. ред. Ф. Ф. Кузнецова]. – Москва: Классика, 2012. – 622 с.

7. Гоголь, Н. В. Сочинения Н. В. Гоголя. В 12 томах. Т. 7 / ред. Н. С. Тихонравова. – Санкт-Петербург: Изд. А. Ф. Маркса, 1900. – 228 с.

8. «Конечно, читая, я плакал...»: (из писем Глеба Горышина Василию Белову) / предисл. и публ. А. Г. Гродецкой // Русская классика. Сборник статей к 85-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Н. Н. Скатова / ред.-сост. А. Дмитриев, Ю. Прозоров. – Санкт-Петербург: Росток, 2017. – С. 619-626.

9. Кулябин, А. М. "Несвободная свобода": (В. И. Белов об информационной войне конца 1980-х – начала 2000-х годов) / А. М. Кулябин // Беловский сборник / редкол.: Г. В. Судаков (гл. ред.), С. Ю. Баранов, С. Х. Головкина. – Вологда: ВоЛНЦ РАН, 2017. – Вып. 3. – С. 62-66.

10. Курбатов, В. Я. Подорожник. Встречи в пути, или Нечаянная история литературы в автографах попутчиков / В. Я. Курбатов. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2006. – 305 с.

11. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе: [учеб. пособие для вузов]: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / В. Набоков. – Москва: Независимая газета, 1998. – 440 с.

12. Никитин, О. В. О языке публицистики В. И. Белова / О. В. Никитин // Беловский сборник / редкол.: Г. В. Судаков (гл. ред.), С. Ю. Баранов, С. Х. Головкина. – Вологда: ВоЛНЦ РАН, 2017. – Вып. 3. – С. 153-155.

13. Пришвин, М. М. Дневники, 1926–1927 / М. М. Пришвин. – Москва: Русская книга, 2003. – 321 с.

14. Смирнова, М. П. Уроки русского: к вопросу о трансформации иерархии ценностей в российских СМИ: (на материале публицистики В. И. Белова) / М. П. Смирнова // Беловский сборник / редкол.: Г. В. Судаков (гл. ред.), С. Ю. Баранов, С. Х. Головкина. – Вологда: ВоЛНЦ РАН, 2017. – Вып. 3. – С. 222-229.

15. Тихон «Несвятые святые» и другие рассказы / архим. Тихон (Шевкунов). – Изд. 2-е, испр. – Москва: Изд-во Сретенского монастыря : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 639 с.

16. Шкловский, В. Удачи и поражения Максима Горького / Виктор Шкловский. – Тифлис: Заккнига, 1926. – 66 с.

Г. В. Судаков,
С. Х. Головкина
г. Вологда

ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «РУССКИЙ МИР» КАК ПЕРСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА В. И. БЕЛОВА¹

Статья раскрывает проблемы и перспективы исследования творчества В. И. Белова. Авторы обозначают новый системный подход к лингвистическому анализу образов «русского мира» и их лексикографическому описанию, определяют этапы и содержание работы над Словарем языка В. И. Белова.

Ключевые слова: В. Белов, функционально-семантическое поле, русский мир, вологодский текст, словарь

G. V. Sudakov,
S. H. Golovkina
Vologda city

STUDY OF THE FUNCTIONAL SEMANTIC SPHERE «RUSSIAN WORLD» AS A PROSPECT OF LEARNING THE LANGUAGE OF VASILY BELOV

The article reveals the problems and prospects of the study of V.I. Belov. The authors designate a new systematic approach to the linguistic analysis of the images of the «Russian world» and their lexicographic description, determine the stages and content of work on the Language Dictionary by V.I. Belov.

Keywords: Vasily Belov, functional-semantic sphere, Russian world, the Vologda text, dictionary

Выдающийся писатель, лауреат Государственных премий СССР и РФ Василий Иванович Белов оставил богатое разнообразное наследие: он писал стихи и прозу, пьесы и киносценарии, детские рассказы и публицистические статьи для взрослых. Философия и мировоззрение, характерные для «русского мира», зафиксированы В.И. Беловым наиболее полно и выразительно, причем в оригинальной авторской манере. Живой читательский интерес к произведениям писателя с течением времени не угасает, его рассказы включены в школьную программу. Он продолжает быть одним из наиболее известных современных писателей и как лидер «деревенской прозы» – мощной ветви русской литературы XX – XXI вв., и как глубокий выразитель традиционных ценностей русского человека, нравственного идеала севернорусского

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00348 «Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова».

крестьянства. В творчестве В. И. Белова с большой точностью отражается картина мира русского крестьянства, исторически представляющая собой национальную ценность: «крестьянство являлось не только самым многочисленным сословием в России, но и хранителем ее этнической культуры, в том числе ее религиозной ипостаси» [23, с. 3].

В произведениях писателя убедительно показана, с одной стороны, роль православной традиции в формировании самобытной духовной культуры Русского Севера, с другой стороны, влияние на нее языческих верований. Писателю удалось раскрыть мистико-иррациональные свойства души русского крестьянина.

Художественный мир произведений писателя нередко становился предметом разноспектного изучения литературоведов. С позиций литературоведения творчество В. И. Белова исследовано довольно полно, литературоведы написали 33 диссертации (в т. ч. 4 – докторские) о творчестве Белова.

Исследованию подвергались принципы организации целостной идеально-художественной системы прозаических текстов В. И. Белова (В. А. Емельянов [16], В. Н. Евсеев [15], А. В. Сальникова [26]), особенности индивидуально-авторского осмыслиения нравственных, философских, социальных проблем в разные периоды творчества (например: Н. С. Балаценко [4], Н. В. Дворянова [24], Л. В. Соколова [27] и др.), проблем национального самосознания (Т. Е. Аркатова [3]), жанрово-стилевые особенности прозы писателя (Н. А. Гаврилова [8], А. А. Ильи [19] и др.). Нередко сопоставительный аспект таких исследований связан с определением места писателя и его произведений в ряду авторов «деревенской прозы»: Ф. Абрамова, В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина. В рамках сравнительного изучения славянских литератур интересна диссертация Д. Герчиньской о восприятии прозы В. Белова польским читателем и точности перевода текста [11]. Творчество Белова получило оценку и в литературной критике конца XX века. Тем не менее до сих пор не изучены многие составляющие художественного мира писателя. В литературоведении и литературной критике советской эпохи (да и позднее) часто вместо выявления специфики художественного мира Белова оценивались его жизненные взгляды и общественная позиция.

На этом фоне язык произведений В. И. Белова мало исследован, многие особенности его художественной речи пока не замечены и не проанализированы. Одной из первых работ, связанных с описанием народно-разговорной и диалектной лексики произведений В. И. Белова, стала книга Л. Г. Яцкевич «Народное слово в произведениях В. И. Белова. Словарь» [24]. Только в 2012 году появляется кандидатская диссертация О.С. Ширяевой, отражающая лингвистический подход к анализу лексики писателя [35]. Автор рассматривает семантическую структуру, словообразовательный и образный потенциал клю-

чевого для русской культуры слова «душа» в художественных произведениях советских писателей (в том числе В. И. Белова).

Активное и последовательное изучение языка художественных текстов В. Белова начинается во многом благодаря организации и проведению в Вологде Всероссийских Беловских чтений. Язык В. И. Белова исследуется как методами когнитивной лингвистики, так и средствами лингвокультурологии, что отражает ряд лингвистических статей в изданиях по материалам конференций: «Вологодский текст в русской культуре» [7] и «Беловский сборник» [5].

И все-таки исследования последних пяти лет содержат либо описание отдельных фрагментов художественной картины мира В. Белова, либо отражение специфики языковой личности в отдельных произведениях как части «вологодского текста». По-видимому, становится все более актуальным системный лингвистический анализ приемов, средств и способов формирования национальной картины мира в языке В. И. Белова. Исследование всех сторон художественной речи Белова с учетом современных методик является задачей актуальной. Пока наши проникновения в сокровищницу художественной речи Василия Ивановича можно сравнить с взглядом случайного посетителя, вооруженного карманным фонариком: мы смотрим на одну случайно выхваченную деталь, не видя и не понимая всей системы. А вся система – это национальная картина мира или русский мир в языке писателя. Проблема отражения национальной картины мира в языке В. И. Белова рассматривалась лишь как составляющая в ряду других проблем: проблема языковой личности в произведениях В. И. Белова, проблема вологодского текста.

Уникальность культурной традиции и национального мировосприятия, выраженные в творчестве писателей, все чаще становятся предметом изучения как в современной филологии, так и в других гуманитарных науках. Национальное, уникальное в культурной традиции – один из главных аспектов современной филологической науки, как и других гуманитарных наук. Национальное и традиционное В. И. Белов в книге очерков о народной эстетике «Лад» трактует как явления синонимичные.

В начале XXI века лингвисты эффективно разрабатывали методику изучения национального образа мира вообще и своего национального, в частности. В научном освоении национального образа мира наметились две тенденции. Первая состоит в выявлении фольклорных образов, мотивов и речевых средств и отражена, например, в работе Г. Д. Гачева [10]. Впрочем, исследователь как философ-эссеист не определяет состав художественных компонентов национального, его больше привлекает мифопоэтическое, не поддающееся рациональному объяснению.

Исследователи второй группы, работающие в сфере этнопоэтики, под национальной спецификой понимают трансформацию фольклорных канонов, православных образов

и мотивов и приходят к выводу о единстве фольклорных традиций и христианской культуры в русской литературе. Они понимают национальный образ мира как многоуровневую художественную структуру, как комплекс взаимосвязанных компонентов литературного текста, тоже обладающих этнокультурной спецификой. Подобный подход отражен, например, в диссертации С.В. Шешуновой и двух ее монографиях на эту же тему [32; 33; 34].

Из лингвистов русскую языковую картину мира изучали А. Вежбицкая [6], А. А. Зализняк [17], А. Д. Шмелев [36], Е. С. Яковлева [37]. Попытка реконструкции языковой картины мира русского человека представлена учеными в коллективной монографии, где анализируются ключевые слова русской языковой картины мира: *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость, обида, попрек, собираяться, добираться, постараться, сложилось и др.* [18]. По мнению этих лингвистов, «ключевые слова» (они же – названия концептов) в силу своей лингвоспецифичности позволяют понять особенности русской языковой картины мира. На базе этой теории возникла когнитивная лингвистика, имеющая свои методы и приемы семантико-функциональных исследований [25].

Другой подход (с позиций лингвопоэтики) предполагает выявление и анализ выразительной способности языковых единиц, прежде всего лексики и фразеологии с целью реконструкции системы национальной ментальности [20; 22].

В основу нашего проекта «Художественный мир В. И. Белова как прообраз «Русского мира»» включены такие значимые составляющие компоненты этого феномена: своеобразие национального мировидения, культ семьи и труда, добро в отношении к окружающему миру и к природному космосу, гармония крестьянского быта, славянских обычаяев и православной обрядности. Традиционность жизни поддержана пространственными координатами: топос дома, храма, деревни, дороги.

Группой исследователей, участвующих в проекте, было установлено, что В. И. Белов, следя народной традиции, очень точно описывает образы мифологических персонажей. Писателю свойственна детальность в изображении быта русского человека. Отражение некоторых сфер и реалий крестьянской жизни (дом, изба, семья, орудия труда) связано с мифологическими представлениями и фольклорной традицией формирования образов национальной картины мира. Календарные обряды, народные приметы, поговорки, присловья и присказки, частушки – мастерски вписаны В. И. Беловым в ткань многих его произведений. Исследование сакрального пласта лексики в произведениях писателя позволяет показать особенности менталитета и духовной культуры русского народа.

В результате анализа текстовых единиц выяснено, что в художественной речи писателя значима даже звуковая оболочка слов. Важнейшей характеристикой звуковой

материи в беловском тексте является ее способность выражать эмоции и смысл. Описывая психологическое состояние героев, В. И. Белов нередко использует звуковой фон, изображая мелодику северной речи в диалогах героев, дает ей образную характеристику. Широко используются слова, которые номинируют звуки живой и неживой природы. При всем многоголосье крестьянской жизни особое значение приобретает образ тишины. Тишина для писателя – это прежде всего умиротворенное состояние русской природы, а также души человека, Тишина осознается как благодать, гармоническое состояние мироздания. Можно выделить ряд мотивов, связанных с образом тишины: покой, гармония, лад, характеризующие крестьянский мир; спокойствие, тепло, уют родного дома; размеренная традиционная жизнь; умиротворенное состояние природы; гармоническое состояние мироздания; гораздо реже – безлюдье, темнота; опасность, враждебность, смерть.

На сегодняшний день результаты проведенных наблюдений над отдельными образами «русского мира»: семья, дом, труд, дорога, православие, вера, лад как русская модель мира – уже опубликованы в журналах и тематических сборниках. Частично описаны случаи использования в текстах В. Белова диалектизмов, цветообозначений, сравнительных структур и др. Созданы тематические словарные картотеки, выполнены лексико-семантические и функционально-стилистические описания нескольких сотен лексических и фразеологических единиц.

В формировании образа «русского мира» у В. И. Белова ключевыми являются следующие компоненты: этнопоэтический и духовно-нравственный с православной доминантой. В произведениях писателя убедительно показана как значимая роль православной традиции в формировании самобытной духовной культуры Русского Севера, так и влияние на нее языческих верований. Писателю удалось раскрыть мистико-иррациональные свойства души русского крестьянина.

Вот почему возникает необходимость фундаментального исследования системы проявлений русской ментальности в творчестве Белова. Анализ глубинных изменений языка как выражения мысли, чувства, воли русского человека будет производиться с опорой на методы лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и лингвопоэтики. Успешные опыты такого анализа имеются в исследовательской практике вологодских лингвистов: Е. П. Андреевой [1; 2], С. Х. Головкиной [12; 13], Н. В. Комлевой [21], Г. В. Судакова [28; 29; 30; 31], Л. Г. Яцкевич [38; 39]. Изучение функционально-семантического поля (ФСП) «Русский мир» в творчестве В. И. Белова позволит выявить семантическое содержание данного функционально-го поля в прозе, драматургии и публицистике В. И. Белова. Оптимальным способом оформления исследуемых фактов может стать лексикографическое описание.

Разработка проспекта «Словаря языка В. И. Белова» и словарных статей потребует использования методов современной «писательской» лексикографии (практики составления словарей языка писателя). Обращение к электронному варианту «Собрания сочинений» В. И. Белова в 7-ми томах даст возможность ускорить процесс создания проспекта словаря. Материал словаря будет систематизирован с учетом тематических групп слов. В них войдут слова, репрезентирующие основные национальные ценности, важные для идентичности русского человека: *вера, дом, добро, душа, семья, земля, память, правда, путь, слово, смех, совесть, труд*, а также глобальные оппозиции *свое – чужое, справедливость – обман, истина – ложь, народ – власть, гражданин – государство* и др. Ключевые слова в художественной речи писателя будут проанализированы с учетом их коннотативной и функционально-стилистической нагрузки, что позволит углубить представление о национальном своеобразии современной русской литературы и об идеально-художественном смысле понятия «Русский мир».

Работа над Словарем предполагает несколько этапов.

Предварительный этап – создание сводного библиографического указателя исследований по творчеству В. И. Белова и других авторов, связанных с Вологодским краем: П. Засодимского, Н. Клюева, В. Шаламова, А. Яшина, С. Викулова, Н. Рубцова, О. Фокиной. К работе будет привлечен электронный каталог, подготовленный сотрудниками ВОУНБ им. Бабушкина [8]. Предполагается составление словарника «Словаря языка В. И. Белова», выборка из текстов произведений В. И. Белова всех контекстов словоупотребления отобранного круга языковых единиц.

Этап анализа языковых единиц (слов, фразеологических сочетаний, паремий, прецедентных высказываний, изобразительно-выразительных средств) и подготовки словарных статей.

В ходе этого этапа предполагается, во-первых, описание ключевых слов и оппозиций, составляющих ФСП «Русский мир», которые будут собраны методом сплошной выборки. Образная семантика и концептуальное содержание слов будет представлено с учетом их синтагматических, paradigmатических, образно-ассоциативных связей, актуализации тех или иных компонентов их лексического значения, возможностей «семантической диффузии» слов в тексте, историко-культурных коннотаций.

Во-вторых, разноспектное исследование слова включает также анализ основных средств выразительности, отражающих индивидуально-авторский стиль В. И. Белова. Наиболее яркими и регулярно фиксируемыми в текстах писателя являются звуковые и лексико-семантические повторы, сравнения разного типа, цепочки эпитетов, градации, метафоры. Словарная статья содержит сведения о частоте использования тропа (или стилистической фигуры), анализ

структуры, семантики и стилистических функций этих средств, значимых для воплощения авторского замысла. Важным для изучения идиостиля писателя оказывается установление соотношения тропических средств и типов повествовательных форм. По-видимому, необходимо отразить в словарной статье и то, как в плане формы и содержания отличаются повторы, сравнения, эпитеты в авторском повествовании, несобственно-прямой и прямой речи персонажей.

Кроме того, будут исследованы имена собственные, значимые для субъектной организации трилогии В. И. Белова «Час шестой». Изучение моделей именования людей сельского микросоциума и признаков, положенных в основу номинации, а также факторов, обуславливающих выбор формы имени в конкретной речевой ситуации, позволяет выявить мировоззренческие установки деревенских жителей: творческое и ироничное восприятие окружающего мира.

Заключительный этап предполагает выявление лингвopoэтических связей произведений Белова с традициями русской классической литературы и литературным наследием других славянских народов.

Таким образом, результатом исследований функционально-семантического поля «Русский мир» будет раскрытие путем анализа средств языка национального образа мира как целостной эволюционирующей структуры, отражающей идеальные и художественные изменения стиля писателя. Впервые предметный мир, нравственные установки и хронотопы произведений автора будут описаны с помощью анализа системы ключевых слов, актуальных для национального менталитета. Структурно-семантическому и функциональному анализу будут подвергнуты основные средства выразительности в языке В. Белова. Это позволит установить лингвopoэтические связи творчества Белова с традициями русской классической литературы. Оригинальность художественного метода писателя позволяет впервые поставить вопрос о В. И. Белове как об одном из авторов наиболее ярких произведений, соответствующих статусу «вологодского текста» в русской литературе.

Литература

1. Андреева, Е. П. Образ тишины в произведениях В. И. Белова / Е. П. Андреева // Беловский сборник: [материалы Третьих Всероссийских Беловских чтений (Вологда, 19-21 октября 2016 г.) / Администрация г. Вологды, Вологод. гос. ун-т, Союз писателей России, Вологод. отд-ние РГО. Вологда: Легия, 2016. – Вып. 2. – С. 164-170.
2. Андреева, Е. П. Образы мифологических персонажей в вологодских говорах и в прозе В. И. Белова: этнолингвистический аспект / Е. П. Андреева // Беловский сборник : [материалы Пятых Всероссийских Беловских чтений (Вологда, 22-24 октября 2018 г.)] / [редкол.: Г. В. Судаков (гл. ред.),

С. Ю. Баранов, С. Х. Головкина, Л. В. Бабич]. – Вологда, 2018. – Вып. 4. – С. 170–178.

3. Аркатова, Т. Е. Национальный образ мира в прозе В. И. Белова: диссертация на соиск. уч. степени канд. филол. наук / Т. Е. Аркатова. – Владивосток, 2008. – 195 с.

4. Балаценко Н.С. Художественная концепция личности в творчестве В. Белова и В. Маканина 60–80-х годов. Дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. – Армавир, 2000.

5. Беловский сборник. Материалы Всероссийских Беловских чтений. Вып. 1-4 / [ред. Г. В. Судаков]. – Вологда, 2016-2018.

6. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.

7. Вологодский текст в русской культуре: сборник статей по материалам конференции / Вологод. гос. ун-т ; [редкол.: Е. Н. Ильина, С. Ю. Баранов, С. Х. Головкина]. – Вологда: Легия, 2015. – 379 с.

8. Вологодская областная универсальная научная библиотека: [сайт]. – Вологда: URL: <https://www.booksite.ru/orasg/> (дата обращения: 10.10.2019). – Текст: электронный.

9. Гаврилова, Н. А. Романы В. И. Белова «Кануны», «Год Великого перелома», «Час шестой» как художественная целостность: диссертация на соиск. уч. степени канд. филол. наук / Н. А. Гаврилова. – Череповец, 2002. – 165 с.

10. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Космопсихологос. – Москва: Прогресс-Культура, 1995. – 479 с.

11. Герчиньска, Д. Восприятие творчества Василия Белова и Валентина Распутина в Польше (60-80-е годы): автореферат диссертации доктора филологических наук / Д. Герчиньска. - Москва, 1997. - 33 с.

12. Головкина С. Х. Образ дороги в произведениях В. И. Белова / С. Х. Головкина // Беловский сборник / Союз писателей России, Администрация г. Вологды, Вологод. гос. ун-т. – Вологда, 2017. – Вып. 3. – С. 189-195.

13. Головкина, С. Х. Именования свойственников в повести В. И. Белова «Привычное дело» / С. Х. Головкина // Беловский сборник: [материалы Пятых Всероссийских Беловских чтений (Вологда, 22-24 октября 2018 г.)] / [редкол: Г. В. Судаков (гл. ред.), С. Ю. Баранов, С. Х. Головкина, Л. В. Бабич]. – Вологда, 2018. – Вып. 4. – С. 179–186.

14. Дворянова, Н. В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В. И. Белова 1960-1970-х годов: диссертация на соиск. уч. степени канд. филол. наук / Н. В. Дворянова. – Москва, 2008. – 219 с.

15. Евсеев, В. Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук / В. Н. Евсеев. – Москва, 1989. – 16 с.

16. Емельянов, В. А. Идейно-художественная эволюция характеров в прозе В.И. Белова: диссертация на соиск. уч. степени канд. филол. наук / В. А. Емельянов. – Москва, 1984. – 204 с.

17. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – Москва: Языки славянской культуры, 2006. – 672 с.
18. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
19. Ильин, А. А. Эпический цикл в современной русской прозе (на материале творчества В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина, Ю. Бондарева): автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук / А. А. Ильин. Санкт-Петербург, 1992. – 18 с.
20. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.
21. Комлева, Н. В. Личные имена и прозвища в повестях и рассказах В. И. Белова // Ономастика Поволжья: материалы XVI международной науч. конф. (Ульяновск, 20-23 сентября 2017 г.). В 2 томах. Т. 2 / под ред. С. В. Рябушкиной. – Ульяновск: УлГПУ, 2017. – С. 369-374.
22. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ЧеRo, 2003. – 349 с.
23. Листова, Т. А. Предисловие // Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков: итоги этнографических исследований / [Т. А. Листова, Т. А. Воронина, И. А. Кремлева [и др.]. – Москва: Наука, 2001. – 7-35.
24. Народное слово в произведениях В. И. Белова: словарь / автор-сост. Л. Г. Яцкевич. – Вологда: ИЦ ВИРО, 2004. – 214 с.
25. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
26. Сальникова, Я. В. Художественная картина мира в прозе В. Белова (пространственно-временные координаты): автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук / Я. В. Сальникова. – Воронеж, 2011. – 21 с.
27. Соколова, Л. В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века (В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев): автореферат дисс. на соиск. уч. степени доктора филол. наук / Л. В. Соколова. – Санкт-Петербург, 2005. – 41 с.
28. Судаков, Г. В. Проза В. И. Белова как образец вологодского текста / Г. В. Судаков // Литература в школе. – 2017. – № 9. – С. 2-7.
29. Судаков, Г. В. Знатоки вологодской «говори» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 104-107.
30. Судаков, Г. В. Особенности языка художественной прозы В. И. Белова // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 54-60.
31. Судаков, Г. В. Пословицы и поговорки в творчестве В. И. Белова: (на материале повести «Вологодские бухтины») /

Г. В. Судаков, Д. В. Панцырева // Культурология. Филология. Искусствоведение: Актуальные проблемы современной науки. Сб. статей по материалам XI международной научно-практической конференции / отв. ред. М. А. Васинович. – Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2018. – С. 72-76.

32. Шешунова, С. В. Национальный образ мира в русской литературе: П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын: диссертация на соиск. уч. степени доктора филол. наук / С. В. Шешунова. – Дубна, 2006. – 368 с.

33. Шешунова, С. В. Национальный образ мира в эпопее А. И. Солженицына «Красное колесо» / С. В. Шешунова. – Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 2005. – 111 с.

34. Шешунова, С. В. Образ мира в романе «Няня из Москвы» / С. В. Шешунова. – Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 2002. – 99 с.

35. Ширяева, О. С. Душа как ключевое слово русской культуры: (на материале произведений Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Соловухина, В. Распутина): диссертация на соиск. уч. степени канд. филол. наук / О. С. Ширяева. – Волгоград, 2012. – 236 с.

36. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

37. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – Москва: Гнозис, 1994. – 343 с.

38. Яцкевич, Л. Г. Крестьянская смеховая культура в произведениях В.И. Белова: языческие и христианские традиции / Л. Г. Яцкевич // Беловский сборник: материалы 4 Всероссийских Беловских чтений / отв. ред Г. В. Судаков. – Вологда: ВоЛНЦ РАН, 2017. – Вып. 3. – С. 142-153.

39. Яцкевич, Л. Г. Православное слово в творчестве вологодских писателей / Л. Г. Яцкевич. – Москва: Инфра-Инженерия, 2019. – 386 с.

А. В. Петров
г. Архангельск

**«ВЕТРЕНО, ТАК ВЕТРЕНО...»
ПОВЕСТЬ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ
ДЕЛО» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМАНТИКО-
ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ БЕЗЛИЧНОСТИ**

В статье раскрывается образный и эмоционально-экспрессивный потенциал русских безличных предложений в художественном тексте на материале повести Василия Белова «Привычное дело». Рассматривается ключевая фраза повести, которая представляет собой безличное предложение. Анализируется функционирование наиболее частотных в повести безличных предикатов, различных типов безличных предложений.

Ключевые слова: безличные предложения, Василий Белов, безлично-предикативные слова, интенсивы.

A. V. Petrov
Arkhangelsk city

**«IT'S WINDY, SO WINDY...»
ANALYSIS OF VASILY BELOV'S STORY «HABITUAL
DEAL» IN THE LIGHT OF SEMANTIC AND GRAMMATICAL
CATEGORY OF IMPERSONALITY**

The article reveals the imaginative and emotionally expressive potential of Russian impersonal sentences in fiction. It is based Vasily Belov's story "Habitual deal". The key phrase of the story, which is an impersonal sentence, is examined. The article analyzes the functions of the impersonal predicates most frequently used in the story, of various types of impersonal sentences.

Keywords: impersonal sentences, Vasily Belov, impersonal predicative words, intensives.

Первая главка последней седьмой главы повести Василия Белова «Привычное дело», носит название «Ветreno, так ветreno...». Это одно из самых пронзительных мест в повести: Евстоля рассказывает Степановне о смерти своей дочери – Катерины, жены главного героя повести Ивана Африкановича Дрынова: «Я-то, милая, сижу плачу, не знаю, чего делать, а она только после и сказала уж без памяти, видно, сказала: «Иван, **ветreno**, – говорит, – ой, Иван, **ветreno** как!» – да тут и вытянулась, чую, затихла вся...»

Еще четырежды эта фраза умирающей героини прозвучит в повести, она станет своеобразным рефреном, лейтмотивом душевных переживаний главного героя. Глазами этого персонажа читатели видят осенний пейзаж,озвученный его настроению и меняющемуся мировоззрению, при этом фраза

приобретает философский смысл: «**Ветreno**, так **ветreno** на опустелой земле... Уже поредели, стали прозрачнее расцвеченные умирающей листвой леса, гулкие прогалины стали шире, затихло птичье многоголосье».

Эта фраза придает сил заблудившемуся, отчаявшемуся герою, находящемуся на грани жизни и смерти: «Холодная светлая вода напомнила ему сосновский родник, где видел он в последний раз Катерину, и опять зашаялась в сердце скорбная горечь. «**Ветreno**, так **ветreno**... Надо идти. Идти».

Эта фраза вспоминается герою в день сороковин после смерти жены, её слова, оставаясь источником горечи, катализатором для раскаяния, становится отправной точкой для обретения героям «ровного душевного покоя», возрождающего его к новой жизни: «Иван Африканович следил, как исчезал на воде утиный след. Он вспомнил, что сказала Евстолья о последнем Катеринином часе. Его звала, ему говорила: «**Ветreno**, Иван, ой, **ветreno**, не езди никуда. **Ветreno**, **ветreno**...»».

И сразу же с красной строки в качестве антитезы, символизирующей перемены в душе и сознании героя: «Нет, сегодня **было** на озере **тихо**, не **ветreno**, тростники не шевелятся, вода сонная, как масляная, лежала у ног. И хвощи стояли в ней словно впаянные».

И в последний раз автор приводит эту ключевую фразу через два абзаца в качестве олицетворения вечного круговорота жизни с ее мудростью и величием: «**Ветreno**, опять **будет ветreno** на лесном озере: голубые валы покатятся в одну сторону, и тревожно заорут на воде толстухи гагары».

Не случайно писатель использует именно безличную конструкцию для оформления этой смысловой единицы и сверхвыразительной фразы. Безличные предложения как самые разнообразные по структуре и семантике русские синтаксические образования являются феноменом русского синтаксиса, в них находит адекватное отражение специфики русской ментальности, особенности национальной картины мира, они сами по себе обладают огромным образным и эмоционально-экспрессивным потенциалом, поэтому в полной мере реализуются именно в художественном дискурсе, становясь хорошим подспорьем для художников слова.

Рассмотрим идеально-смысловое и образное содержание вершинной повести Василия Белова «Привычное дело» через призму семантико-грамматической категории безличности, при этом мы будем использовать свою классификацию русских безличных предложений [5]. Н.Д. Арутюнова считает, что безличные конструкции отражают определенную жизненную позицию человека – его стремление согласовывать свои действия с течением жизни: жить как живется, делать то, что делается. Человек как бы приравнивается к природе, а его действие – к действию стихии [1, с. 807-808].

Так, безлично-предиктивное слово *ветreno*, составляющее грамматическую основу ключевой фразы повести,

выражает состояние природы, характеризующееся наличием ветра как движения потока воздуха, причем, когда говорят, что *сегодня ветрено*, то скорей всего имеет в виду не просто сам факт наличия ветра, но прежде всего его ощутимую силу, формирующую, в зависимости от ситуации, комфортное или дискомфортное состояние человека.

Здесь предикат *ветрено* сопровождается интенсивами [3] *как, так* и междометием *ой*, указывающими на негативную оценку ситуации, при этом в большей степени речь идет не столько о самом состоянии природы, сколько о его неблагоприятном воздействии на человека: *ветрено, поэтому лучше никуда не ехать*. Однако в предсмертном бреду героини угадывается и другой смысл, переносящий погодные условия на неблагоприятные условия человеческой жизни, а также на тяжелое физическое состояние умирающей.

У прилагательного *ветреный* имеется переносное значение ‘легкомысленный, пустой’. В какой-то мере данная характеристика относится к герою повести Ивану Африкановичу, склонному к авантюрному, легкомысленному поведению. О зависимости героя от различных обстоятельств, о его бесхарактерности, слабости говорится в повести тоже с помощью безличной конструкции, выражающей результативное состояние, независимое от испытывающего его субъекта: «Уж **так повелось**, что всю его судьбу решали всегда без него». Верно замечает А. В. Федорова: «Дрынов не столько субъект действия, сколько объект приложения силы обстоятельств» [6, с. 48].

Именно безличные предложения представляют важный для повести смысл. Так, к наиболее частотным в этом произведении безлично-предикативным словам относится *тихо* как выражение тишины, спокойствия, умиротворения, гармонии, к которым подспудно стремятся персонажи: «Черед же пришел широкому благодатному утру. Сначала **стало тихо**, так тихо, что даже петухи крепились и сдерживали свой пыл; Дергач замолк, опять **стало совсем тихо**; ...а ночь темная, и **тихо до того**, что в ушах так и звенит; Крупная изумрудная звезда еще при солнышке взошла над гумном, отблеяли в проулке чернозубые овцы, сумерки не спеша наплывали от окрестных ельников». **Тихо-тихо** – обращают на себя внимание различные языковые средства, оценивающие степень тишины.

Т. Н. Воронина отмечает: «Ключевым в описании деревенских реалий и действий является определение «тихий»: «тихая дорога», «тихая заря», «тихие дожди» и т. п. Это главная характеристика естественного, правильного ритма, следование которому обеспечивает целостность природно-деревенского мира, лад» [2, с. 43].

В локативно-субъектных безличных предложениях носителем предикативного признака выступает определенное ограниченное пространство, которое «испытывает» некое состояние, в контексте повести, можно сказать, «смакует»

состояние тишины деревня: «Бревна Ивана Африкановича опустели на время. В деревне опять **стало тихо**; В деревне тихо, слышно, как пищат над лугами чибисы, и в перерывах между журчанием жаворонка слышен дальний голос кукушки. **Тихо**, у всех ворот батоги, – видно, уж и на силос косят». А в следующем контексте установившееся состояние тишины в помещении вызвано неадекватным поведением Ивана Африкановича, пошедшем на членов правления колхоза с кочергой наперевес, движимый «ощущением спокойного веселого безрассудства»: **«В канторе стало тихо-тихо»**.

Важно, что предикат *тихо* составляет однородный ряд с другими предикатами, выраженным словами на -о в отдельно стоящем, составляющем абзац нераспространенном безличном предложении в последней главе повести, ближе к финалу: **«Было тихо, свежо, солнечно»**. Здесь состояние природы фактически сливаются с состоянием главного героя, наконец-то обретшего душевный покой, осознавшего необходимость и неотвратимость дальнейшей жизни.

Заметим, что это осознание автор также передает через сочетание именно безличных конструкций, в данном случае безлично-модальных, передающих объективную модальность долженствования: «Жись. Жись, она и есть жись, – думал он, – **надо**, видно, жить, деваться некуда». Точно так же воспринимает вынужденные перемены в жизни после скоропалительного отъезда мужа Катерина: **«Делать нечего, надо было жить»**. Эта фраза перекликается с одним из финальных предложений рассказа «Весна», который принято считать «своеобразным спутником» повести «Привычное дело»: **«Надо было жить, сеять хлеб, дышать и ходить** по этой трудной земле, потому что другому **некому было делать** все это». О. Ю. Неволина замечает: «Рассказ созвучен повести «по основному тону, проблематике и авторской концепции мира и человека. Эта концепция трагична, человек в соответствии с ней изначально обречен страдать, испытывать лишения, терпеть и находить смысл своего существования в его поддержании и продолжении» [4, с. 94].

Приведем еще примеры выразительного употребления безличных предложений в повести: **«В избе** и в самом деле **было красно** от почетных грамот и дипломов» – снисходительно-ироничное описание жилища передовой колхозницы; **«В доме сразу как нетоплено стало»** – безличный предикат выразительно передан сравнительным оборотом, речь идет о состоянии дома во время болезни Катерины в восприятии Ивана Африкановича: дом ему кажется холодным, неуютным.

Глагольные неопределенко-субъектные безличные предложения, передающие активное действие неопределенного деятеля, в русском языке стилистически маркированы, они употребляются исключительно в художественной речи и обладают немалым изобразительно-выразительным потенциалом, в анализируемой повести мы обнаружили

одно такое предложение, выражающее слуховое восприятие результатов действия как будто бы неопределенного субъекта: ««Будешь ты, – говорю, – спать сегодня аль не будешь?» Слыши – захрапело». Показательно, что речь идет о главном герое повести – Иване Африкановиче (Мишке рассказывает о ночном происшествии), именно о нем высказываются как о чем-то бессубъектном, безличном.

Сочетание в одном контексте различных по структуре и семантике безличных предложений позволяет писателю создать яркий, выразительный, смыслоемкий образ. Так, небольшой абзац в главке «Утро Ивана Африкановича» представляет собой пейзажную зарисовку,озвученную с сиюминутным настроением и всегдашим мировоззрением главного героя: «Морозный, ничем не пахнущий воздух проникал глубоко в грудь, отчего и дышать было можно редко-редко, а может, **можно** и совсем не дышать. До того легко, до того просто» – антонимичные безлично-модальные конструкции **можно дышать** и **можно не дышать** создают гиперболу, характеризующую качество морозного воздуха, составляющая второе предложение неполная безлично-оценочная конструкция с пропущенным инфинитивом **дышать** с однородными предикатами и повторяющимися интенсивами *до того* воспринимается бессубъектной конструкцией, оценивающей общее состояние окружающей среды и человека в ней: «легко и просто в мире и в душе».

Дважды в тексте повести встречаются сходные по содержанию сложные предложения, состоящие из двух противопоставленных безличных конструкций – модальной и генитивной: **Хотелось пить, а родничка не было; Хотелось пить, воды нигде не было**. В обоих случаях речь идет об Иване Африкановиче: первое предложение, сложносочиненное, составляет отдельный абзац – возвращающийся из города, еще не знающий о случившейся дома беде герой не обнаруживает на привычном месте родника; второе предложение, бессоюзное, завершает небольшой абзац, описывающий действия заблудившегося, начидающего отчаяваться героя. В обоих случаях фраза звучит как некая экзистенциальная сентенция, предостерегающая героя об опасности, которая может отразиться не только на физическом, но и психоэмоциональном его состоянии.

С помощью безличных предложений лаконично и ярко характеризуется отчаянное положение героя: **И в ту сторону пусто и в эту. И ни туда ни сюда нету конца-края...** – локативно-субъектное и безлично-генитивное предложения с составляющими выражительную антитезу локативами.

Безлично-генитивный фразеологизм *нет конца*, представляющий бесконечность пространства и времени, тем самым составляющий – ни много ни мало – философскую формулу, повторяется в повести несколько раз. В начале произведения мы видим медитирующего героя: «Белого, чуть подсиненного

неба не было, какое же небо, никакого **нет неба**. Есть только бескрайняя глубина, **нет ей конца-краю**, лучше не думать...». А вот в финале два предложения, составляющие отдельные абзацы, обрамляют рассуждения героя ли, автора ли о повторяющемся круговороте жизни: «**И нет конца** этому круговороту. <...> Конца **нет и не будет**».

Безличные предложения представляют собой замечательное средство выразительности, которое в полной мере проявляет свой потенциал в художественном тексте. Одна из сильных позиций любого текста – его финал. Посмотрим, чем заканчивается повесть В. И. Белова «Привычное дело». Вот последний абзац: «Пронеслась над погостом шумная скворчиная стая. Горько, по-древнему пахло дымом костров. Синело небо. Где-то за пестрыми лесами кралась к здешним деревням первая зимка». Самым выразительным и емким в этом абзаце представляется именно безличное предложение: «Горько, по-древнему **пахло** дымом костров», объемно и содержательно выражющее непреходящее, вечное, подлинное.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
2. Воронина, Т. Н. Город и горожане в повести В. И. Белова "Привычное дело" / Т. Н. Воронина // Беловский сборник. Вып. 2 / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2016. – С. 40-47.
3. Лекант, П. А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке / П. А. Лекант // Русский язык в школе. – 2011. – № 7. – С. 74-78.
4. Неволина, О. Ю. «Привычное дело» В. И. Белова : из истории публикации и критики / О. Ю. Неволина // Слово и текст в культурном сознании эпохи : сборник научных трудов. Ч. 8 / отв. ред. Е. Н. Ильина. – Вологда, 2011. – С. 91-95.
5. Петров, А. В. Классификация безличных предложений в русском языке / А. В. Петров // Русский язык в школе. – 2012. – № 2. – С. 58-63.
6. Федорова, А. В. Принципы функционирования «вещных образов» в повести В. И. Белова «Привычное дело» / А. В. Федорова // Беловский сборник. Вып. 2 / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2016. – С. 47-53.

В. Я. Иванова
г. Иркутск

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ И ВАЛЕНТИН РАСПУТИН: ЗЕМНОЙ СЛЕД ДУХОВНЫХ СОЗВУЧИЙ

В статье рассматривается развитие дружеских отношений двух известных русских писателей, Василия Белова и Валентина Распутина, точки их духовных соприкосновений, совместная деятельность для страны и отечественной культуры. Опубликованные за два года новые материалы в соотнесении со многими другими позволяют уточнить отдельные даты, события, места встреч, помогают представить картину взаимоотношений более полно.

Ключевые слова: русская литература, русский писатель, Вологда, Тимониха, защита Байкала.

V.Y. Ivanova
Irkutsk city

VASILY BELOV AND VALENTIN RASPUTIN: THE EARTHLY TRACE OF SPIRITUAL HARMONIES

The article discusses the development of friendly relations between two famous Russian writers, Vasily Belov and Valentin Rasputin, points of their spiritual contact, joint activities for the country and national culture. New materials published over two years in relation to many others allow us to clarify individual dates, events, and venues, and help to present the picture of the relationship more fully.

Keywords: Russian literature, Russian writer, Vologda, Timonikha, protection of lake Baikal.

Дружеские отношения двух выдающихся русских писателей, Василия Белова и Валентина Распутина, интересны во многих отношениях. Как личностей значимых для России людей и как раскрытие особенностей творческой и социальноподличностной среды, в которой возникали замыслы известных произведений, и внутри которой формировалось и держалось противостояние кардинальным переменам, потрясшим страну. Сегодня в научном поле собираются многие материалы, помогающие восстановить хронологию и содержание важных для современной российской культуры личных и литературных связей двух писателей. В течение двух лет опубликованы и новые источники [5, с. 7–10, 15].

Близкие, доверительные, объединяющие отношения сами по себе для Валентина Распутина имели неизмеримую ценность. Завершая одну из своих поздних статей, посвященную другу, писателю Виктору Потанину (2000), Валентин Распутин

говорит о дружбе как о вечной субстанции, которая останется после жизни как духовное начало, остается в дар другим – для спасения. «Волей-неволей, хотя, быть может, преждевременно, приходится думать, как всем в нашем возрасте, что оставим мы после себя... Оставим, конечно, книги. Оставим детей. Но еще оставим и дружбу нашу, которая своей бескорыстностью, мягкостью и искренностью не может не иметь земного следа – из тех, что уводят от бескорыстных мест» [10, с. 2]. Собиранию земных следов, свидетельств такой дружбы посвящена статья.

В очерке «Служба Василия Белова» (2002) запечатлена дата знакомства Валентина Распутина и Василия Белова. Это 23 октября 1970 года, день рождения Василия Белова, которому исполнилось тогда 38 лет. Дружба продлилась более сорока лет. «Я познакомился с Василием Ивановичем Беловым в 1970 году. В составе советско-болгарского клуба молодой творческой интеллигенции <...> встретились мы в самолете, летевшем во Фрунзе, теперешний киргизский Бишкек, а там поселились в одном гостиничном номере. И этот день оказался днем рождения Василия Ивановича. Мы решили отметить его вдвоем и, чтобы не разглашать факт такого события, заперлись в номере» [14, с. 649]. Внутреннее духовное родство обоих писателей, как свидетельствует воспоминание, выразилось в мгновенном желании быть вместе вне общего потока суеты и многословия. Но за быстрым знакомством для начинающего писателя Распутина стояло учительство Василия Белова.

Воспоминания Валентина Распутина фиксируют не только дату знакомства, но и основу, на которой возникло первоначальное тяготение, а позднее сложилась дружба. Это открытость души, о которой было сказано в начале очерка. «Но надолго ли хватит русского человека для сокрытия подобного факта – и уже часа через полтора дверь наша, как и душа Василия Ивановича, была нараспашку, а в номере стоял густой гвалт» [14, с. 649]. Но вместе с тем их объединила и боль за народ, заступничество за него, о чем Валентин Распутин пишет в заключении очерка о Василии Белове. Оба избрали один и тот же путь служения людям, родине, и именно это сразу обозначило родство, сдружило.

Внешняя несходность – молчаливость, замкнутость одного и открытость, распахнутость другого – не нарушила гармонии отношений. В письме В. Г. Распутина А. А. Королькову есть следующее признание, объясняющее особенности личности писателя: «...я готов раскрыться и вывернуться почти наизнанку, но делать этого я не умею; моя искренность искрепна, но неловка. Я разговариваю и понимаю больше чувством, и в этом смысле мне казалось, что мы сказали друг другу многое» [7, с. 203]. Ранимый, чуткий, Валентин Распутин в Василии Белове увидел самого себя, только внешне распахнутое навстречу, такого же отдающего себя людям. Об этом говорит В. Г. Распутин через тридцать с лишним лет дружбы: «...я только все более убеждался в том, что удалось увидеть

и разгадать в нем с первых же встреч. Чистую, почти детскую душу, для которой мир и его обитатели не могли сноситься, как у иных, до ветхости <...> душу, которую он точно бы и сам стесняется в своем почтенном возрасте, маскирует ее в строгость и ворчание и никак не может замаскировать» [14, с. 651]. Таким был и сам Валентин Распутин. Окружающие чувствовали это, и любили и того, и другого.

Укрепление дружбы продолжалось, о чем свидетельствует первый автограф В. И. Белова на книге «Кануны. Хроника конца 20-х годов» (1976), подаренной В.Г. Распутину: «Валентину Григорьевичу Распутину, если еще и не другу, то для меня-то уж родному и дорогому. С верой в Отечество. Белов. 17.11.76». И здесь опять о главном – о том, что сблизило двух писателей – вере в Отечество. А на автографе 17.01.1983 вместе с приглашением приехать в Тимониху уже совсем родное: «Валя!». В. Г. Распутин приезжал в Вологду, в родную деревню В. И. Белова, а тот в свою очередь был в Иркутске, на Байкале. Можно предположить, что приезды Василия Белова состоялись после 1983 года, так как следует упоминание о защите от проекта поворота северных рек. «Я бывал в Тимонихе, а он дважды приезжал ко мне на Байкал и, уже защитив свои северные реки от поворота на юг, помогал защищать и наше “славное море”» [14, с. 651].

Было тяготение родного к родному, и уже при первом знакомстве ощущение землячества. Известно признание Валентина Распутина в очерке «Откуда есть-пошли мои книги» (1997) о происхождении его предков по отцовской линии с Русского Севера [11, с. 503]. В очерке «Сибирь без романтики» (1983) – времени осознанного родства двух писателей – от имени первых переселенцев и от своих предков писатель издалека, из своего уже времени и пространства, кланяется Вологодской и другим русско-северным землям: «Да и всей русско-северной сторонушке, где Новгород, Вологда, Архангельск и Вятка, следует поклониться: оттуда вслед за казаками пришли пашенные и мастеровые люди, оттуда началось первоначальное заселение Сибири» [14, с. 205]. В людях Русского Севера видит писатель исток русского населения Сибири.

Объединила друзей не только земля предков. Для Валентина Распутина Василий Иванович Белов был учителем литературы. Не раз в доказательство исконной русской традиции Распутин ссылался на творчество Белова, авторитет которого для него был незыблем. Ученичество Распутина сохранилось в течение жизни. О ведущей роли Василия Белова в своей писательской судьбе Валентин Распутин говорит в беседе с С. В. Ямщиковым (2004). Молодой журналист восхищался языком Астафьева, Абрамова, Носова, Белова, пришедшими в литературу раньше него: «Какое это богатство!»; «Помню, с каким удивлением читал «Привычное дело» – оказывается, можно так писать, как Василий Иванович» [14, с. 871]. Публикация повести Василия Белова «Привычное дело»

(журнал «Север», 1966) соотносится с рубежными в судьбе Валентина Распутина событиями (1966-67 годы), когда успешный спецкор «Красноярского комсомольца» уходит из газеты, пишет рассказы, издает первые три книжки с целью вступить в Союз писателей России. Но, возможно, повесть была прочитана чуть позднее, потому что в интервью С. В. Ямщиковой с влиянием Белова Валентин Распутин связывает свое вдохновенное написание повести «Последний срок» (1970). Повесть Василия Белова «Привычное дело» открыла для Валентина Распутина возможность изобразить мир глазами народа-землепашца, говорить голосом родной деревни, укрепила интуитивную тягу к глубинным пластам русской жизни. Так под впечатлением от беловской прозы рождался неповторимый распутинский стиль. Ощущение учительства Василия Белова отразилось в записке Валентина Распутина, переданной А.Д. Заболоцкому через сорок лет после первого прочтения повести «Привычное дело»: «Дорогой Василий Иванович! Как был ты всю жизнь поперед нас, мальцов, так и не уступаешь дороги. А нам за тобою и хорошо, и когда книги писали, хорошо было по твоим пятам идти <...> Обнимаю. В. Распутин. 03.11.2010 г.» [5, с. 248].

В учительстве одного и ученичестве другого сказалась основная линия притяжения писателей – чувство родного, русского народного слова. Это чувство определяет увлеченность обоих словарями, фольклорными записями. В личной библиотеке Валентина Распутина собраны десятки словарей: этимологические, диалектов, говоров – архангельских, байкальских, вологодских, а также сборников частушек, пословиц, поговорок, сказаний, сказок, легенд, народных песен¹. В книжной коллекции Музея-квартиры В. И. Белова насчитывается более 4000 томов [15, с. 322]: «...сборники и монографии, посвященные исследованию и описанию обычаем, обрядов, поверий, примет русского народа, сборники сказок, песен, притчаний, частушек. Особое место в библиотеке В. И. Белова занимают словари. Среди них <...> многотомный “Словарь русского языка XI – XVII вв.” (1975 – 1995); словари по народной лексике и диалектным словам Архангельской, Вологодской, Ярославской и др. областей, словари русских пословиц и поговорок, русских личных имен, географических названий» [15, с. 325]. Увлеченность русским народным словом у двух писателей была обояндная. В этом сказалась и любовь к родному языку, чувство красоты и одухотворенности слова, своей внутренней формой отражающего события отечественной истории и веры. Во многих выступлениях в защиту родного языка как выразителя ценностей отечественной культуры оба писателя говорят о том, что в русском слове – спасение

¹ Книги из личной библиотеки В. Г. Распутина находятся в фонде экспозиционного отдела «Музей В.Г. Распутина» Иркутского областного краеведческого музея. Иркутская часть личной библиотеки писателя передана музею его сыном, Сергеем Валентиновичем Распутиным.

России. «Русский язык, отечественная словесность и отечественная история – когда бы сберечься этим триединством в их нераздельности, да еще с молитвой, – встали бы мы на путь спасения», – говорил Валентин Распутин на XIV Рождественских образовательных чтениях (2006) [14, с. 715].

Уникальным подтверждением восторженного отношения Василия Белова к сокровищам народной речи служит рукопись начала XIX века с народными пословицами и поговорками, в которой около 1000 записей, находящаяся в его библиотеке. Василий Иванович очень дорожил этой тетрадью. В книге «Лад» (глава «Пословицы») он привлекает читателя к пониманию личности генерала, собирателя простонародных выражений, старается воссоздать его психологический портрет, анализирует, размышляет, любуется красотой и мудростью изречений [1, с. 264-269]. Стоит вспомнить, что книгу Василия Белова «Лад» Валентин Распутин в интервью С. В. Ямщиковой назвал «Дивная книга» [14, с. 876]. Рукопись с пословицами и поговорками попала к Василию Белову дальними путями – от читательницы, восьмидесятилетней москвички Зинаиды Ивановны Казаковой, поведавшей удивительную историю хождения тетради из рук в руки. О рукописи Василий Белов упоминает и в статье «Сюжеты» (1984) в связи с занимательностью непридуманного, жизненного сюжета [4, с. 222]. Тетрадь стараниями научных сотрудников Музея-квартиры В. И. Белова великолепно издана с параллельными фотографиями каждой рукописной страницы [9]. Думается, что со-поставление тематики книг из личных библиотек обоих писателей может открыть много интересного для понимания творческого мира Василия Белова и Валентина Распутина. Единство интересов, духовное созвучие поможет лучше понять сложность личности каждого из них.

Общим была и увлеченность книгой, чтением. Валентин Распутин не раз в статьях, интервью, встречах с читателями говорил о своей с раннего возраста любви к чтению. Известно его признание о впечатлении, произведенном очерком Тургенева «Певцы» из сборника «Записки охотника» (В. Распутин «Ученье: свет и тьма», 2006) [14, с. 707-718]. Книги служили писателю утешением и в поздние годы: «Когда тяжело, а последние годы тяжело было довольно часто, я брал книгу, погружался в нее, и все проходило. Становилось легче, и я понимал, что пройдет, все пройдет. Все минует», – признавался Валентин Распутин читателям Тюменского края (Сургут, 15–17 марта 2004 г.) [6, с. 118]. В воспоминаниях о детстве Василий Белов говорит об остром ощущении книжного голода, о том, что с книгой связана его главная мечта: «Но главной мечтой были новые книги, так как читать-то мне было нечего...»; «Совпада эта стезя и с музыкой, и с парусом, и с детекторным приемником, а главное – с книгой! Книжный голод надвинулся одновременно с обычной военной нуждой, обычным голодом, начисто изменив предметы

моих мечтаний» [3, с. 56-57]. Эту неутоленность чтением оба пронесли через всю жизнь, о чем и свидетельствуют объемы личных библиотек.

И все-таки самым важным, объединяющим началом была любовь к родине. В обзоре Валентина Распутина выставки фотохудожника Анатолия Заболоцкого, общего друга писателей, представившего духовный облик современной России, и где среди многих фотографий запечатлен и Василий Белов в Тимонихе и Валентин Распутин в Русском Устье, распутинское слово звучит рядом со словом Василия Белова: «В этом развороте какой-то почти патриархальной, какой-то почти пригревшейся и все же настоящей, еще сохранившейся в тихих местах жизни – красота, умиротворенность, вечность, лад» [12, с. 99]. Будто два голоса слились в один. Очерк завершается ключевыми для обоих словами. «Но и Русь в нас; она в нас, может быть, даже больше, чем мы в ней, ибо нет, кроме нее, у нас другой души, другого сердца. И нет в глазах другого света. С нею, только с нею мы и можем держаться вместе» [12, с. 100]. Думается, что в этом и открывается общность души двух писателей. Ведь у них одна душа, одно сердце – Русь, Россия.

Круг близких друзей Валентина Распутина был очень узок. В своих воспоминаниях о знакомстве с писателем Виктором Потаниным в общежитии Литературного института Валентин Распутин ограничивает этот круг несколькими именами, подразумевая, вероятно, только московский мир общения. «С той самой что ни на есть прозаической встречи в общарпанной студенческой кухне, памятной нам, стоящей торжественной обстановки в самых великолепных залах, которые удалось видывать позже, мы и дружим. Вместе с Виктором Лихоносовым, Василием Беловым и Владимиром Крупиным. Зная друг о другу все, – и по совместным поездкам то в Карелию и Новгород, то в Орел, то на Байкал, то еще куда-нибудь, и по устным рассказам о себе и своей жизни, где нам нечего было скрывать, и по тем рассказам, где и скрыть ничего невозможно, зовущимся литературой» [10].

Расширение перечня поездок, заседаний, встреч можно найти в художественно-автобиографическом рассказе Владимира Крупина «Исцеление» (2018): «И все эти выездные Секретариаты, Пленумы, Съезды, Дни литературы в союзных республиках <...> А Карелия, Новгород, Минск, Киев, Белгород, Орёл...» [8, с. 150]. Раскрывая значение двух писателей для отечественной культуры, Владимир Крупин делает важный вывод: «Именно благодаря во многом Распутину и Белову роль писателя в России была самой авторитетной» [8, с. 152]. В его воспоминаниях Распутин и Белов связаны одним впечатлением как одним дыханием: «Нет Вали и нет Василия Ивановича. Куда в Москве ни пойду: тут были, тут выступали, тут заседали, тут в театр, в консерваторию шли. И как теперь без них?» [8, с. 161]. Душевное единение, понимание друг

друга, ощущение поддержки помогало писателям-подвижникам противостоять разрушению – защищать северные реки от поворотов на юг, а фактически Россию и весь мир от глобальной катастрофы, бороться за чистоту Байкала, за восстановление исторических памятников, монастырей, храмов России.

Двух писателей, Василия Белова и Валентина Распутина, необходимо представлять как единое целое, как уникальное достояние русской литературы, культуры, истории. В течение жизни оба писателя были рядом – в литературной, общественной, политической деятельности, в личных отношениях, но так же вместе они остались и в памяти современников. Книга воспоминаний о Василии Ивановиче Белове начинается со слов Валентина Григорьевича Распутина, с утверждения о том, что о литературном и подвижническом подвиге В. И. Белова лучше В. Г. Распутина никто не скажет [5, с. 3]. Но они оба совершили этот литературный, нравственный, гражданский подвиг, поддерживая и укрепляя друг друга, даже только сознанием присутствия в одном времени и пространстве России. Своей личностью, художественными и публицистическими произведениями, заботами, хлопотами, хождениями по кабинетам, выступлениями, письмами, призывами – собственной чуткой совестью – они воплотили идеал служения родине, народу, земле.

Литература

1. Белов, В. И. Избранные произведения. В 3 томах. Т. 3. Лад: Очерки о народной эстетике; Пьесы / В. И. Белов. – Москва: Современник, 1984. – 479 с.
2. Белов, В. И. Мой друг Валентин Распутин / В. И. Белов // Раздумья о дне сегодняшнем / В. И. Белов. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2002. – С. 62-66.
3. Белов, В. И. Невозвратные годы / В. И. Белов. – Санкт-Петербург: Политехника, 2005. – 192 с.
4. Белов, В. И. Раздумья на родине: очерки и статьи / В. И. Белов. Москва: Современник, 1986. – 269 с.
5. Василий Белов. Воспоминания современников / сост. А. Н. Грешневиков. – Москва: Книжный мир, 2018. – 638 с.
6. Дворяшин, Ю. А. Постижение Сибири: очерки просвещения и культуры Тюменского края / Ю. А. Дворяшин. – Сургут: Диорит, 2004. – 143 с.
7. Корольков, А. А. Нравственная философия Валентина Распутина: очерки, письма, дневники / А. А. Корольков. – Санкт-Петербург: Росток, 2018. – 271 с.
8. Крупин, В. Исцеление: рассказ / В. Крупин // Мир Шолохова. 2018. – № 2 (10). – С. 142-162.
9. Пословицы и поговорки простонародные: рукописная тетрадь петербургского генерала / ред. Э. Л. Трикоз. – Вологда: Арника, 2018. – 127 с.
10. Распутин, В. Добрый рыцарь совести и слова: 80 лет со дня рождения Виктора Потанина / В. Распутин // Путеводная звезда. – 2017. – № 6 (254). – С. 1-2.

11. Распутин, В. Г. Откуда есть-пошли мои книги / В. Г. Распутин // В поисках берега: повесть, очерки, статьи, выступления, эссе / В. Г. Распутин. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. – 527 с.
12. Распутин, В. Русь: Веси, Лики, Земля // Тобольск и вся Сибирь: альманах. Т. 2. Сургут / сост. С. А. Смирнов. – Тобольск: Общественный благотворительный фонд "Возрождение Тобольска", 2004. – С. 99-116.
13. Распутин, В. Г. Служба Василия Белова / В. Г. Распутин // У нас остается Россия: очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / сост. Т. И. Маршковой; предисл. В. Я. Курбатов; отв. ред. О. А. Платонов. Москва: Ин-т русской цивилизации, 2015. – С. 253-254
14. Распутин, В.Г. У нас остается Россия: очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / сост. Т. И. Маршковой; предисл. В. Я. Курбатов; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва: Ин-т русской цивилизации, 2015. – 257 с.
15. Трикоз Э. Л. Книжная коллекция Музея-квартиры В. И. Белова / Э. Л. Трикоз, О. Н. Анфимова // Родная речь: сборник научных статей, [посвященный памяти С. Н. Смольникова] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Вологод. гос. ун-т, Вологод. отд-ние рус. геогр. о-ва. – Вологда, 2017. – Вып. 1. – С. 321-327.

Л. Н. Вересов
г. Череповец

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. И. БЕЛОВА И АРХИВЫ

В статье ставятся вопросы творческого наследия В. И. Белова и роли архивов в его изучении. В архивных фондах можно уточнить биографию писателя, определить круг его знакомств, адресатов переписки и даже обнаружить фрагменты отклоненных издательствами произведений. Проводится мысль, что без архивов невозможно написать сегодня ни литературоведческую работу, ни статью по истории литературы.

Ключевые слова: Белов, архивы, творчество, биография, история литературы.

L. N. Veresov
Cherepovets city

THE CREATIVE HERITAGE OF V. I. BELOV AND ARCHIVES

The article raises questions about the creative heritage of V. I. Belov and the role of archives in its study. In the archival funds you can clarify the biography of the writer, determine his circle of

acquaintances, recipients of correspondence and even find fragments of works rejected by publishers.

The idea is being made that without archives it is impossible to write today a literary work or an article on the history of literature.

Keywords: Belov, archives, creativity, biography, history of literature.

Начнем со смелого утверждения, что в архивах сосредоточена большая часть литературного наследия В. И. Белова. Как же так, скажут скептики, ведь у писателя почти все опубликовано. Но черновики, варианты прозы и стихов, письма, рецензии, фотографии, адреса, чувства, эмоции, неизвестные подробности, документы о том, как создавались и печатались романы, повести и рассказы Василия Белова, подготовительный материал писателя к его творениям в виде рукописей или машинописи – весь этот документальный комплекс хранится в архивах. В федеральных, областных, краевых, литературных, ведомственных, городских, районных, в архивах промышленных и сельхозпредприятий, организаций, учебных заведений, воинских частей и в архивах частных лиц можно обнаружить частицы литературной истории.

Это бесценное дополнение для изучения, анализа, открытия творческого метода В. И. Белова и некая прелюдия – предисловие к его опубликованным шедеврам. Обратим внимание и на то, что архивные фонды содержат много биографического, ныне полузабытого материала о писателе, а значит, помогут и в изучении его произведений. Более того, в забытых архивных делах могут сохраниться и вовсе уникальные сведения о писателе, вплоть до его неизвестных произведений, по каким-либо причинам отклоненным издательствами или не востребованных самим писателем. Не говоря уже о вариантах рассказов и значительных кусков романов, не ставших каноническими для Василия Белова и публикующихся ныне в другой авторской редакции. А письма друзей В. И. Белова, а литературные споры в ответных посланиях писателя, разве это не заслуживает внимания? Невозможно перечислить духовные богатства архивов, но еще одно их качество – неожиданность открытий, способность прийти к важнейшим выводам через неброские документальные данные. Архивные дела являются превосходным подтверждением воспоминаний о писателе или наоборот, сдерживают фантазии некоторых лиц, знавших В. И. Белова. Как говорится, несколько перефразирую поговорку, против документа нет приема!

Есть архивы, в которых для изучения исследователю могут предоставить целый фонд В. И. Белова. Это, например, РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства) в Москве. Это фонд 622 и фонд 1234 (несколько документов), но это не исключает наличие единичных документов, касающихся жизни или творчества В. И. Белова в других архивных делах, например, в фондах 1816, 2290, 2549, 2855. Никто не даст гарантии, в каком фонде материалы ценнее для

исследователя, в каком менее актуальные. Только личная работа в архиве дает полное представление о материалах темы исследования. Даже описи дел зачастую не могут помочь, так как нужные и важные факты и бумаги могут явиться исследователю в фонде, который вовсе не привлекает внимание на первый взгляд (бухгалтерские счета, газетные вырезки, скучные отчеты о проделанной работе). Казалось бы, ничего творческого и интересного, но вот письмо, которое ставит точку в исследовании, вот факт, который переворачивает работу с ног на голову. Так в ГАВО (Государственный архив Вологодской области) есть специальный фонд 5134 – Василий Иванович Белов – писатель (1932 – 2012), но и многие документы фонда 836, Вологодской писательской организации, естественно связаны с именем писателя. Так, в нем сохранились рецензии В. И. Белова на произведения практически всех вологодских писателей и поэтов [2]. Вот, например, как Белов говорит о череповецком писателе Юрии Тарыничеве: «Рассказы Юрия Тарыничева привлекают внимание точными, яркими деталями, помогающими нарисовать и характер человека». Не о себе ли пишет Белов: то, к чему он сам стремился в литературе и что у него отменно получалось, писатель ценит и у Юрия Тарыничева: «Значит, у молодого автора есть умение, внимание по-писательски смотреть окружающую жизнь». В череповецком городском архиве (Центре хранения документации), в фонде 917 череповецкого телевидения, сохранилось немало сведений о Василии Белове, его выступлениях на областном телевидении, отчеты о творческих вечерах писателя, об оценках творчества, высказанных телеаудитории Вологодской области в 60–80-е годы XX века [3]. Некоторые письма, отзывы В. И. Белова попали в Вологодский областной архив новейшей политической истории – в фонды Р-9794 А. С. Дрыгина, Р-9788 В. И. Аринина, П-8329 первичной организации КПСС колхоза «Большевик», Подольского с/с Череповецкого района и т. д. В Вологодском областном государственном архиве кино-фото-фоне и электронных документов, в фонде А-О1П тоже есть единицы хранения в виде фотографий писателя Белова. Некоторые доклады на Беловских чтениях основаны на архивном материале личных архивов граждан или на документах архивов других областей России. Так, в ГАО (Государственный архив Архангельской области), в фонде архангельской писательской организации и в фонде Северо-Западного книжного издательства, нами обнаружены неизвестные документы о сотрудничестве В. И. Белова с этими организациями и затем написан ряд статей для Беловских чтений [1; 5].

Большой удачей стала находка нескольких неизвестных писем писателя с его взглядами на литературный процесс. Вот, например, выдержка из неизвестного письма В. И. Белова в Северо-Западное книжное издательство: «Теперь о своем сборнике. Не знаю право, что и говорить. Мне просто не хочется делать его слабее предыдущего, ведь каждая книжка должна быть хоть и небольшой, но ступенькой вверх...» Мудрый писательский подход и скрытая просьба как можно меньше

вмешиваться в его творческие дела. В ГАМО (Государственный архив Мурманской области) в фонде Р-1368 писателя Маслова Виталия Семеновича (1935 – 2001) сохранилась переписка писателей, рецензии В. С. Маслова на произведения В. И. Белова, которые использовал в своем докладе Д. В. Коржов [7]. В Государственном архиве новейшей политической истории Новгородской области, в фонде 8107 Дмитрия Михайловича Балашова, сохранились письма В. И. Белова, использованные в работе И. С. Катченковой об отношениях писателей [6]. Без использования личных и государственных архивов невозможно было написать работу о Ф. А. Абрамове и В. И. Белове доктору филологических наук А. В. Петрову, представленную в Беловском сборнике 2018 года [9].

Это только единичные, но яркие примеры архивных данных на службе у исследователей и литературоведов. С. Ю. Куняев опубликовал в журнале «Наш современник» свою переписку с В. И. Беловым [8]. Вот очень верные слова В. И. Белова из нее: «У меня теория: мы сами воздаем честь и приподнимаем всякую мразь, когда вступаем с нею в теоретический спор...»

Так сведения личного архива стали всеобщим достоянием и открыли много интересных моментов писательской действительности. Даже одно письмо может вызвать необычайный интерес, если оно касается Н. М. Рубцова и В. И. Белова. Так это случилось с письмом Альберта Андреевича Беляева, зам. заведующего отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, главного редактора газеты «Советская культура», В. И. Белову, сохранившимся в ГАВО и приведшим к открытию новых связей В. И. Белова в литературном мире [4]. Таким образом, серьезные исследовательские работы о В. И. Белове просто немыслимы без архивного материала. Именно он привносит в исследование необходимую новизну, свежесть, динамизм и интерес. Архивный пласт при погружении в него дисциплинирует, но и дает волю воображению, намечает новые пути исследования и ведет к успешному его завершению через архивные находки. Гораздо беднее, намного схематичнее были бы исследования без архивных документов, воспоминаний, личных впечатлений о писателе, и его образ, противоречивый и разноплановый, только бы проигрывал без них. Не будем забывать, что В. И. Белов – наш современник, и до сих пор живы сотни, тысячи людей, которые хранят тепло встреч с ним, автографы на книгах, письма писателя. Владельцы этих частных архивов не всегда с удовольствием демонстрируют свои богатства. Иные личные подробности, как считают некоторые люди, не могут быть достоянием истории литературы ни при каких обстоятельствах. Отдельной темой могут стать автографы В. И. Белова и их владельцы, практически – это круг знакомств писателя и география его творческих поездок. Например, знакомство В. И. Белова и известного череповецкого журналиста М. И. Котова, когда-то работавшего главным редактором газеты «Призыв» Харовского района, очень интересно с точки зрения переписки и автографов писателя и уже привело

к маленьким открытиям [2]. В архивах художников, которые иллюстрировали книги В. И. Белова, представлен особый писатель, особая изобразительная, зримая сторона его произведений. Было весьма поучительно познакомиться с художником Б. И. Шабаевым и его архивом, где сохранились рисунки, гравюры к произведениям писателя Белова, которые оказались не полностью востребованы Северо-Западным книжным издательством¹.

В определенном смысле нельзя недооценивать и газетные архивы, имея в виду не только полосы газет, где найдется много любопытного, но забытого материала о поездках, выступлениях, общественной активности писателя, его интервью, фотографии и многое другое. Но и сами архивы газет, выходивших при жизни В. И. Белова и наверняка сохранивших его письма, обращения, рецензии. Много неожиданного из литературной или общественной жизни В. И. Белова можно отыскать, если обратиться к архивам общественных и государственных организаций, вплоть до ЦК КПСС, съездов народных депутатов или Союза писателей СССР. Постепенно раскрывает свои тайны и личный архив писателя. Сотрудники музея-квартиры В.И. Белова регулярно публикуют неизвестные рукописи писателя и тем самым вводят их в научный оборот. То же самое можно сказать и о Центре В. И. Белова в Вологде, областной универсальной научной библиотеке им. И. В. Бабушкина, Харовской районной библиотеке, где архивный материал, посвященный В. И. Белову, систематизируется и изучается. Необходимо сказать о книгах, посвященных писателю Василию Белову, которых с каждым годом становиться все больше. Ю. И. Селезнев в книге «Василий Белов: раздумья о творческой судьбе писателя» 1983 года как литературовед мало пользуется архивами. В. П. Корюкаев, в книге «Самородок из Тимонихи: жизнь и творчество Василия Белова» уже активно использует архивы для донесения своего видения образа писателя. М. В. Суров в своей книге к 75-летию писателя «Белов. Штрихи великой жизни» использует не только доступные ему архивные данные, но и фотографии, и документы из архива самого писателя. Кроме как документальной нельзя назвать книгу о В. И. Белове «Василий Белов. Воспоминания современников». Неизвестные архивные данные приводит в недавно вышедшей книге «Сияние слова Василия Белова (встречи, беседы, воспоминания) писатель Г. А. Сazonov. Это стало уже добной традицией у писателей открывать новые, неизвестные грани творчества Василия Белова в трудах о нем.

Откроем маленькие беловские тайны в связи с заявленной темой исследования. Над книгами о классике русской литературы работают сейчас еще несколько писателей, в том числе и вологодских. Писатель Д. А. Ермаков готовит для встречи с читателями своего Белова, – думается, неожиданного,

¹ Бронислав Иванович Шабаев – художник, иллюстрировал книги В. И. Белова «Плотницкие рассказы» и «Катюшин дождик» в Северо-Западном книжном издательстве [См.: 5].

сильного, вологодского по духу. Поэт и прозаик А. Е. Брагин, хорошо знавший писателя в годы расцвета его литературного таланта, вскоре готов будет поделиться с читателями своим документальным, архивным Василием Беловым. Об этом он заявил на недавней творческой встрече в Череповце. Вот тут без архивных документов, открывающих нового Василия Белова, пусть с чисто человеческой стороны, никак не обойтись. Невозможно постоянно повторяться, да и не даст могучий талант писателя Белова это делать, нужны новые литературные ходы при погружении в его творческую лабораторию, жизненные коллизии. И на этом пути великолепным подспорьем будут архивные материалы, воскрешающие нюансы биографии и прозы нашего великого земляка.

Литература

1. Вересов, Л. Н. К истории неизданных книг В. И. Белова и их названий в Северо-Западном книжном издательстве: по документам и письмам писателя / Л. Н. Вересов // Беловский сборник. Вып. 4 / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2018. – С. 41-53.
2. Вересов, Л. Н. Неизвестная грань творческого наследия В. И. Белова: рецензии как литературоведческий источник / Л. Н. Вересов // Беловский сборник. Вып. 1 / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2016. – С. 6-12.
3. Вересов, Л. Н. Писатель Василий Белов на Череповецком телевидении (60-90-е годы XX века) / Л. Н. Вересов // Беловский сборник. Вып. 3 / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2017. – С. 58-62.
4. Вересов, Л. Н. Письмо В. И. Белову как загадка и информация для исследователей / Л. Н. Вересов. – Текст : электронный // Душа хранит : жизнь и поэзия Николая Рубцова : [сайт]. – URL: https://rubtsov-poetry.ru/research_2/pismo_belovu.htm (дата обращения: 19.11.2019).
5. Вересов, Л. Н. Страсти по повести В. И. Белова «Плотницкие рассказы» : архивная история 60-х годов XX века / Л. Н. Вересов // Беловский сборник. Вып. 2 / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2016. – С. 73-79.
6. Катченкова, И. С. «Возвращаясь к первоначальным истинам» : из писем В. И. Белова Д. М. Балашову / И. С. Катченкова // Беловский сборник. Вып. 4 / [гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2018. – С. 69-77.
7. Коржов, Д. В. «Потухают костры нашей родины...» : Виталий Маслов и Василий Белов / Д. В. Коржов // Беловский сборник. Вып. 3 / гл. ред. Г. В. Судаков . – Вологда, 2017. – С. 33-38.
8. Белов, В. И. «Не зря живем.» : переписка Василия Белова и Станислава Куняева, длившаяся в течение сорока лет / В. И. Белов, С. Куняев // Наш современник. – 2012. – № 10. – С. 232-246.
9. Петров, А. В. «Ощущение полного духовного родства» : Василий Белов и Федор Абрамов / А. В. Петров // Беловский сборник. Вып. 4 / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2018. – Вып. 4. – С. 22-27.

И. Ю. Исаковская
г. Вологда

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
«ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ БЕЛОВ»:
ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье дан обзор библиографических указателей, посвященных Василию Ивановичу Белову.

Ключевые слова: писатели-вологжане, Василий Иванович Белов, литературная библиография, библиографические указатели.

I. Y. Isakovskaja
Vologda citi

**BIBLIOGRAPHIC INDEX
«VASILY IVANOVICH BELOV»:
THE EXPERIENCE OF RESEARCH OF SOURCES**

The article provides an overview of bibliographic pointers dedicated to Vasily Ivanovich Belov.

Key words: writers of the Vologda region, Vasily Ivanovich Belov, literary biography, bibliographic pointers.

Выявление произведений писателя и литературы о нем с максимально возможной полнотой является необходимым условием достоверного изучения и понимания его творчества. Библиографические указатели являются той информационной базой, на которой строится изучение биографии и творчества писателя, готовятся комментированные научные собрания его сочинений [6, с. 15].

Библиографические указатели представляют собой пособия большого объема со сложной структурой и научно-справочным (справочно-поисковым) аппаратом. Структура таких пособий предполагает наличие разделов и подразделов. К основным элементам справочного аппарата относятся предисловие, содержание и вспомогательные указатели (именной, предметно-тематический, географический, указатель заглавий и т. д.).

Указатели, о которых пойдет речь в статье, относятся к персональным биобиблиографическим, которые объединяют библиографическую информацию о публикациях определенного лица (персоналии) и материалы о нем.

История библиографирования творчества Василия Ивановича Белова началась в 1971 г. Именно тогда вышел 7-й, дополнительный том биобиблиографического указателя «Русские советские писатели-прозаики», подготовленный коллективом сотрудников Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская национальная библиотека).

Имя В. И. Белова вошло в издание наряду с именами таких писателей, как Ф. А. Абрамов, В. П. Аксенов, В. П. Астафьев, Г. Я. Бакланов, Б. И. Балтер, Ю. В. Бондарев, И. А. Ефремов и др. Раздел указателя, посвященный Василию Ивановичу, подготовлен сотрудником отдела библиографии и краеведения библиотеки Т. П. Дориной [1], которая провела огромную работу по разысканию произведений писателя, в том числе самых ранних, опубликованных в грязовецкой районной газете «Коммунар». Помощь В. И. Белова в подготовке тома к печати отмечена благодарностью составителя в предисловии к изданию.

Указатель открывается подробной биографической справкой о писателе и состоит из разделов «Произведения В. И. Белова», «Литература о жизни и творчестве В. И. Белова» и алфавитного перечня первых публикаций произведений. Раздел «Произведения В. И. Белова» включает сборники и отдельные издания писателя с росписью их содержания, произведения, не вошедшие в сборники и не издававшиеся отдельно: проза, поэзия, статьи и выступления по вопросам литературы и искусства, рецензии.

Раздел содержит сведения обо всех вариантах названий произведений писателя, вариантах первых строк стихотворений, о первоначальных, сокращенных и дополненных вариантах публикаций, о публикациях отрывков произведений, публикациях, вышедших под псевдонимом В. Бредень. В подстрочных примечаниях даны ссылки на заметки, посвященные различным вопросам хозяйственно-экономической и комсомольской жизни и опубликованные в газетах «Коммунар» и «Вологодский комсомолец», ссылки на статьи-отклики на неопубликованные выступления писателя в защиту повести А. Я. Яшина «Вологодская свадьба».

Раздел «Литература о жизни и творчестве В. И. Белова» содержит общие работы и литературу об отдельных произведениях и сборниках, в том числе статьи вологодских писателей Ю. А. Арбата, С. В. Викулова, В. Д. Елесина, В. С. Железняка, Н. Н. Задумкина, В. В. Коротаева, В. М. Малкова, Л. М. Патралова, И. Д. Полуянова, А. А. Романова, А. Я. Яшина, литературоведов В. В. Гуры, В. В. Дементьева, Ф. Ф. Кузнецова, В. А. Оботурова.

Хронологические рамки указателя – 1956–1969 гг. Материалы за 1968 – 1969 гг. учтены только по изданиям государственной библиографии. Хронологическое расположение публикаций в разделах и подразделах позволяет проследить за развитием творчества писателя, выявить количество литературно-критических статей о нем за определенный период.

Для сотрудников Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И. В. Бабушкина указатель Т. П. Дориной стал образцом при подготовке трех указателей, посвященных В. И. Белову и вышедших в серии «Писатели-вологжане» [2; 3; 4].

Первым из них стал указатель «Василий Иванович Белов» [3], составленный сотрудниками справочно-библиогра-

фического отдела библиотеки Е. Н. Арефьевой и Э. А. Волковой. Он был издан в 1982 г. к 50-летию В. И. Белова. Вступительную статью «Путями века (о творчестве Василия Белова)» написал литературный критик, литературовед В. А. Оботуров.

При подготовке издания были просмотрены издания Всесоюзной книжной палаты («Книжная летопись», «Летопись журнальных статей», «Летопись газетных статей», «Летопись рецензий»), указатели института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР («Новая советская литература по литературоведению», «Новая советская литература по языкоизнанию», «Новая литература по искусству»), указатели «Литература и искусство народов СССР и зарубежных стран», «Произведения советских писателей в переводах на иностранные языки», «Литература о Вологодской области», газеты «Красный Север» и «Вологодский комсомолец». Помощь в выявлении литературы оказали сотрудники Государственной центральной театральной библиотеки (ныне Санкт-Петербургская театральная библиотека) главный библиограф И. Г. Черных и старший редактор Е. Е. Шумянцева.

Указатель включает 706 библиографических записей. Хронологический охват публикаций – с 1956 по март 1982 г.

В раздел «Произведения В. И. Белова» включены сборники и отдельные издания с росписью их содержания, публикации произведений В. И. Белова в периодической печати и коллективных сборниках: художественная проза, драматургия, поэзия, публицистика. В подразделе «Публицистика» выделены статьи и выступления по вопросам литературы и искусства, рецензии. С наибольшей полнотой представлены произведения из сборников и центральной периодической печати. Из местной печати учтены, в основном, публикации с 1960 г., т. к. полный перечень более ранних работ отражен в предыдущем указателе.

В разделе «Литература о жизни и творчестве В. И. Белова» выделены следующие подразделы: «Общие работы», «К признанию В. И. Белову Государственной премии СССР», «Авторефераты диссертаций», «Литература об отдельных произведениях и сборниках», «Театральные постановки пьес В. И. Белова», «Инсценировки произведений В. И. Белова в театре», «Произведения В. И. Белова в кино и на телевидении», «В. И. Белов в художественной литературе. Произведения, посвященные В. И. Белову», «В. И. Белов в живописи, графике, фотографии», «Справочно-библиографическая литература».

Внутри разделов и подразделов материал расположен в прямом хронологическом порядке. Пособие снабжено именным указателем, в котором собраны имена авторов книг и статей, рецензентов, художников, переводчиков, имена лиц, которым посвящены публикации.

Указатель, изданный тиражом 3000 экземпляров, получил большое количество благодарных откликов читателей. Один из таких откликов был опубликован в газете «Красный Север» [5].

Хронологическим продолжением издания 1982 г. стал указатель «Василий Иванович Белов» [2], подготовленный сотрудниками отдела краеведческой библиографии Р. А. Ковязиной и Н. В. Швецовой и изданный в 2011 г. тиражом 100 экземпляров.

В пособии представлены произведения писателя и литература о его жизни и творчестве, изданные в СССР, России и за рубежом с 1982 по 2009 г. – всего 1 680 библиографических записей на книги, статьи из сборников, журналов и газет, опубликованные в центральной и местной печати. Учтены публикации 1980 – 1981 гг., не включенные в предыдущий указатель.

Составителями просмотрены государственные указатели Книжной палаты, текущие указатели института научной информации по общественным наукам РАН, каталоги и картотеки Российской национальной и Вологодской областной универсальной научной библиотек.

Открывается издание предисловием «От составителей» и вступительной статьей литературоведа, профессора Вологодского государственного университета С. Ю. Баранова «Василий Иванович Белов (вехи творческого пути)».

Раздел «Произведения В. И. Белова» содержит исчерпывающую информацию о жанровом многообразии наследия писателя и охватывает все аспекты его литературной и общественной деятельности. Он дополнен подразделами «Собрания сочинений», «Беседы, интервью, диалоги, ответы на вопросы», «Переводы» (переводы, выполненные писателем с сербского языка), «Коллективное» (статьи, написанные в соавторстве).

В раздел «Литература о жизни и творчестве В. И. Белова» вошли разнообразные по объему и значимости публикации: от монографий, сборников, статей, рецензий до мелких газетных заметок и репортажей, целиком или частично посвященных писателю. Наряду со статьями известных литературоведов и литературных критиков здесь отражены статьи вологодских исследователей творчества писателя: В. Н. Баракова, С. Ю. Баранова, В. С. Белкова, Л. Н. Вересова, Т. Н. Ворониной, С. Х. Головкиной, Т. Н. Кануновой, О. Ю. Неволиной, Ю. В. Розанова, Н. С. Серовой, А. П. Смолина, Г. В. Судакова, А. В. Федоровой, Д. Г. Шеварова, Л. Г. Яцкевич.

Раздел состоит из 10 подразделов: «Общие работы. Отдельные вопросы жизни и творчества», «Награды, премии, почетные звания В. И. Белова», «Литература об отдельных произведениях и сборниках», «Авторефераты диссертаций. Диссертации», «Литература о В. И. Белове на иностранных языках», «Произведения В. И. Белова в искусстве», «В. И. Белов в художественной литературе», «Иконография», «Справочно-библиографическая литература», «Аудио, видеопрезентации, электронные ресурсы».

Включенные в подраздел «Справочно-библиографическая литература» указатели, статьи из справочников и энциклопедий позволяют получить представление не только о литературоведческом направлении в изучении творчества Василия Ивановича, но и о библиографическом освоении его наследия.

Внутри разделов и подразделов библиографические записи располагаются в прямом хронологическом порядке. В пределах года следуют (по хронологии) газетные и журнальные публикации, затем – книги, продолжающиеся издания и депонированные рукописи в алфавите авторов или заглавий. В подразделе «В. И. Белов в художественной литературе» записи расположены в алфавите имен авторов.

Вспомогательный аппарат пособия состоит из алфавитного указателя заглавий произведений и именного указателя, включающего авторов книг и статей о писателе, редакторов, составителей, художников-иллюстраторов, а также других лиц, названных в описаниях публикаций.

В оформлении издания использованы экслибрис писателя, созданный художником В. И. Кунташевым, и портрет Василия Ивановича работы вологодского художника В. А. Сергеева.

В 2017 г., к 85-летию со дня рождения В. И. Белова, было подготовлено второе, дополненное издание указателя [4], вышедшее тиражом 75 экземпляров. В него вошли произведения писателя и литература о его жизни и творчестве, изданные в СССР, России и за рубежом с 1982 по 2017 г. Во втором издании содержится на 603 библиографических записи больше, чем в первом – 2 283 записи.

Поскольку указатель вышел уже после смерти писателя, в раздел «Литература о жизни и творчестве В. И. Белова» составители включили новые подразделы «Некрологи. Памяти писателя» и «Сохранение памяти В. И. Белова». В последнем объединены публикации, посвященные литературному туристическому маршруту на родину писателя «Дорога к дому», музеям, Беловским центрам и Беловским чтениям.

В оформлении обложки использована фотография дома писателя на его родине в деревне Тимонихе Харовского района Вологодской области.

Все указатели, представленные в статье, отличаются высочайшим уровнем подготовки, максимальной полнотой и тщательностью освещения материала и позволяют выявить:

- книги и публикации писателя в сборниках, газетах и журналах;
- дату и источник первой публикации того или иного произведения;
- число переизданий произведений;
- варианты названий произведений;
- основные жанры в творчестве писателя;
- публикации произведений на иностранных языках;
- переводы писателя;

- имена исследователей творчества писателя;
- творческие связи писателя;
- источники публикации и количество критических статей об отдельных произведениях;
 - публикации о литературной, общественной деятельности и политических взглядах писателя;
 - материалы о театральных постановках произведений писателя, фильмах, снятых по его произведениям;
 - награды, премии, почетные звания;
 - сведения об увековечении памяти писателя, об отражении его образа в художественной литературе, произведения художественной литературы, ему посвященные;
 - источники публикации и авторов портретов и фотографий писателя;
 - имена иллюстраторов, редакторов, переводчиков произведений В. И. Белова.

Полные тексты указателей размещены на сайте Вологодской областной универсальной научной библиотеки в электронной энциклопедии «Выдающиеся люди Вологодского края» в разделе «Библиография» персональной страницы писателя [7].

Хочется надеяться, что указатели станут надежными путеводителями по яркому и многогранному творчеству выдающегося русского писателя В. И. Белова.

Литература

1. Василий Иванович Белов / [составитель Т. П. Дорина] // Русские советские писатели-прозаики : биобиблиографический указатель / Гос. ордена Трудового Красного Знамени публич. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ; сост.: И. В. Алексахина, Д. А. Берман, В. Э. Боград [и др.]. – Москва, 1971. – Т. 7 (доп.), ч. 1. – С. 133–143.
2. Василий Иванович Белов : библиографический указатель / Департамент культуры и охраны объектов культур. наследия Вологод. обл., Вологод. обл. универс. науч. б-ка ; сост.: Р. А. Ковязина, Н. В. Швецова. – Вологда : ВОУНБ, 2011. – 274 с., [1] л. портр.
3. Василий Иванович Белов : библиографический указатель литературы / Вологод. обл. б-ка им. И. В. Бабушкина ; сост.: Е. Н. Арефьева, Э. А. Волкова. – Вологда : [б. и.], 1982. – 68 с.
4. Белов Василий Иванович : биобиблиографический указатель / Вологод. обл. универс. науч. б-ка им. И. В. Бабушкина ; сост.: Р. А. Ковязина, Н. В. Швецова. – 2-е изд., доп. – Вологда : ВОУНБ, 2017. – 255 с., [1] л. портр.
5. Борисов, Н. О произведениях Василия Белова / Н. Борисов // Красный Север. – Вологда, 1982. – 23 нояб. – С. 4.
6. Прозоров, И. Е. Из истории чеховской библиографии текстов («Библиографический список...» М. П. Кленского, 1925 г.) / И. Е. Прозоров // Библиосфера. – 2010. – № 3. – С. 15–18.

7. Василий Белов. – Текст : электронный // Вологодская областная универсальная научная библиотека : [сайт]. – 2019. – URL: <https://www.booksite.ru/belov/index.htm> (дата обращения: 23 октября 2019).

Т. Н. Воронина
г. Вологда

СЕНОКОС И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ В «ПРИВЫЧНОМ ДЕЛЕ» В. И. БЕЛОВА: ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ¹

В статье представлен историко-культурный комментарий слов, понятий и реалий, связанных с сенокосом и присутствующих в повести В. Белова «Привычное дело»; особое внимание уделяется pragматической, правовой и технологической сторонам вопроса. Параллельно предпринимается попытка литературоведческой интерпретации компонентов данного вида крестьянского труда в соотнесении с идейным миром произведения.

Ключевые слова: В. И. Белов, вологодский текст, деревенская проза, сенокос, труд.

T. N. Voronina
Vologda city

HAYMAKING AND ITS ARTISTIC REFLECTION IN «HABITUAL DEAL» BY V.I. BELOV: TO THE ISSUE OF COMMENTS

The paper presents the historical and cultural comments on the words, concepts and realities associated with haymaking presented in the novel «Habitual deal» by V. Belov. The author draws special attention to the pragmatic, legal and technological aspects of the issue. At the same there is an attempt to interpret the components of this type of peasant labor in relation to the work of the ideological world of the novel.

Keywords: V.I. Belov, local text, village prose, haymaking, labour.

Сенокос так или иначе представлен в широком круге произведений деревенской прозы, вспомним хотя бы «Братья и сестры», «Две зимы и три лета», «Дом» из тетralогии Ф. Абрамова, «Последний поклон» В. Астафьева, «Прощание с Матерой» и «Живи и помни» В. Распутина. Повесть В. Белова «Привычное дело» занимает в этом ряду не последнее место,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова», проект № 19-012-00348

так как является одним из ключевых произведений данного течения в русской литературе второй половины XX века.

Жизнь героев «Привычного дела» проходит в непрерывных трудах и заботах, среди которых особое место занимает сенокос и все, что с ним связано. С проблемой заготовки сена, покосами и стогами связана интенсификация сюжета повести, сенокосные трудовые операции наиболее детально представлены в тексте.

Роль сенокоса в сельской жизни, зависимость крестьянского хозяйства от количества и качества заготовленного сена не нуждаются в специальном обосновании. Значимость данного трудового процесса отражена в многочисленных пословицах и поговорках: «Худое лето, коль сена нету», «С косой в руках погоды не ждут», «Не то сено, что на лугу, а то, что в стогу» [3, с. 338], «Сенокосный день год кормит» и др. Успешность сенокоса обусловлена многими факторами: правильным временем начала и окончания работ, капризами погоды, соблюдением всех технологий – косьбы, просушки и укладки сена. Благополучие семьи напрямую было обусловлено тем, удастся ли вовремя накосить нужный объем сена, сложить в стога и перевезти в хранилища (сенники). В «Ладе» В. И. Белов ставит в один ряд сенокос и пахотные работы: «Достаток в мясной и молочной пище целиком зависел от успехов на пахотном поле и на сенокосном лугу» [9, с. 154].

Согласно традиционному народному календарю, период сенокоса располагается между двумя датами: 12 июля (Петров день) и 2 августа (Ильин день). Косить начинали по погоде и по времени цветения трав, но большой сенокос связан с Петровым днем, что закрепилось в народной мудрости: «Доставай косы и серпы к Петрову дню», «Прежде Петра не суй носу, а после Петра берись за косу» [3, с. 338]. Основной покос старались завершить к 21 июля (Прокопьев день), с этой датой связаны представления о сроках разных сельскохозяйственных работ: «С Петрова до Прокопьева дня сенокос, с Прокопьева до Ильина дня сев озимых» [3, с. 358]. Первые стога ставили в районе 24 июля, дня Воспоминания чуда великомученицы Евфимии Всехвальной, что отразилось в народном названии православного праздника – день Ефимьи (Афимьи)-стожарницы [3, с. 360]. К 25 июля (Проклов день) необходимо было успеть просушить сено, так как после него начинались «большие росы», что влияло на качество заготовки: «Проклова роса – сеногнойная» [3, с. 361]. И, наконец, закончить все сенокосные работы необходимо было ко 2 августа (Ильину дню), маркирующему в народном календаре рубеж между летом и осенью: «Илья пророк – косьбе срок». Трава, убранная и просушенная в июле, наиболее ценна по своим кормовым качествам: «До Ильина дня в сене пуд меду, после Ильина дня – пуд навозу» [3, с. 376]. Как видно, сроки заготовки сена имеют принципиальное значение, и в этой связи заголовок одной из главок повести – «И пришел сенокос» – фиксирует главенст-

во данного трудового процесса над остальными делами. Сроки сенокоса в повести охарактеризованы следующим образом: «Долгий был сенокос. На бабых плечах сгорела не одна кожа, пока не потемнели последние июльские ночи» [8, с. 94] («Три часа срока»).

Прагматическая сторона сенокоса обоснована во внутреннем монологе Ивана Африкановича, сливающимся с голосом повествователя: «Корова – это что прорва, всю жизнь жилы вытягивает. С другой стороны, как без коровы? Без коровы Ивану Африкановичу тоже не жизнь с такой кучей, это она, корова, поит-кормит. <...> Для коровы на зиму надо три стога минимум. С процентами да и с приусадебным участком три стога, не меньше, без этих трех стогов крышка» [8, с. 60]. Белов в самом начале главки о сенокосе помещает предельно четкое указание на жизненную необходимость и минимальный объем выполнения данной работы. В качестве комментария добавим, что одной корове на зиму необходимо примерно 25 центнеров сена. Средний вес одного стога, который может сметать семья из двух взрослых, – 5-6 центнеров, поэтому необходимо заготовить пять стогов. Три стога – столько (минимум) Дрынов должен накосить тайно, незаконно, вдобавок к официально дозволенным доле от колхозного сена («проценты») и убранного с загороды (огороженного приусадебного сенокосного участка позади дома [10, В. 2, с. 110]). Размышления о необходимости прокормить корову дублируются в рассуждениях Пятака (главка «Фигуры»): «Вот сам знаешь, в колхозе без коровенки нечего и думать прожить. Есть коровенка – живешь, нету коровенки – хоть матушку-репку пой. А ей, вишь, коровенке-то, сено подай кажинную зиму» [8, с. 68]. Заготовка сена для личного хозяйства – непростая задача, неизбежно связанная с нарушением закона, ее приходится решать не только главному герою, но и всем сельчанам. Автору важно сделать акцент на прагматическом аспекте дела, чтобы остро поставить вопрос социальной справедливости и несовершенства колхозного права: без нарушения закона крестьянин не может прокормить семью.

Заготовка сена в повести осложнена обстоятельствами, связанными с особенностями колхозного права и землевладения. В СССР земля находилась либо в государственной, либо в колхозно-кооперативной собственности, частного права на землю не существовало. Самовольная обработка земель, принадлежащих колхозу, в том числе покос, подразумевала имущественную ответственность за причиненный ущерб: взыскание в натуре урожая или сена (т.е. конфискацию) или денежное возмещение убытков. В отдельных случаях дело могло дойти до суда и быть квалифицировано по статье 89 УК РСФСР 1960 г. с наказанием в виде лишения свободы сроком от одного года до трех лет. Колхозникам выделялись приусадебные участки, на которых предусматривалось место под покос (загороды), однако их было недостаточно. Кроме того,

на рубеже 1950-60-х годов Н. С. Хрущев начал проводить политику, направленную на отмирание личного подсобного хозяйства, в связи с чем площиади последнего были сильно урезаны. Именно такая ситуация описана в рассказе Белова «День за днем».

Доходы колхозников могли быть выражены в денежной и натуральной форме, распределялись они на основе Примерного Устава сельскохозяйственной артели. Труд их оплачивался по остаточному принципу: в первую очередь колхоз выполнял план перед государством, затем выделял средства на собственное воспроизводство и развитие, и только оставшаяся часть доходов распределялась между колхозниками по трудодням. Постановление сентябрьского Пленума ЦК партии 1953 г. рекомендует выделять колхозникам 10 % от общего количества заготовленного сена. Если общий план заготовки выполнен, эта цифра могла доходить до 30 %. Примерно так же распределялись корма. Содержать на это корову было просто невозможно.

По тому же остаточному принципу позволялось работать на личное домохозяйство и выделялись дополнительные участки для покоса на свои нужды. Сначала проводили колхозный сенокос, и только после того как планы по заготовке сена были выполнены, официально разрешали косить для личных коров. Обычно выделяли день-два, поскольку уже начиналась жатва. В «Привычном деле» колхозникам дают под это один выходной. К окончанию колхозного сенокоса трава часто успевала зацвести (а иногда и вовсе отцвести уже), поэтому качество заготовленного из нее сена было существенно хуже. Соответственно под личный покос выделяли самые неудобные участки (дальние, неровные, в лесу), их называли пожнями. Такова правовая сторона дела, без знания которой нельзя до конца понять смысл происходящего в повести.

Помимо pragматической и правовой, в произведении представлена и технико-технологическая сторона дела: называются составляющие сенокосных работ, инвентарь, а также описана технология отдельных процессов. Все это, как и используемая лексика, сегодня нуждаются в специальном комментарии.

Первые упоминания о подготовке к сенокосу встречаются в главе «На бревнах». Они обозначают начало и конец дня Ивана Африкановича: «Была сизая от росы трава, дома еще спали, но хлопотливые галки уже канителились в колокольне, да ранний молоток Ивана Африкановича *отбивал косу*» (здесь и далее курсив мой – Т. В.) [8, с. 41]. Здесь важен акцент на негромком и ритмичном звуке, маркирующем раннее начало трудовых будней. Это одна из партий сельской мелодии естественного порядка вещей. Она сливаются с птичьими голосами и является частью аудиального образа размеренно просыпающейся деревни, когда к звучанию природы постепенно добавляются звуки человеческих дел: скрип ворота колодца, тюканье молотка, голоса людей. К концу дня все

повторяется в обратном порядке: «Тихо-тихо. Только настырно куют кузнечики да изредка прогудит вечерний жук, даже молоток, *отбивавший косу*, и тот перестал тюкать» [8, с. 48]. Тишина у Белова – непременный спутник правильного ритма, она никогда не бывает абсолютной. Как видно из приведенной выше цитаты, тихо – это когда замолкают, засыпают люди, остаются только негромкие звуки ночной природы. В художественном мире писателя важна триада «тишина – мелодия – шум». Первые составляют акустическое двуединство и противопоставлены последнему как примете разлада. Как отмечает Е. П. Андреева, «для каждого времени суток Белов находит точную звуковую доминанту» [1, с. 164]. Звук отбивающего косу молотка является таковой в описании одного из предсенокосных дней Дрынова.

Отбивание косы – одна из обязательных подготовительных к сенокосу операций, необходимых, чтобы коса была острой и ровной, соответственно хорошо срезала траву. Иначе говоря, это приведение косы в рабочее состояние. Н. Н. Родионов в книге об устройстве, подготовке к работе и использовании косы пишет, что «отбивка косы – сложная и ответственная операция, требующая особого внимания и терпения» [4, с. 50]. Это делают перед началом сенокоса и во время его, когда инструмент затупился или покривился, что в среднем происходит после 6 – 7 часов работы и зависит от местности и умения.

Элементы технологии отбивания косы приведены в эпизоде главки «И пришел сенокос», когда Иван Африканович, расстроенный конфиснацией сена, принимается за это занятие: «Иван Африканович пошел в огород, сел отбивать косу. И вот уж чего он никак не ожидал, так это одного дела. Он отбивал косу, *плевал на кончик молотка и тюкал по бабке, плющил тонкое лезвие*, стараясь не делать на нем трещин. Тюкал долго, размеренно, и уже совсем все встало на свое место, он успокоился от этого тюканья, как вдруг опять появился тот уполномоченный» [8, с. 62]. Здесь как раз речь идет о приведении затупившегося после работ инструмента в рабочее состояние. Технология процесса вкратце выглядит так. Нож косы кладут на небольшую наковаленку (бабку), вбитую в бревно из твердого дерева. Отбивают молотком, постепенно перемещая его от пятки (основания ножа) к носку (острию) косы. При этом молоток поднимают невысоко, ударяют не сильно параллельно лезвию полотна. Кромку полотна нужно пройти равномерно и не за один проход, не ударяя два раза подряд по одному месту. Кончик молотка смачивают в воде или, как это делает Иван Африканович, плюют на него, так при соприкосновении с лезвием очищается место удара (оно становится светлее), и мастеру видно направление отбивки. В результате правильно проведенных действий лезвие делается равномерно тонким, а также более прочным и твердым.

Как видно, это вроде бы незатейливое занятие требует большого навыка, умения и концентрации. Для того, чтобы хорошо отбить косу, требуется примерно полчаса. Иван Африканович садится налаживать косу в ситуации, когда ему нужно отвлечься, справиться с эмоциями. Долгая, подразумевающая размеренный ритм и требующая сосредоточенности работа постепенно успокаивает героя («уже совсем все встало на свое место»), пока из этого хрупкого равновесия его не выводит визит уполномоченного. Само перечисление основных элементов технологии отбивания косы с использованием глаголов несовершенного вида с семантикой неоднократности («отбивал», «плевал», «тюкал», «плющил») придают тексту внутренний ритм, соответствующий совершаемым героем действиям и их длительности. Трудовая операция здесь важна не сама по себе, а как способ утишения души персонажа.

Не менее важный элемент подготовки косы к работе упоминается чуть дальше в эпизоде визита уполномоченного: «А уполномоченный взял косу, потрогал, каково она *насажена на косьевище*. *Будто и в самом деле умел насаживать косы* и будто ему на самом деле было важно, хорошо ли насажена коса у Ивана Африкановича» [8, с. 63]. Насаживать косу – устанавливать нож на рукоятку. Делается это с помощью специального кольца и деревянного клина. В этой процедуре также есть много тонкостей. Например, необходимо стесать конец рукоятки под определенным углом, в нужном месте сделать углубление на стесанной плоскости, установить правильное отклонение носика (острия) лезвия. Если нож закреплен неправильно, это будет влиять «как на усилие при кошении, так и на качество работы» [4, с. 50]. Косьевище – диалектное наименование древка, рукоятки косы [10, В. 3, с. 108]. Обычно его изготавливали из березы как более прочного материала, реже из ели, и подгоняли под рост владельца. В приведенном отрывке районный начальник, осматривая косу, хочет показаться «своим» и одновременно ищет повод для начала дальнейшего неприятного разговора, в котором он попросит Дрынова донести на односельчан. Автор акцентирует неловкость момента, формальность интереса уполномоченного, которому не удается создать видимость знания дела. Попытка имитировать проверку косы – деталь, усиливающая экзогеннуюность персонажа: он не только физически прибыл извне (приехал из района) и иерархически находится ярусом выше, но и внутренне далек от крестьянского мира.

Описания самого сенокоса располагаются в 4 и 5 главах повести, основная их часть сосредоточена в главках под соответствующими названиями – «И пришел сенокос» и «Последний прокос». На сюжетном уровне данный вид крестьянских работ связан с интенсификацией действия, что обозначено в нескольких заголовках: «И пришел сенокос», «Что было дальше», «Митька действует». Сенокосная пора – самая горячая в жизни села, заготовка сена происходит отчасти парал-

лельно с силосованием, севом озимых и уборкой. Сенокос – коллективная работа, требующая включенности всей деревни, всех трудоспособных членов семьи. Традиционно в такое время вся родня съезжалась в село на подмогу (вспомним эпизод с сенокосом в «Прощании с Матерой» В. Г. Распутина). Так, Дрыновы берут старших детей и на колхозное поле, и на личный покос. Для успеха дела важно единство совместных усилий.

Изображение сенокоса в соответствующей главке («И пришел сенокос») строится на параллельном развертывании и неизбежном сопоставлении данной работы на колхозном поле и для личных нужд. С самого начала делается акцент на максимальной интенсивности труда, требующего практически круглосуточного напряжения, и противопоставлении законного и незаконного: «В лесу на Левоновых стожьях Иван Африканович косил по ночам для своей коровы. *Днем* он вместе с Антошкой и Гришкой *косил колхозное сено*, помогала иной раз и Катерина: за два дня ставили стог. А *по ночам* Иван Африканович *ходил косить для себя. Стыдно*, конечно, было, бродишь как *вор*, от людей по кустам *прячешься*. Да *устанешь за день* на колхозном покосе, а тут *опять всю ночь шарашиться*» [8, с. 59].

Контраст законного и преступного поддерживается временем суток (день – ночь) и мотивом стыда, связанным с нарушением запрета («стыдно», «как вор», «прячешься»). Показательно, что стыд – постоянное самоощущение Дрынова, связанное с вынужденным непослушанием, его проявления многократно повторяются в дальнейшем. Это выражено в сопоставлении Ивана Африкановича с вором и разбойником, а также в размышлениях героя о возможной поимке («А что вы, – скажут, – товарищ Дрынов, в лесу делаете?» [8, с. 60]). На ореол преступника «работают» идиоматическое выражение «под белы руки» (брать под белые ручки – привлекать к ответственности), самоименование «субчик», т. е. темная, подозрительная личность. Далее, когда опасения Дрынова сбылись, в описании визита последнего в контору вновь актуализируется мотив стыда, связанный с чувствами вины и одновременно собственной приниженности, ничтожности: в контору «Иван Африканович вошел, будто *кот-блудня*, спокойно, но с *внутренним сознанием своей вины*», там он «*чуть не плакал от стыда, виновато мигал и чуял, как розовели горячие уши*», далее «*боком вылез из кабинета. Забыл надеть шапку и с великим стыдом, качая головой, вышел на крыльце*». Ему было до того *неловко, совестно*, что *уши долго еще горели*» [8, с. 62]. В тексте повторяются само слово «стыд» и его смысловые вариации, что демонстрирует крайнюю степень самоуничижения персонажа, законопослушного по природе своей. Иронично-шутливое сравнение с котом-блудней несколько снижает градус серьезности ситуации, а упоминания о «горячих» ушах подчеркивают почти детскую робость героя

во взаимоотношениях с начальством. Однако четко дается понять читателю, что связанное с ночной косьбой «преступление» происходит регулярно («дело привычное» [8, с. 60]), соответственно и чувство стыда по этому поводу испытано многократно. Напрямую смысловая обоснование неизбежности нарушения закона с нагнетанием ощущения преступности действий, с этим связанных, Белов заостряет вопрос о правовой справедливости. Кроме того, массовое нарушение закона (об этом в тексте не раз упомянуто, хотя бы: «Ну, правда, не он один по ночам косит, все бегают» [8, с. 60]) ставит под сомнение его целесообразность. Актуальное с социально-правовой точки зрения противопоставление законного и преступного с прагматических и бытийных позиций оказывается абсурдным, ложным. Естественное желание прокормить семью связано с неизбежными преступными действиями и чувством стыда. Одна и та же работа может диаметрально противоположно оцениваться в зависимости от того, когда и где ее выполняют.

Первая часть главки «И пришел сенокос» организована повторами вариаций фразы «И вот он косил по ночам» [8, с. 60]. Можно выделить пять таких повторов, из них три – дословные (разница только в именовании героя: он / Иван Африканович). Такая структура предложения перекликается с заглавием. Фраза, открывающаяся союзом «и» имеет семантику присоединения, связи с предыдущими действиями: сенокос как бы добавляется к уже обозначенным делам и заботам. В сочетании с повторами на небольшой площади текста такая синтаксическая структура выполняет функцию смыслового выделения, усиления, подчеркивает многократность совершаемых действий и указывает на причинно-следственную связь событий. Данный прием позволяет сделать акцент на неизбежностиочных походов в лес и на трудности задачи.

Сопоставление колхозного и частного покосов строится на контрасте масштабов и скорости, параллельно конкретизируется состав сенокосных работ. На колхозном поле «за два дня ставили стог» [8, с. 59]. Гигантский размер одного из них обозначен употреблением суффикса со значением увеличения, определениями, сравнением и указанием на вес, что вкупе усиливает эффект: «Большой, ядреный стожище, что твоя колокольня», «Центнеров десять, пожалуй, будет» [8, с. 60]. И это еще не предел: «Иван Африканович обтеребил стог и начал новый закладывать, еще шире, еще матерее» [8, с. 60]. Помимо акцента на размер (а высота такого стога может достигать трехэтажного дома), здесь упоминается важный завершающий этап сооружения стога. Обтеребить – то есть расчесать граблями уложенный стог. Делают это равномерными движениями сверху вниз, таким образом стог окончательно приобретает коническую форму, его не будет трепать ветер, а также убираются неровности и выступы, задерживающие осадки.

Описание личного покоса Дрынова контрастирует с колхозным не только по времени, масштабу, но и по общей тональности: «*Обшаркал* косой все *кустики* на *небольшой пустовине*, на *добрый стожок* уже скопилось травы на *Левоновых стожьях*» [8, с. 60]. И далее: «А потом, ночью, отмахал семь верст в лес, тихонько, чтобы не услышал кто, наставил косу, *обкосил* *кустиков* с *полдесятка* и опять семь верст обратно, еле успел к бригадирову звону позавтракать. *Хорошо!*» [8, с. 61]. Очевиден упор на ничтожность размеров обработанной площади, измеряемой количеством кустиков, и результата труда («*На четвертую ночь* сметал первый, хоть и *небольшой, но все же стожок*» [8, с. 61]). Лексические повторы (особенно слова «небольшой») и употребление уменьшительных суффиксов («стожок», «копенка», «копешка», «стожонки» и др.) работают на прием контраста и поддерживают любовно-бережную интонацию фрагмента, когда голос повествователя сливается с точкой зрения персонажа. Дополнительные оттенки смысла привносит употребление диалектной лексики, связанной с сенокосом. Согласно Словарю вологодских говоров, одно из значений слова «стожьё» – «часть луга, пожни, с которой накашивается стог сена» [10, В. 10, с. 130]. Иван Африканович ходит косить на Левоновы стожья – вероятно, название места, с которого можно заготовить несколько стогов. Пустовина в данном контексте – пустошь, незасеянный участок, целина. Соответственно, кроме травы на ней ничего не растет. Обшаркать – вариант «нашаркать» – «накосить немного, с трудом» [10, В. 5, с. 85]. Использование вологодского наречия позволяет создать национальный колорит и сделать описание более точным в смысловом отношении. На приемах раскрытия значения диалектизма, которые использует Белов, останавливается Г. В. Судаков в работе «Проза В. И. Белова как образец “вологодского” текста» [5]. В «Привычном деле» смысл употребляемого слова проясняется, как правило, через широкий контекст, однако нюансы значения для обычного читателя остаются неочевидны, как в случае с «нашаркать».

В этом же эпизоде названы отдельные элементы работы с косой и технологии заготовки сена. Иван Африканович берет с собой в лес осёлок, а перед началом работы наставляет косу (то же самое делает и Катерина в главке «Последний прокос»). Непосредственно перед косьбой, а также во время ее по мере надобности косу затачивают специальным бруском – осёлком, это и называется «наставить косу». Сыну Дрынова Гришке «надо было *зацепывать* сено», в результате чего он «нагреб две маленьких, под свой рост, *копенки*» [8, с. 61], на одной из которых и уснул. Цапать (о сене) – «гребя, собирать в одно место, подбирать граблями» [10, вып. 12, с. 3]. Технология сушки сена такова: подсохшую траву складывают в копны, в которых она окончательно досушивается. Затем копны собирают в стог. Копна имеет куполообразную форму и значительно меньше стога, ее средний вес примерно 50 кг. Иван Африка-

нович косит ночью, за которую трава, конечно, не успеет подсохнуть, поэтому Гришка, взятый в помощь, вероятнее всего, сгребает в копны сено, скошенное накануне. Да и полноценную копну мальчику 9-10 лет собрать в одиночку сложно, еще и в это время суток. Тяжелая ночная работа вызывает у Дрынова чувство душевного удовлетворения, связанного с приближением решения задачи: «Хорошо! Третью ночь спал Иван Африканович всего часа по два, *дело привычное*. Зато после каждой ночи *на душе легче*, – как-никак, а корову прокормит зиму» [8, с. 61].

Итог первой попытки Дрыновых заготовить сено для своей коровы печален – два (из трех необходимых) стога конфисковали («Записали мои стожонки» [8, с. 64]). Главка «И пришел сенокос» начинается попыткой накосить сено и заканчивается ею же, но уже второй, на территории соседнего колхоза. Краткое резюме ее предварительного итога помещено в последнем абзаце: «Они *опять по четыре ночи* ходили в лес вместе с Катериной. Правда, косили не подолгу. Катерине к пяти утра надо уже на дойку, да и ему к шести-семи на общий покос. Четыреочные упряжки, *косили старательно*, надо было уже *стоговать* сено, как *вдруг* и приехал Митька» [8, с. 64]. Второй заход тяжелее: силы уже потрачены (зря, без результата), время упущено, и требуется дополнительная помощь (и без того занятой Катерины), его ритм нарушен внезапным и не предвещающим ничего хорошего приездом шурина.

От главки «Фигуры» до конца четвертой главы действие вокруг сена принимает авантюрный характер. В начале главки Пятак вспоминает свою прошлогоднюю неудачу (конфискованный «стожок»), безуспешные попытки его вернуть и обозначает прагматическую немотивированность закона: «Ведь один бес, каждое лето покос в лесу остается, трава под снег уходит. Нет, не моги покосить для своей коровы – и весь протокол. Пусть трава пропадает, а не тыкайся» [8, с. 68]. Применительно к данной ситуации уместно вспомнить идиоматическое выражение «собака на сене» – именно такую функцию выполняет колхозное право, персонифицированное в образе районного начальника: крестьянам нельзя косить в лесу, и государству этот покос не нужен.

Горький опыт и природная сметка наводят Пятака на мысль обмануть систему («Теперича я хитрей буду» [8, с. 68]): поставить стога «по суседским фигурам» [8, с. 68]. Вероятнее всего, речь идет о форме стога, который может быть сметан на один или несколько стожаров (стожар – шест, воткнутый в землю в середине стога для большей устойчивости конструкции) и соответственно иметь вид конуса или усеченной пирамиды. Хитроумный Пятак задумал ставить свои стожки на манер соседнего колхоза, чтобы ввести в заблуждение проверяющих и сохранить заготовленное. Слово «фигуры», вынесенное в заголовок, привносит двусмыслен-

ность: оно связано с плутовством, созданием видимости – ложной формой – и в то же время имеет семантику затейливого (танцевального) движения. Последнее значение отсылает к спровоцированному Митькой пьяному загулу мужиков в сенокос и косвенно – к Ивану Африкановичу и его последующей попытке уехать из деревни.

Интенсификация сенокосного сюжета налицо в главке «Митька действует», где события сравнимы с затейливыми танцевальными фигурами и обретают формы плутовства. Их ход можно обозначить словами Евстольи как «приключения насчет сена» [8, с. 75]. Главным действующим лицом здесь выступает Митька, чей функционал схож с трикстером, описание его деяний создает видимость трансформации трудной задачи в легкую и имеет явственный оттенок жульничества: «...Часа за три все дело было обтяпано. Оба стога навалили на сани, привезли к повети, перекидали в одну секунду, все шито-крыто» [8, с. 75]. Ивану Африкановичу отводится роль стороннего наблюдателя: он то удивляется проворству Митьки, то у него болит душа от нехороших предчувствий. События развиваются в духе фарса, апофеозом которого является эпизод с баней. Но финал разыгравшейся комедии оказывается серьезным и приводит к фатальным последствиям: сено конфисковали у всей деревни, Митьку и Мишку забрали в милицию. Непосредственно за сценой с баней следует раскрытие преступления, сопровождающееся неловкой попыткой Дашки Путанки спасти ситуацию: «“Откуда у вас это сено?” <...> – “Из загороды... Свое загородное...” – “Какое же загородное, если у вас еще и загорода не кошена!”» [8, с. 76]. Крестьяне в первую очередь старались заготовить сено на дальних, нелегальных участках, а тот, что у дома, оставляли напоследок, так как его выкосить можно было не прячась и в любой момент. Поэтому обман Дашки не удался: хорошо видно, что на ее приусадебном участке трава еще не убрана. Результат «фигур» вокруг сена имеет правовые последствия: сено конфисковали у всей деревни, Митьку и Мишку забрали в милицию, а Иван Африканович сам везет заготовленное с такими усилиями сено на колхозную ферму. С. Ю. Баранов обратил внимание на возможность соотнесения повести Белова с философско-аллегорическим триптихом И. Босха «Воз сена» [2, с. 96], который считают иллюстрацией фламандской пословицы «Мир – это стог сена, и каждый выдергивает из него сколько сможет» [7, с. 84]. Думается, эти ассоциации особенно применимы по отношению к главке «Митька действует», где сено ассоциативно связано с мыслями о сущности мира и тщетности усилий.

В главке «На всю катушку» разыгрывается ситуация, связанная с вариантами правовых последствий для Митьки и Мишки за совершенные деяния. Они повредили колхозный трактор, на котором до этого привезли сено из леса. Показательно, что в разговоре председателя колхоза с на-

чальником милиции речь идет только о сене: «Они у тебя скоро весь колхоз разворуют. Два стога. Шутка, что ли?» [8, с. 78]. В глазах официального представителя власти размер личных «стожонков» гиперболизируется и приобретает масштаб хищения народного имущества. В дальнейшем речь идет о двух вариантах квалификации преступления. «Давай по мелкому хулиганству, черт бы его побрал, дурак!» – просит председатель. «Ничего себе, дурак, два стога прибрал к рукам. Нет, нет, ни в коем случае. Судить. Пусть на даровых хлебах поживет», – настаивает милиционер [8, с. 78]. Возможно, последняя формулировка указывает на оценку действий Митьки как кражи государственного или общественного имущества, что, согласно Уголовному кодексу РСФСР 1960 года наказывалась лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года (ст. 89 УК РСФСР 1960 г.). В итоге капитан милиции поддается на уговоры председателя и оформляет нарушителей «по декабрьскому», то есть согласно еще не утратившему силу Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 декабря 1956 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство», которая заключалась в административном аресте на срок от 3 до 15 суток. Осужденных по этому указу в народе в шутку называли декабристами, такое именование упоминается в повести, когда Иван Африканович ждет, когда Митьку выведут на работы из КПЗ. Митька с Мишкой действительно получают «на всю катушку», но не большого (три года тюрьмы), а малого наказания (15 суток ареста) – можно сказать, легко отделались.

В пятой главе ответственность перед законом отступает на второй план по сравнению с нерешенной проблемой, которая актуализируется в вопросе Митьки: «Сено где?» [8, с. 82]. Здесь же Евстолья вспоминает частушку: «Ты не блей-ко, баран, / Сена волоти не дам. / Летом жарко косить, / Летом холодно возить» [8, с. 82]. Баран косвенно соотносится с покорностью Ивана Африкановича, который сам послушно отвез свое сено на колхозное гумно. Далее Митька напрямую упрекает в этом Дрынова: «Сvez, да? А чего ж ты свез-то? Расстреляли бы тебя, если бы не свез? Пентюхи вы все, пыль на ушах...» [8, с. 83]. Очередная неудача с сеном приводит Ивана Африкановича в отчаяние, и он, подстрекаемый Митькой, решает уехать на заработки. Это обстоятельство делает заготовку сена невыполнимой. Осознание тщетности усилий, отчаяние звучат в ее словах после отъезда мужа: «А и тут – чего я одна? Сена не накосить на корову, а без коровы что с этакой оравушкой? Как зародилась бессчастной, так и живи бессчастной, Господи, унеси лешой и жизнь!» [8, с. 91]. Материальная утрата (отобранное сено) сопряжена с утратой человеческой. Катерина в сердцах просит забрать жизнь, предчувствуя близкую гибель.

Самое развернутое описание косьбы связано с последними днями Катерины и проникнуто трагически-лирическим звучанием. Разрешение покосить для своих коров, с которого

начинается главка, соотносится в тексте с радостью и формулой, подразумевающей точку зрения Катерины, «делать нечего, надо было жить» [8, с. 91]. В названии главки («Последний прокос») и эпиграфе к ней («Матушка родимая, / Свеча неугасимая. / Горела, да растаяла, / Любила, да оставила» [8, с. 91]) звучат трагические ноты.

Последний трудовой день героини начинается с вечера накануне («она выкосила за ночь с фонарем *пригожую пустовинку*» [8, с. 91]. Опять, как и в сцене ночного покоса Ивана Африкановича, мы видим уменьшительно-любовные именования места для косьбы, маркирующие понятное и важное дело (и далее: «полянка», «стожок»). Отчаянные усилия героини успеть сделать побольше усилены акцентированием темпа: «убежала в лес еще с вечера», потом «босиком бежала с косами по лесной дорожке» [8, с. 91-92]. Автор подчеркивает, что кажущаяся Катерине легко преодолимой дорога в лес на самом деле долгая и не такая легкая: Гришке она кажется нескончаемой.

Тонкости обращения с косой переданы в наставлениях Катерины, обучающей дочь этому навыку: «Носок-то у косы поднимай, а жми на пятку, вот и пойдет дело»; «Жми, доченька, на пятку, носок-то должен поверху ходить. Да не торопись, да захватывай-то понемножку» [8, с. 92-93]. Носок – острие ножа косы, пятка – противоположный его конец, который крепится к рукоятке (косовищу). У Ермакова описание этого трудового процесса выглядит так: «Косить надо учиться у опытных косцов. <...> А главное при учебе – *не торопиться, не спешить*, не применять чрезмерных усилий, а старательно отрабатывать и закреплять те или иные приемы работы. <...> Косят круговыми движениями справа налево. *Взмах косы не должен быть слишком широким* (чаще всего он определяется поворотом туловища при фиксированном положении косы относительно косца). <...> В момент взмаха (кошения) пятка косы должна *идти почти по поверхности поля, а носик слегка приподнят*. Если носик наклонить вниз, то коса «зароется» в почву. После взмаха косы правая нога выступает вперед, а левая перед следующим взмахом приступает к правой. Каждый взмах должен быть ровным и плавным, так как сильное напряжение вызывает лишнее утомление» [5, с. 54-55]. Именно такие указания дает Катерина дочери. Для последней эти действия новые и непривычные, поэтому ее первые неумелые движения описаны подробно, чтобы дать понять, из каких тонкостей складывается умение. Результат робкой попытки пока неидеален: «Стерня была неровная, кое-где торчали бороды непрокошенной травы, но Катюшкино сердечко прыгало, как воробей» [8, с. 93]. Стерня здесь – скошенная часть поля, а неровная она получилась потому, что девочка еще пока не умеет делать плавные движения косой, и на пятку давить у нее не всегда получается, поэтому стебли срезаны на разной высоте или вовсе не скошены. Кроме того, отмечено, что инструмент ей

не по росту, поэтому неудобно его держать, вдобавок сам рельеф в лесу не может быть гладким. Упоминается еще один нюанс в технологии заготовки сена: пройдя первый прокос, Катюшка «пошла обратно, разбила косьевищем нетолстый валок» [8, с. 93]. Валок – это вытянутая в длину гряда скошенной травы. При кошении тыльная сторона косы (пятка) с рукояткой автоматически сгребают траву и кладут ее в начало прокоса, так образуется ровный ряд. Чтобы трава быстрее подсыхала, косец, возвращаясь на новый прокос, рукояткой косы (косьевищем) разбивает только что образованный валок.

Описание трудов Катерины строится на контрастных состояниях жара в воздухе и от работы и холода в теле («жара не смогла погасить озноба»), в то же время в какой-то момент болезнь словно отступает: «Катерина будто бы не чувствовала ни усталости, ни тошноты, косила и косила» [8, с. 93]. Но это лишь иллюзия. Она вешает платок на куст, начинает свой последний прокос, который внезапно обрывается: «До конца прокоса оставалось взмахов с десяток, а она нечаянно, непроизвольно остановилась и выронила косу» [8, с. 93]. Неоконченность последнего прокоса – метафора безвременно оборванной жизни. Снятие платка является знаком расставания с жизнью и со своим земным статусом, перехода в другой мир. Катерина падает на «пахучий травяной валок» – свежескошенная трава становится ее предсмертным ложем. Расцарапанное стерней лицо героини – отпечаток ее трудов, отнявших жизнь.

Итоги сенокоса обсуждают далее Евстолья и Степановна (главка «Ветreno, так ветreno...»), и последняя выражает удовлетворение результатом: «И покосили дородно. Нюшка, когда день-то давали, на два стога нахрястала, и управили вовремя; ежели прикупим пудов с десяток, дак и прокормим корову-то» [8, с. 110]. Дородно – «так, как следует, хорошо, прилично» [10, В. 2, с. 47]. Нахрястать – то есть «наделать чего-либо в большом количестве» [10, В. 5, с. 83]. Из слов Степановны можно вывести характеристики хорошего сенокоса: быстро, много (достаточное количество) и вовремя. Два стога, столько успела накосить за день оборотистая Нюшка, столько же рвалась сделать Катерина. Эта цифра и ранее фигурировала в тексте. Такой объем удалось заготовить Дрыновым за первые две попытки, теми же двумя стогами измерялся размер хищения государственного и общественного имущества. Два стога дают надежду прокормить корову, из-за них же можно сесть в тюрьму или вовсе расстаться с жизнью. Их отсутствие влечет за собой цепь потерь (Катерина умерла, корову зарезали, детей отправили в приют).

Последний отзвук сенокоса звучит в главке «Привычное дело»: «На старой куровской подсеке Иван Африканович увидел давнишнюю кошенину. Срезанная трава лежала под ногами, выцветшая от многих дождей и промытая почти добела. «Вот, – подумал Иван Африканович, – кто-то покосил да так и оставил неуправляемым». Обходя ивовый куст, он вдруг увидел

висевший на ветке бумажный женский платок» [8, с. 114]. В самом начале похода в лес Дрынов наталкивается именно на побелевшую скошенную траву, пропадающую зря, и оставленный Катериной платок. Как отмечает А.В. Федорова, последний здесь «выступает в роли посредника между миром живых и мертвых» [4, с. 70]. Увиденное воскрешает боль утраты жены, заставляет героя пережить иллюзорное ощущение ее присутствия, чтобы остро осознать непоправимость потери: «И хотя знал, что никто не выйдет, никто не окликнет, все равно ждал, и было сладко, тревожно ждать. И никто не вышел». [8, с. 114]. С этой лесной поляны начинаются экзистенциальные блуждания героя. Ее последнее описание выглядит так: «Шумел вокруг дремотный лесной гул, белела на пустовине сенокосная лога» [8, с. 114]. Лога в авторских примечаниях к тексту повести обозначена как «скошенная, предназначенная на сено трава» [8, с. 562]. В Словаре русских народных говоров слово помечено как употребимое в этом значении в новгородском и архангельском регионах. В Вологодской области логом называют расчищенный под сенокос участок леса. Белое пятно скошенной, но не убранной травы в сочетании с именованием поляны – пустовина – визуализация пустоты в душе Ивана Африкановича, подкрепленная следующим далее перифразом последних слов Катерины («Ветreno, так ветreno на опустелой земле...» [8, с. 114]). Именно здесь Дрынов задает себе вопрос, выводящий на поиск смысла жизни и дающий начало его плутаниям по лесу и в собственной душе: «Надо идти. Идти надо, а куда бы, для чего теперь и идти? Кажись, некуда больше идти, все пройдено, все прожито» [8, с. 114]. Формула «надо идти» связана с мотивом воскрешения и может рассматриваться как перифраз слов Иисуса (например: «И сказал Иисус сотнику, иди, и, как ты веровал, да будет тебе» (Мф 8: 13)).

Таким образом, в повести «Привычное дело» представлены прагматическая, историко-правовая, технологическая и лингвистическая стороны сенокоса как вида крестьянского труда, каждая сегодня нуждается в комментарии, этот опыт был представлен в настоящей работе. В то же время сенокос представляет собой художественный образ, на символическом уровне соотносимый с идеей испытания. Звуки сенокосных работ могут маркировать правильный ритм / отклонение от него, знание дела обозначает диспозицию «свой – чужой», характер и динамика работы соотносится с лирической, комической или трагической интонациями. Стог сена и сенокосная лога символизируют суету сует, тщетность усилий и напрасную жертву. Использование диалектной лексики в описаниях сенокоса обогащает его изображение оттенками смыслов, создает региональный колорит и подкрепляет взгляд изнутри повествуемого мира.

Литература

1. Андреева, Е. П. Образ тишины в произведениях В. И. Белова / Е. П. Андреева // Беловский сборник. – Вологда, 2016. – Вып. 2. – С. 164-170.
2. Баранов, С. Ю. «Союз земли и воды» в «Привычном деле» : текст в тексте / С. Ю. Баранов // Беловский сборник. – Вологда, 2017. – Вып. 3. – С. 87-97.
3. Некрылова, А. Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома / А. Ф. Некрылова. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2009. – 767 с.
4. Повесть В. И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст : монография / Баранов С. Ю., Воронина Т. Н., Головкина С. Х. [и др.]. – Вологда : ИП Киселев А. В., 2016. – 191 с.
5. Родионов, Н. Н. Коси, коса / Н. Н. Родионов // Сделай сам. – 1992. – № 2. – С. 44-68.
6. Судаков, Г. В. Проза В. И. Белова как образец «вологодского» текста / Г. В. Судаков // Литература в школе. – 2017. – № 9. – С. 2-7.
7. Тольнай, Ш. Босх / Ш. Тольнай. – Москва : Ulysses international publishers, 1992. – 175 с.

Источники

8. Белов, В. И. Привычное дело: повесть / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Т. 2. Повести и рассказы / В. И. Белов. – Москва, 2011. – С. 7-126.
9. Белов, В. И. Лад / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Т. 5. Очерки, произведения для детей / В. И. Белов. – Москва, 2011. – С. 7-286.
10. Словарь вологодских говоров. Вып. 1-12 / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. – Вологда : ВГПИ : ВГПУ, 1983-2007.

С. Х. Головкина
г. Вологда

ДЕНДРОЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»¹

В статье рассматриваются концептуальные и образно-символические представления писателя о лесе. Олицетворение дерева, изоморфизм человека и дерева представляют собой один из ведущих приемов создания дендрологической образности в повести В. Белова. Подвергаются анализу выразительные средства создания художественных образов деревьев (сосны, ели, осины, березы, рябины) с учетом различные внутритекстовых связей слов и с опорой на мифологические, фольклорные и христианские традиции их употребления.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Энциклопедия «Привычного дела» В.И. Белова», проект № 19-012-00348.

Ключевые слова: В. Белов, поэтика прозы, художественный образ, хронотоп, лес, деревья.

S. H. Golovkina
Vologda city

DENDROLOGICAL IMAGERY IN THE STORY «HABITUAL DEAL» BY VASILY BELOV

The article deals with writer's conceptual and symbolic ideas about the forest. The personification of a tree, the isomorphism of man and tree is one of the leading methods of creating dendrological imagery in the story of Vasily Belov. The expressive means of artistic images of trees (pine, spruce, aspen, birch) based on the intra-textual connection of words and mythological, folk, Christian ideas are considered.

Keywords: Vasily Belov, poetics of prose, artistic image, chronotope, forest, trees.

Дерево – один из значимых образов русской культуры. Формирование этого образа связано с широким кругом тематически объединенной лексики (слов – дендронимов). Классификация исследуемых номинаций может быть осуществлена с учетом разных подходов и принципов. Для дальнейшего рассмотрения функциональных возможностей дендронимов, их образного воплощения в художественном тексте целесообразной представляется классификация, предложенная Н.Ю. Шведовой в «Русском семантическом словаре». Описание словесного материала представлено ею «как результат постижения действительности самим языком» [4, с. 514].

Подмножество «Деревья и кустарники» в языковой системе входит в широкую группу названий растений и других растительных организмов (фитонимов), содержащую около 1580 языковых единиц (с учетом производных слов и устойчивых сочетаний). Подгруппа включает, во-первых, общие обозначения: *дерево, древо, куст, кустарник, кустарничек, лесина, полукустарник*. Во-вторых, названия деревьев и кустарников, дающих съедобные плоды. Это широкий круг номинаций косточковых, цитрусовых, ягодных, ореховых культур и их плодов. В-третьих, названия деревьев, не дающих культивируемых съедобных плодов. Отдельно представлены обозначения группы лиственных (так, например, среди них *акация, берест, береза, боярышник, бузина, бук, верба, вереск, ветла, вяз, гевея, граб, дрок, дуб, ива, ильм, калина, карагач, краснотал, крушина, липа, лозина, мимоза, ольха, омела, осина, осокорь, падуб, платан, ракита, тополь, черемуха, ясень и некоторые другие) и хвойных растений (ель, ёлка, кедр, кедрач, кедровник, кипарис, лиственница, пихта, секвойя, сосна, тис, туя*), их частей и веществ, в них содержащихся.

Отдельно в словаре представлены участки растильности: поля, леса, заросли. Группа включает в себя 1) общие обозначения совокупности деревьев (*лес, молодняк, молодь, подлесок, подлесье, подрост, поросье*), 2) названия больших густых и непроходимых участков (*бор, дебри, пуща, сельва, тайга*), 3) разные типы леса, рощи (например, *березняк, дубрава, ельник, кедровник, краснолесье, левада, ольшаник, осинник, рябинник* и т. п.), а также заросли кустов (например, *бузинник, вербняк, ивняк, крушинник, орешник* и т. п.), 4) редкий лес (*древостой, мелколесье, опушка, перелесок, редколесье*), 4) глухие заросли (*глухомань, глушь, гуща, заросли, трущоба, чаща, чащоба*), 5) заросли травы, камыша, мха (*лопушник, моховище, машара, ягельник*) и ягодные кустарники (*брусничник, земляничник, малинник* и др.).

Дерево является важным элементом языковой картины мира народа, моделирующим образы пространства и времени. Его части, предметы, сделанные из него, связаны с семейной и календарной обрядностью, хозяйственной сферой деятельности и народной медициной.

В повести «Привычное дело» встречаются как общие обозначения: *дерево, куст, лес, кустарник*, так и довольно узкий (в сравнении в потенциальной языковой системой) круг названий деревьев. Перечислим их в порядке убывания частоты с учетом производных: *ель / ёлка, сосна / сосновый, осина, береза / березовый, черемуха, ольха / ольховый, рябина, ива, верба, шиповник*. Некоторые из них (*ива, верба*) имеют лишь единичное употребление, но это не снижает их значимости для понимания идейного содержания текста. Так, с образом ивового куста связан найденный Иваном Африкановичем платок Катерины, оставленный ею во время последнего прокоса и хранящий ее запах, старая верба маркирует кладбище, где похоронена Катерина. Образы деревьев формируются также на основе употребления слов с партитивным значением (*вершина, крона, ствол, ветка, сучок, лист, иголка, хвоя, корень*), а также слов, отражающих наименования совокупностей деревьев (*лес, березняк, ельник, ольшаник, осинник*).

Формирование концептуального и образного значений названий деревьев в повести В.И. Белова тесно связано с типом пространства, частью которого являются деревья. Значимыми оказываются специфика организации пространства, его функциональное назначение, временные координаты, мифологические и аксиологические представления человека в отношении этого пространства. Такой природной средой в повести является лес ('большое пространство с сомкнутыми кронами' [4 с. 614]). Представление об этом природном комплексе расширяется в художественном тексте за счет его неизолированности от других природных объектов, связанных с водным, воздушным и земным пространством.

Слово «лес» – одно из наиболее частотных в «Привычном деле», оно использовано автором 65 раз, кроме того, широко

представлены и его производные лесной – 24 употребления, лесок – 5, леспромхоз – 2, леспромхозовский – 1, по-лесному – 1.

В настоящее время понятие «образность» рассматривается как «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» [3, с. 44]. Наблюдения над словоупотреблением в повести В.И. Белова показывают, что образ леса формируется в результате актуализации и объединения в микроконтексте разных его признаков: аудиальных (звукание, шум, отсутствие звука), визуальных (цвет, свет, форма, размер и т. п.), кинестетических (характер движения или его отсутствие, особенности поверхности, плотность, прочность, и др.), ольфакторных (запах), темпоральных (возраст, время появления листвы и цветения, созревания плодов).

Так, например, звуки леса, издаваемые листвой, ветвями, показаны писателем как результат движения ветра в разное время суток: «...а лес еще не шумел, потому что было очень рано и ветер еще только нарождался вдали» [1, с. 92]; «Шумел вокруг дремотный лесной гул, белела на пустовине сенокосная лога. Ветрено, так ветрено на опустелой земле» [1, с. 114]; «Поскотина была широка, безмолвна, только ветер иной раз дул по сосновым верхам, и сосны отзывались возмущенно и сонно» [1, с. 114]; «А лес и взаправду возмущенно, таинственно обволакивал своим шумом светлую каплю костра и маленькую фигуру человека. Издалека, очень издалека катился на него вал лесного шума <...> Вот он, этот вал, склынулся и захлебнулся сам в себе, где-то далеко-далеко отсюда. И все тихо, все темно» [1, с. 118]; «Ветер был тише, но шум леса не стихал, он лишь терял с рассветом свою таинственность» [1, с. 119].

Звуки или тишина леса появляются как результат действия или бездействия водных источников, животных, птиц, человека: «Пожухли и очерствели изросшие к исходу лета молчаливые травы. Пересохли и умерли когда-то ясные лесные ручьи, даже пастушье эхо еле звучало в лесах» [1, с. 104]; «Сама кукушка замолкла еще в середине лета – видно, подавилась ячменным колосом» [1, с. 104]; «Уже поредели, стали прозрачнее расцвеченные умирающей листвой леса, гулкие прогалины стали шире, затихло птичье многоголосье» [1, с. 114]; «Слышались голоски лесных синичек» [1, с. 92]; «С травяной тропы шумно снялись тетерева» [1, с. 114]; «Хорошо идти, птица по лесу поет всякая...» [1, с. 115]; «Лесной шум затихал вдали, в сером небе намечались кое-где медленно светлеющие отдушины. Где-то далеко чуялись бравурно-печальные возгласы изнемогающей в полете журавлиной стаи» [1, с. 121]; «Ветрено, опять будет ветрено на лесном озере: голубые валы покатятся в одну сторону, и тревожно заорут на воде толстухи гагары» [1, с. 123]; «...ярко и бесстрашно затрубит в осиннике, задрожит мышастыми боками гуляка-лось, все еще не успокоившийся после осеннего гульбища» [1, с. 123]; «Коса ритмично мелькала в глазах. Сочно хрустела лесная трава,

Катерина будто не чувствовала ни усталости, ни тошноты, косила и косила» [1, с. 93]; «Дробное, раскатистое эхо слилось в лесу с тракторным гулом» [1, с. 122].

Описание леса и деревьев через звучание, на наш взгляд, ведущий прием создания дендрологической образности в повести «Привычное дело». В своем образном воплощении «мира звукающего или молчащего» В. И. Белов обращает внимание читателя на причину этого явления: *сезонную* (летняя жара, обессиливающая в полной тишине все живое, трескучий мороз и скрип снега зимой, сильный осенью или легкий весенний ветерок, утрата листвы осенью), *пространственную* (удаление или приближение к источнику звука), *традиционно культурную* (приметы, присказки, народная мудрость). Несомненно, можно говорить о художественно воплощенном писателем «хронотопе» леса. Временная закрепленность звуков, типичность в движении деревьев, обусловленная пространственно-временными координатами, позволяет Ивану Африкановичу ориентироваться во времени суток и пространстве: «По тому, как сохла трава на горушках, как вздыхали вершины сосен, он определил, что времени примерно полдень» [1, с. 115].

Лесной гул сопровождает Дрынова в его тягостном лесном путешествии, изменение силы и характера звука прежде всего связаны с продвижением персонажа из «своего» пространства в «чужое» и обратно. Нарастание опасности сопровождается нарастанием шума леса, в который врываются звуки дождя, отдаленные раскаты грома. Символическое изображение леса в виде шумящего огромного водного потока оказывается кульминационным моментом «странствия» Ивана Африкановича.

Наглядно воспринимаемые признаки леса и деревьев нередко визуализированы с помощью эпитетов, сравнений, метафор. Чаще это цветовая характеристика листвы дерева, коры, плодов, в которой легко угадывается или лексически фиксируется период годового цикла: «Уже поредели, стали прозрачнее расцвеченные умирающей листвой леса...» [1, с. 114]; «Где-то за пестрыми лесами кралась к здешним деревням первая зимка» [1, с. 126].

Подобное изображение связано и с отдельными деревьями или их частями: «Ягоды давно облетевшего шиповника горели в ольшаннике красными огоньками» [1, с. 108]; «Как свечи, стояли высокие черные стволы опаленных осин, высоко вверху торчали большие уродливые сучья» [1, с. 117]; «Темные ели берегли зеленую свою глубину: глядишь, как в омут. У сосен зелень сизая, негустая, тоже не двинут ни одной иглой, а такие высокие. И сквозь них голубенькое, почти белое небо без облаков» [1, с. 108]; «начинающие желтеть березы и редкие огневые рябины» [1, с. 123]; «...за речкой, за желтым березнячком кричали ребятишки» <...> «Иван Африканович сидел на могиле жены и смотрел на речку, на желтые ясные березы вдали» [1, с. 125]; «...несколько гроздьев красной

уцелевшей от дроздов рябины» [1, с. 125]; «осень выдохнула за ночь прозрачные бледные клубы сиренево-желтоватых осинок, и многие листья попадали на воду...» [1, с. 123].

Иногда это отражение меняется в зависимости от источника света («... золоченные солнышком сосны тихо грелись на горушке...» [1, с. 24]; «...сосны, прохваченные солнцем, спали тоже...» [1, с. 24]; «Красная большая луна встала над лесом. Она катилась по еловым верхам...» [1, с. 11]; «В глазах стыло солнце пятнистое, сиреневато-оранжевое облако. Осина стояла невдалеке, застывшая, светлая» [1, с. 122]. На цветовое восприятие дерева может также повлиять плотность леса, отсутствие – наличие и размер листвы.

Нередко описания содержат сразу целый комплекс визуально воспринимаемых признаков (цвет, размер, влияние освещения, форма ствола, листьев, расположение в пространстве). Таким, например, оказывается образное воплощение наконец обнаруженной в лесу осины: «Осина стояла невдалеке, застывшая, светлая. <...> Бескровные, словно прозрачные листья не двигались и светились каждой своей жилкой; стройный белый ствол уходил высоко-высоко и, казалось, кренился, и падал, и все никак не мог упасть на Ивана Африкановича» [1, с. 122].

Писатель обращает внимание на размеры дерева, а устремленность вершин к небу формирует пространственную точку зрения наблюдателя («снизу – вверх»). Невозможность охватить взглядом дерево целиком регулярно поддерживается автором в описаниях исключительно кроны высоких елей, сосен, осины («У сосен зелень сизая, негустая, тоже не двинут ни одной иглой, а такие высокие» [1, с. 108]; «Медленно, неохотно прояснились в небе очертания еловых верхов» [1, с. 119]). Такой путь презентации обычно связан с воплощением образов хвойных деревьев и леса (как абстрактной совокупности деревьев). Вряд ли можно говорить в отношении к тексту повести о прямом влиянии мифологических или религиозных представлений – о «триаде, связующей миры: развесистая корона («небесное», «божественное» начало), вертикальный ствол («тело человека») и корни, уходящие в землю («хтоническое начало»)» [5, с. 60]. Тем не менее, функция дерева как медиатора метафорически осмыслена и выражена В.И. Беловым в конце повести, в рассуждениях Ивана Дрынова о бесконечности жизненного цикла: «лесной гребень целыми днями будет прочесывать синюю небесную лысину» [1, с. 123].

Единичны описания формы дерева небольшого размера. Это, как правило, растение с каким-то изъяном, который особо выделяется автором: «Вилашки корявой сосенки» [1, с. 115]; «...зеленела хилая, выросшая на несчастливом месте береза» [1, с. 105]. В последнем контексте видно свойственное В. Белову пояснение причин изъяна. Это объяснение выступает в тексте как одно из предзнаменований дальнейшего нападения на Рогулю тощей медведицы на лесной поскотине. Переход из

одного пространства леса в другое, смена «своего» – «чужого» локусов знаменует сравнительное описание изменения размера хвойных деревьев: «*Густой, строевой ельник кончился, и началось сухое, с маленькими, словно чахоточными сосенками болото...*» [1, с. 120].

Оказываясь на границе перехода (явь – сон, живое – мертвое пространство), человек способен утратить связь с хронотопом: «В этом забытии время то останавливалось, то и вовсе шло взапятки, образы последнего лета перемежались и путались <...> все было неясно, путано, тревожно... Ночью он долго, напряженно старался очнуться. Сквозь мглу из темных вершин колола прямо в лоб острыя холодная звездочка. <...> Да, звездочка, и небо, и лес. <...> Он сел, зябко вздрогнул, сознание быстро прояснилось. <...> «Может, вызвездет к утру, облака ветром разгонит. Был бы морозный утренник, по звездам можно узнать дорогу». Иван Африканович вновь прислонился к еловому боку» [1, с. 119].

Образ леса становится многомерным благодаря включению в описание лесного пространства других природных объектов и артефактов, например, травы, животных, птиц, насекомых, водных источников (ручья, реки, озера, болота), дорог или троп, хозяйственных или производственных построек. Благодаря такому объединению можно наблюдать развернутые синестетические описания природного (почитаемого, значимого, иногда символичного) природного комплекса: «Уже розовел у родничка набирающий силу кипрей, желтели поздние лютники. Сосны, просвещенные солнцем, бросали зыбкую пятнистую тень и еле слышно нашептывали что-то, синело небо, верещала в кустах дроздиха» [1, с. 90]. Одновременно автор передает цвет и запах цветущих трав, измененный солнцем цвет дерева, едва заметное движение (через тень) и тихий шепот кроны, цвет неба и резкие звуки спрятавшейся птицы.

Устремленность дерева вверх предполагает взаимодействие с объектами воздушного пространства (неба, небесных светил – звезд, солнца, природных явлений – ветра, дождя, снега и др.). Динамика образных представлений о лесе в тексте повести связана и со сменой сезона, времени суток. Устойчивость этого образа во многом зависит от авторской концепции «жизненного круга», «повторяемости природного и человеческого цикла жизни».

Интересны в повести ольфакторные признаки, служащие образной характеристике деревьев. Запах в восприятии писателя так же, как и звук или цвет, связан с раскрытием хронотопа. С одной стороны, он соотнесен с определенным локусом и предметом, иногда противопоставленным иному пространству, с другой стороны, предполагает некие временные координаты. Так, например, легко угадываются запахи леса в зимний день («Пахнуло зимней студеной водой и хвоей...» [1, с. 36]), весной («потом смолистые дерева вытопят в прошло-

годние раны затесов ясную, густую свою смолу, запахнет зеленым» [1, с. 123]) и в разгар лета: «В поле слезяная роса и глубокое небо сулили ведреный день, а в лесу еще пахло вчерашним зноем» [1, с. 92]; «Рогуля вдыхала травяные запахи леса» [1, с. 100]; «Лес поредел, сильно и остро запахло дурман-травой, от которой ломило виски и кружило голову» [1, с. 117] – известно, что дурман цветет с июня до начала осени и распускается к вечеру, имеет тяжелый запах, обладает галлюциногенными свойствами и потому в научной сфере называется «дурман безумный» или «дурман вонючий». Запах, как правило, не описывается автором, он представлен опосредованно. И лишь одно исключение – изображение запаха Катерининых волос, такого знакомого, давно не слышанного, горького, родимого, исходящего от платка, найденного в лесу на ивовом кусте. Это описание содержит в комплексе вкусовые, эмоциональные, аксиологические характеристики, позволяющие усилить представления о горечи утраты Ивана Африкановича.

Запах исходит как от лесных растений, так и является следствием жизнедеятельности людей в лесу или в доме, как правило, как результат сжигания дерева: «Опять запахнет из леса сенокосным костром» [1, с. 123]; «затопилась первая печь, по-лесному остро запахло горящей берестой» [1, с. 41].

Концептуальное содержание слова «лес» в тексте повести связано с реализацией ментальных, эмоциональных, pragматических установок человека. Так, лес у В. Белова – это, прежде всего,

1) место для размышлений, осмысления жизни, освобождения от дурных мыслей и даже забытья («И вот сегодня, чтоб хоть немного забыться, Иван Африканович решил сходить в лес...» [1, с. 113]);

2) место, дающее защиту от неблагоприятных обстоятельств (дождя, врага, чужих взглядов), пространство, позволяющее спрятаться и передохнуть («Пристроились пошехонцы на устроеныице у леска, котомочки развязали» [1, с. 31]; «Надо собраться с мыслями, отдохнуть. Ночевать под елкой, отышаться, а там, завтра, будет видно...» [1, с. 117]; «До леску доплюхались, с брюха на ноги поднялись и немцу-то тоже ноги развязали, чтоб сам шел» [1, с. 54]; «...вон вилашки корявой сосенки: отдыхал под ней сколько раз» [1, с. 114]);

3) место, таящее опасность для человека (или животного), угрозу жизни от возможного нападения хищника или потери ориентира, дороги, выхода из леса («А ежели и найдут, то ничего от него уже не останется, одно пустое место. Рысь либо росомаха выгрызут у мертвого щеки, обгложут кисти рук. Домой принесут легкого, чужого, а то тут зароют, прямо в лесу» [1, с. 118]);

4) место для осуществления хозяйственной (покос, выпас скота), плотницкой (заготовка материала, снастей, деталей инструмента) или промысловой деятельности (охота, рыбалка):

«...вон брусничный бугор: ставил силки и прыгуны на тетер; тут в прошлом году вырубал вязы для дровней, там заготавливал драночные баланы, здесь тесал хвою для коровьей подстилки» [1, с. 114]; «В лесу на Левонтьевских стожьях косил по ночам для своей коровы» [1, с. 59]; «Ему лес, да рыба с озером, да плотничать любит» [1, с. 40]; «Ходили городить лесной огород» [1, с. 38]);

5) место сбора целебных средств, ягод, грибов – «лесных гостинцев», источник утоления голода («срезал острием топора горсть изумрудной княжицы для Маруси <...> сорвал шляпку ядреного боровичка, это для Гришки, для Кати взял с дерева янтарной живицы» [1, с. 115]; «Присел на знакомую колодину около крохотного родничка, разрубил кору на молодой березке, содрал бересту и сделал из нее ковщик-воронку, скрепил ее расщепленной черемуховой веткой. Неторопливо жевал посоленный хлеб и пил берестяным ковшиком из болотного родничка» [1, с. 115]).

Каждое из этих значений требует развернутого анализа, который может стать предметом отдельной статьи. Обратим только внимание на то, что детальное описание леса связано с ментальными и эмоциональными установками человека, в передаче pragматических целей, связанных с трудом в лесу, развернутых описаний деревьев мы, как правило, не обнаруживаем.

На фоне регулярной повторяемости лексем с корнем -лес- названия деревьев встречаются гораздо реже и количество таких слов также довольно ограничено. Общее название «дерево» зафиксировано нами в тексте повести всего 7 раз. Примечательно, что в трех случаях В. И. Белов использует это слово для создания образа «мертвого» дерева («Вот и Черная речка. Заросшая мхом, заваленная деревами, вода в ней и взаправду была черная, словно деготь» [1, с. 116]; «...везде лежали и гнили упавшие деревья, скользкие, обросшие мхом, с еще крепкими острыми сучками под этим мхом» [1, с. 116]; «Ивану Африкановичу в полузабытьи чудилось, что это катится на него широкий, безбрежный водяной вал, выламывающий подряд многие деревья и смывающий все на своей дороге» [1, с. 118]).

Отметим также некоторые использованные писателем синонимические номинации, служащие актуализации такого образного значения. Либо в их внутренней форме, либо благодаря их контекстному окружению актуализируются признаки «сухое», «поваленное», а значит уже неважно, какое именно дерево: 1) *сушина* – «высохшее дерево», *чурка* – «короткий обрубок» («Сучья древних сушин дергали за фуфайку, нога то и дело проваливалась в черную жидкую землю» [1, с. 116]; «Приметил смоляную сушину, с трудом, не торопясь срубил ее... Долго перерубал сушину на чурки» [1, с. 118]; «Иван Африканович, чтоб отвлечь себя от мыслей, срубил еще одну сушину» [1, с. 118]); 2) *деревина* – «поваленное

и подвергшееся разрушению, сухое дерево («Деревина была до того смолиста, что натесанная щепа занялась от одной спички» [1, с.118]); 3) *пень* («остаток срубленного или сломанного дерева»); 4) *колодник* – «поваленный лес, бурелом» («Мшистый колодник, не давал идти...» [1, с. 116]); 5) *валежины* – «сухие сучья, деревья, упавшие на землю» («В болоте он медленно, не как раньше, перешагивал через *валежины*, а у озера долго сидел, глядя на воду» [1, с. 122]).

Интересен и тот факт, что до последней (седьмой) главы, слово «дерево» вообще не использовалось автором. Отвлеченный образ дерева возникает на границе перехода из леса «знакомого», «живого», в котором «каждое дерево вызнато, каждый пень обкурен, обтопана любая подсека» [1, с. 114], в лес «глухой, дикий, чужой», где «ни пня, ни старого затеса»; «такое мертвое, гиблое раскинулось вдруг место» [1, с. 117]. Балансируя между жизнью и смертью, Иван Африканович перебирает в памяти известные ему «лесные приметы»: «и то, что будто бы хвоя на елях с южной стороны гуще, и про мох, и то, как размещены на срезе ствола годичные кольца» [1, с. 119-120]. Вспоминая эти «клише», он формулирует идею «непохожести», индивидуальности всего существующего в окружающем мире, лесном «государстве»: «... каждое дерево растет на своем месте, а все места разные. То пригорок, то сухое место, то соседство такое, то другое; то ветер, то безветренно», «...все по-разному, у каждой елки» [1, с. 120].

Так писателем художественно осмыслено отождествление дерева и человека, свойственное фольклорному и мифологическому мировосприятию. Образ сухого дерева, выгоревшего после пожара участка леса соотносится с метафорическим представлением смерти в причтаниях, поверьях, приметах, снотолкованиях как «ломание дерева, его засыхание, выворачиванием с корнем, срубание» [5, с. 63]. Наряду с изоморфным воплощением, как и в фольклорном тексте, писатель придает деревьям антропоморфные черты (физические, ментальные, эмоциональные).

– Сосны «тихо грелись на горушке» [1, с. 24], «спали глубоко и отрадно» [1, с. 24]; «еле слышно нашептывали что-то» [1, с. 90]; «отзывались возмущенно и сонно» [1, с. 114]; «вздыхали вершины сосен» [1, с. 115]. Состояние сна неразрывно связано у В. Белова с образом сосны, а прилагательные «сонный» и «сонливый» являются ее постоянными эпитетами на протяжение всего текста повести, сходные образы связаны и с изображением леса («древотный лесной гул»).

– Ель, «приютившая Ивана Африкановича» [1, с. 119]; «спокойные ели густо обступили ровное озерное плесо...» [1, с. 123]; ехидная мудрость затихших елей [1, с. 121].

– У осины бескровные, словно прозрачные листья не двигались...» [1, с. 122]; осинник «глубоко по-ребячы спит», «словно румянец на детских щеках, пропадает сквозь сон прозрачная, еле заметная зелень коры» [1, с. 36].

В той же седьмой главе, в размышлениях Ивана Африкановича о поиске дороги в лесу, В. Белов в индивидуально-авторской манере интерпретирует медиативные свойства дерева (и леса) как пограничного локуса, творящего с человеком разные мистификации, подмену предметов, их расположения или, как говорится в народе, «нечистый путает дорогу», «леший водит» [5, с. 62]. Расценив известные приметы как пустые слова, Дрынов приходит к неутешительному для себя выводу: «ему казалось, что дом остался там, за стволом приютившей его ели, но он знал по опыту, что это только так думается и стоит лишь убедить себя идти в противоположную сторону, и снова будет думаться, что деревня в той, в другой стороне» [1, с. 119]. А когда небо просветело, оказалось, что и солнце не на своем месте, совсем в другой стороне, нежели он думал.

В конце повести, осмысливая идею «жизненного круга», писатель показывает изоморфный «образ упорного прорастания, обновления дерева, жизнестойкого терпения, которое осиливает все превратности годового цикла – из осеннего увядания и зимней наготы возрождается к новой цветущей жизни» [2, с. 63].

Лесному государству противостоит пространство деревни (дома), где дерево – это прежде всего материал для строительства, топки печей, хозяйственных приспособлений. Так, из деревенских построек фигурирует в тексте «новая еловая контора»; Мишка Петров едет за лесом для новой бани. Здесь слово «лес» употребляется во вторичном (метонимическом) значении. Есть в тексте упоминания о еловых дровах, еловой чурке, бревнах под распил, лесозаготовках. Очищенные или обработанные части дерева (ветви, кора) служат для персонажей повести как простейшие приспособления в хозяйстве: например, ольховая палка, сухая ольховая рогатина, еловый кол, черемуховая ветка; а смола дерева и деготь становятся важными компонентами лекарства, приготовляемого бабкой Евстольей, которая «лечила Гришкину пятку сварцем, сваренным из еловой смолы, коровьего масла и дегтя» [1, с. 125].

Таким образом, фрагмент «дендронимы» занимает одно из важных мест в художественной системе В. И. Белова, о чем свидетельствует состав наименований, выбор и частотность которых обусловлены тематикой произведения, воссозданием обстановки, в которой живут герои повести, композицией произведения и авторской установкой, связанной с описанием образов и характеров персонажей. Это лексика, имеющая довольно высокую частоту употребления и значимая для формирования индивидуально-авторской картины мира.

В одном контексте оказываются парадигматически связанными лес и водное пространство (озеро, река, ручей, болото), различные виды трав (иван-чай, дурман, лютики и др.), животные и птицы, обитающие в лесу (лось, лисица, медведь, медведица, дрозд, синица, ворона и др.), насекомые (слепни,

комары, мошки, оводы, клещи, муравьи и др.), объекты воздушного пространства (небо, солнце, тучи, облако, дождь, ветер).

Дендрологическая образность текста связана с комплексом наглядно-чувственных представлений: звуковых, визуальных, кинестетических, темпоральных, ольфакторных. В повести В. И. Белова мир природы соотносится с миром людей. Олицетворенные образы деревьев наделяются действиями и свойствами человека (они дышат, шепчут, смотрят, чувствуют), в то же время они сосуществуют в текстовом пространстве с изоморфными образами дерева и человека. Идея слияния человека с природой, растворения в ней не чужда Беловскому тексту: «Он [Иван Африканович] перестал ощущать сам себя, слился со снегом и солнцем, с голубым, безнадежно далеким небом, со всеми запахами и звуками предвечной весны» [1, с. 36].

Индивидуально-авторскими средствами создания образов текста являются постоянно повторяющиеся эпитеты и цепочки однородных членов, метафоры, лексический повтор. Разные художественные средства взаимодействуют друг с другом, в результате чего происходит «наложение» тропов, их обратимость и концентрация в пределах микроконтекста.

Литература

1. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2 / В. И. Белов. – Москва: РИЦ «Классика», 2011. – 597 с.
2. Камалов, Р. М. Лес как символ и мифopoэтический образ / Р. М. Камалов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 4 (18), ч. I. – С. 60-64.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. – Москва: Academica, 2001. – 202 с.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 6 томах. Т. 1. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва: Азбуковник, 1998. – 807 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 томах. Т. 2. Д-К (Крошки) / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1999. – 697 с.

Л. А. Берсенева
г. Вологда

ВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКА В ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»¹

В статье рассматриваются проблемы отражения философской категории времени в языке, в том числе в тексте художественного произведения. Отмечаются особенности представления темпоральности лексико-фразеологическими средствами, в частности, исследуются номинации отрезков времени в повести В. И. Белова «Привычное дело». В работе предлагается анализ семантики наиболее частотных слов – время, день, неделя, год.

Ключевые слова: темпоральность, картина мира, лексические средства отражения времени, художественное время, «Привычное дело».

L. A. Berseneva
Vologda city

TEMPORARY VOCABULARY IN THE NOVEL «HABITUAL DEAL» BY V.I. BELOV

The article discusses the problems of reflecting the philosophical category of time in the language and in the literary text. Special features of the temporality presentation of lexical and phraseological means are investigated, including the nominations of time periods in the novel «Habitual deal» by V. I. Belov. The paper proposes an analysis of the semantics of the most frequent words: time, day, week, year.

Keywords: temporality, picture of the world, lexical means of time reflection, artistic time continuum, «Habitual deal».

Время как философская категория является культурной универсалией, которая участвует в формировании общей картины мира. Не случайно в последние десятилетия проблеме освоения человеком темпоральности и отражения ее в языке уделяется пристальное внимание в работах по когнитивной и этнолингвистике, лингвокультурологии [2; 6; 7; 8; 13; 14; 18].

В художественном произведении темпоральность выполняет текстообразующую функцию, так как, с одной стороны, там находит отражение какой-либо фрагмент действительности, входящий в определенную временную цепь событий, с другой стороны, сам текст развертывается во времени. Отличие художественного времени от реального

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00348 «Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова».

состоит в том, что в тексте складываются особые временные модели, а также действуют различные субъекты (повествователь, персонаж), которые воспринимают время каждый по-своему. При этом каждый художественный текст обладает специфическим набором средств, формирующих функционально-семантическое поле темпоральности.

Под темпоральностью в лингвистике понимают семантическую категорию, отражающую восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета [6].

Фиксация времени может осуществляться единицами разных уровней языка. Традиционно главную роль в формировании данной категории темпоральности отводят видовременным формам глагола, предлогам предшествования и следования, сложным предложениями с придаточными времени и т. д. Однако одними грамматическими средствами невозможно в полной мере представить временные отношения, поскольку они «не сводятся только к соотношению действия с моментом речи или с другими действиями во времени» [20, с. 43]. Формирование концептуальной модели мира, отражающей эмпирическое познание окружающей действительности, и художественно-изобразительная рефлексия универсальной концепции времени осуществляется прежде всего за счет лексико-фразеологических единиц [12, с. 33]. По словам Е. П. Никитина, «качественно различным типам бытия соответствуют и качественно различные типы времени <...> оно всегда относительно и специфично» [19, с. 88], поэтому именно темпоральная лексика наиболее полно отражает особенности восприятия времени индивидуальным сознанием и позволяет идентифицировать различные виды «проживаемого» времени, языковые воплощения которого «влияют на наше поведение ничуть не меньше, чем фактор времени грамматического» [24, с. 85]. Именно на уровне лексических средств наиболее ярко проявляется «специфика национального картирования мира средствами языка» [13, с. 115], и описание временных представлений носителей русского языка как элемента русской языковой картины мира может успешно проводиться на основе описания семантических особенностей темпоральных лексем в процессе их функционирования.

Систематизация темпоральной лексики представлена как в научных исследованиях [3; 10; 12; 15; 16; 20], так и в современных идеографических словарях [18; 21].

Традиционно выделяются следующие концептуально значимые группы: 1) названия отрезков времени, служащие для измерения и исчисления времени (минута, секунда, час, век, год); 2) слова, обозначающие определенные отрезки времени, имеющие циклический характер (день, зима, рассвет, вечер); 3) номенклатурные названия дней недели и месяцев; 4) слова, определяющие временную длительность и регулярность

действия (долго, редко, медленно, иногда); 5) слова, в которых сема «время» присутствует имплицитно (выходные, обед, жизнь) [12, с.145-147].

Обращение к особенностям представления категории темпоральности в повести «Привычное дело» не случайно. Несмотря на то что категория времени является значимой в художественном мире любого автора, есть писатели, для которых она становится одним из слагаемых творческой индивидуальности. Несомненно, В. И. Белов относится к писателям такого типа. Время в его произведениях – это не просто ось, это основа для наблюдения над календарным циклом жизни крестьянства, изменениями, которые происходят в определенные временные отрезки, в моменты исторических потрясений.

Достаточно вспомнить его трилогию о судьбах русского крестьянства, названия частей которой хронологически акцентированы: «Кануны» (1978 г.), «Год великого перелома» (1994 г.), «Час шестой» (1998 г.). Здесь использованы существительные со значением времени и явно прослеживается временная соотнесенность.

Роман «Кануны» (*канун* – «день или период времени, предшествующий какому-либо событию» [23, т. 2, с. 27]) описывает события накануне коллективизации. «Год великого перелома» (*год* – «единица летосчисления, промежуток времени в 365 дней» [21, с. 47]) – название прямо соотносится с указываемой исторической ситуацией, имеет временную конкретику (одноименная статья Сталина вышла в 1929 г.). Заглавие романа «Час шестой» (*час* – «промежуток времени в 60 минут» [21, с. 49]) уже указывает на точное время суток – время казни Христа, в то же время хронологически содержание романа отражает наиболее длительный промежуток времени.

В повести «Привычное дело» описываются события нескольких месяцев: с конца зимы (февраль-март) до начала осени (сентябрь).

Слова различных частей речи, имеющие сему ‘время’, используются автором уже в названии частей глав, при этом представлена лексика различных тематических групп:

1. Отрезки, периоды времени: *Рогулина жизнь* (*жизнь* – «физиологическое состояние человека, животного от зарождения до смерти, период существования кого-либо» [23, т. 1, с. 484]).

2. Отрезки времени, связанные с состоянием природы, со светом солнца и луны: *Утро Ивана Африкановича* (*утро* – «часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день, начало дня» [21, с. 61]).

3. Отрезки времени, связанные с событием, деятельностью: *И пришел сенокос* (*сенокос* – «время косьбы травы» [21, с. 59]).

4. Промежутки времени, исчисляемые от любой точки отсчета: *Три часа сроку* (*час* – «промежуток времени в 60 минут, отсчитываемый от какого-н. момента» [21, с. 51]).

5. Промежутки, исчисляемые от какой-либо даты: *Сорочины* (сорочины – «сороковой день после смерти» [23, т. 4, с. 203]).

6. Указание на хронологическую последовательность событий: *Что было дальше* (*далъше* – «затем, потом, в дальнейшем» [23, т. 1, с. 364]). *Последний прокос* (*последний* – «такой, за которым не следуют другие // Предсмертный» [23, т. 3, с. 316]).

Временная маркировка заглавий выполняет не только сюжетообразующую функцию – акцент на наиболее значимых для персонажей отрезках времени, хронологии событий позволяет автору представить особенности восприятия мира деревенскими жителями.

Нами была исследована лишь незначительная часть слов, имеющих в лексическом значении сему ‘время’: прежде всего, лексема, выражающая родовое понятие, – *время*, названия основных отрезков времени и времен года. Но уже эти наблюдения показывают высокую частотность временной лексики. В частности, на 126 страницах текста лексема *время* используется 63 раза, *день* – 92 (*сутки* – 3), *неделя* – 26, *год* – 24, *час* – 16, *минута* – 15, *месяц* – 10, *секунда* – 4; названия времен года неодинаковы по частотности: слово *лето* использовано 21 раз, *зима* – 20, *весна* – 14, *осень* – 9. В данной работе представлены наблюдения над семантикой наиболее частотных лексем, обозначающих отрезки времени: *время, день, неделя*.

При изучении времени в языке принято исходить из того, что время линейно, направленно, измеряемо, события всегда фиксируются на временной шкале точечно или процессуально и соотносимы с наблюдателем, который занимает активную или пассивную позицию.

Несмотря на существование общепринятого положения о существовании циклического (понимание времени как последовательности однотипных событий, восходящее к природно-календарному циклу, доминирующему в архаических культурах) и линейного времени (понимание времени как одностороннего поступательного движения), ряд лингвистов считает такое деление условным, так как оно не в полной мере отражает роль и содержание времени в языковой картине мира, его связь с культурным контекстом. Поэтому в современном языкоznании принято рассматривать концептуальную модель темпоральности, основанную на взаимодействии этих двух типов времени. По мнению Л. Н. Михеевой, данная модель включает понятие о времени как длительности, продолжительности всех событий и явлений, их последовательности и наивно-обычные темпоральные представления, которые находят выражение в диалектах, народном календаре, фразеологии и т. п.: «... модель времени призвана выразить единый, присущий данной культуре тип восприятия, так как представление о времени – неотъемлемый компонент представления человека о мире в целом» [16, с. 69].

Другая точка зрения на проблему языкового воплощения времени нашла отражение в идеографической классификации, предложенной В. В. Морковкиным [18] – это деление времени на относительное и безотносительное. Относительное время включает общие обозначения временного порядка (начало, конец, потом и т.п.), номинации времени относительно некоторого момента или времени другого действия. Безотносительное время иллюстрируют лексемы, обозначающие качественные характеристики – повторяемость, длительность и т. д.

Наконец, в отношении художественного текста особо рассматривается время объективное (ход которого не зависит от персонажей, определяется объективной реальностью: названия единиц времени (*год, месяц*), отрезков времени (*день, зима*), временных периодов по отношению к какому либо моменту, событию (*завтра, прошлое* и т. д.) и время субъективное (содержит оценку, интерпретацию временных отношений), которое реализуется в семантике посредством таких сем, как ‘последовательность’ (*вначале, потом*), ‘протяженность, длительность’ (*долго, мгновение, вся жизнь*), ‘кратность, повторяемость’ (*иногда, постоянно*), ‘интенсивность’ (*медленно, в мгновение ока*), ‘урочность’ (*час настал*) и т.д.). В отличие от объективно данного, субъективное время в художественном произведении развивается по особым принципам и может обладать многомерностью, разнонаправленностью, прерывистостью, сжиматься или растягиваться, быть дискретным.

Художественное время, являясь особой категорией литературного текста, организует композицию произведения, определяет его «художественное единство в отношении к реальной действительности» [4, с. 176], тем самым обеспечивает целостное восприятие художественного мира, устанавливает позицию автора по отношению к изображаемому миру. Основную функцию в презентации временных понятий берут на себя лексико-фразеологические средства. Не случайно целый ряд исследований направлен на выявление особенностей временной лексики в художественном тексте [1, 9, 11, 17, 22].

Гиперонимом темпоральных лексем в повести «Привычное дело» является слово *время*, которое, по мнению одного из исследователей, «как наиболее общее и широкое обозначение времени многообразием своих значений как бы составляет канву для всех существительных, а по-видимому, не только существительных с временным значением в русском языке» [15, с. 11].

Необходимо отметить, что существительное *время* относительно редко употребляется изолированно – в роли конкретизаторов выступают другие лексические единицы (существительные, прилагательные, местоимения, глаголы), которые включаются в состав словосочетаний с различными типами синтаксической связи.

Лексема *время* в повести «Привычное дело» имеет целый ряд значений.

Реализация основного значения – «последовательная смена минут, часов, дней» дает представление об особенностях субъективного восприятия времени персонажами. Например, для Рогули (с точки зрения повествователя) времени не существует, она не соотносит с ним происходящие события, длительность своего существования: «Она не знала, когда это было, время не двигалось для нее.<...> Потому что она не знала, что такое время» [с. 100]¹. «Ей казалось, что все, что ей снится, вовсе не сон, и прошлое было для нее настоящим, потому что она никогда не ощущала времени» [с. 101]. Такое восприятие времени подтверждает и употребление других темпоральных номинаций, например, слова день: «И дни для Рогули словно стояли на одном месте» [с. 102].

В то же время Иван Африканович четко осознает, ощущает движение времени, изменение его хода: «Иван Африканович шел и шел по певучему насту, и время остановилось для него. В этом забытьи время то останавливалось, то и вовсе шло взапятки, образы последнего лета перемежались и путались» [с. 119].

В сочетании с прилагательными лексема *время* приобретает значение «пора дня, недели, года, характеризуемая чем-либо, или в которую что-либо происходит»: *ночное время*, *первое время* и т.д. Необходимо отметить, что среди подобных словосочетаний значительное место занимают указания на моменты, характерные для деревенского распорядка дня: «А печи-то бабы топили все в разное времечко. Одна утром затопит, другая – днем, а иная – и темной ночкой» [с. 28]. «Однажды утром ее не выпустили из двора, старуха пришла доить корову в необычное, более позднее время» [с. 106].

Реализацию значения «период, эпоха» видим в словосочетании *мирное время*: «В мирное время, – включился Федор, – в мирное время, конечно, жениться надо в сроки» [с. 51]. При этом в повести актуально противопоставление настоящего как прошлому (военному времени, непосредственными участниками которого являются персонажи), так и будущему, которое представляется неопределенным: «Пятак и сейчас читает эту Библию и всем говорит, что вот придет время, жить будет добро, а жить будет некому» [с. 39].

Единичны употребления лексемы *время* в значении «свободные от обычных занятий часы, дни», причем, как правило, используется сочетание *нет времени*: «Ешь, милый, ешь, – мысленно торопила она, – видишь, матке у тебя все время-то нет, вон и бежать надо» [с. 37]. «Да нет, брат, спасибо. Времени-то нет, надо ехать» [с. 124]. «Иван Африканович

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Белов В. И. Собрание сочинений: в 7-ми томах. Т. 2: Повести и рассказы. М.: РИЦ «Классика», 2011.

выкроил время, сходил в чужую контору, и ему разрешили косить на той, соседней территории...» [с. 64].

Лексико-семантический вариант «благоприятная пора, подходящий момент» зафиксирован нами в двух контекстах: «Что делать? Порешили к суседским братьям сходить, узнать: время вставать аль не время еще» [с. 29]. «Только иногда в каком-нибудь хлеве звучал колокол жующей жвачку коровы да чей-нибудь сонный петух-недотепа трепыхал крыльями и гоготал спросонья, не зная о том, время или не время петь» [с. 59].

Наблюдения над употреблением лексемы показали, что наиболее часто (15 употреблений из 63) автор использует ее для указания на одновременность происходящих событий (в составе сочетаний *в это время, в одно время, в это самое время*): «Напился вчера, ночевал в бане. А в это время Катерину увезли родить, увезли чужие люди, а он, дураково поле, ночевал в бане» [с. 19]. «И все-таки после этого разговора ему стало не то чтобы легче, а так как-то приятнее, будто кончилась тайная опасность, которая все это время стояла за плечами» [с. 62]. «Почти в одно время с Иваном Африкановичем домой приехал Мишка с коротконогим сержантом» [с. 80].

Сопоставление различных временных планов осуществляется в результате использования сочетания с указательным местоимением *в то время*: «Она родилась как раз в то время, когда нынешняя корова Рогуля была еще телочкой и молока не было, и от этого Маруся росла тихо и все чего-то думала, думала, но никто не знал, что она думала» [с. 26]. «...Катерина, когда она стирала или катала это полотенце, то всегда вспоминала медовый месяц, и того петуха, и то время, когда они с мужем обнимались днем за шкапом...» [с. 38].

Актуальным в повести является констатация длительности и повторяемости действий, событий, реализующаяся в устойчивом сочетании *все время* (непрерывно, постоянно) – 11 употреблений: «Маруся все время молчала, и никто не знал, что она думает» [с. 26]. «Вон у нас Катерина тоже все времечко жалуется, все времечко» [с. 33]. Причем данное значение выражают и другие темпоральные лексемы (*день*): «Она весь день не ела траву, не лежала на горушке и даже не замечала злой ругани пастуха, который до ручки изломал об нее толстую ольховую палку» [с. 103]. «Он брел на солнышко весь день» [с. 121]. «Уже потом “архаровцы” узнали, что он все эти дни жил в Сосновке у Степановны, пережидал, пока все успокоится» [с. 81].

Частотность лексемы *день* (92 употребления) указывает, что данный отрезок времени в деревенском укладе жизни является наиболее актуальным.

Словом *день* может обозначаться «часть суток от восхода до захода солнца», которая воспринимается по-особому, с философской точки зрения – как звено в непрерывной цепи, составляющей течение времени: «Иван Африканович постоял с минуту у гумна, полюбовался восходом: “Восходит –

каждый день восходит, так все время. Никому не остановить, не осилить...» [с. 35]. Однако наиболее часто день рассматривается как время суток, необходимое для работы: «Здорово, Ивановна! – День-то, день-то, краснехонек! – Косить-то куда нонь, бабицы, за реку?» [с. 43] «Что, модницы, не уломались за день-то?» [с. 56]. «Иван Африканович крадучись вышел прямо в поле на покос и косил весь день, до вечера колхозное сено» [с. 61].

Второе значение слова *день* – «промежуток времени, отведенный, предназначенный для чего-либо», в деревне это время, выделяемое колхозным начальством для отдыха или работы на себя, – отгул: «И покосили дородно. Нюшка, когда день-то давали, на два стога нахрястала, и управили вовремя» [с. 110].

В повести встречаются употребления слова *день* в значении «дата, связанная с событием, праздником»: упоминаются даты, связанные церковными праздниками, событиями в жизни персонажей: «Буду, Катюха, тебя веселить, играть выучусь для тебя, только не вспоминай больше этот Петров день!» (День святых апостолов Петра и Павла, празднуется 12 июля) [с. 39]. Дело приключилось в пивной праздник, Успенский день. (Успение Пресвятой Богородицы, празднуется 28 августа) [с. 20]. Он поил ее этой водой из фуражки, а Катерина была почему-то в летнем сарафане, в туфлях и с черной плетеной косынкой на плечах, как тогда, в день свадьбы [с. 47].

Наиболее часто слово *день* употребляется в значении «сутки, промежуток времени в 24 часа», обычно в сочетании с числительными: *два, три, четыре, сорок*.

Промежуток в два дня может быть представлен и как очень короткий («Нельзя. Денька два пусть полежит» [с. 22]. «Днем он вместе с Анатошкой и Гришкой косил колхозное сено, помогала иной раз и Катерина: за два дня ставили стог» [с. 59]), и как достаточно длительный срок («Вышло так, что вся деревня два дня только и говорила об одном деле» [с. 74]. «Два дня Иван Африканович ходил как в тумане – от Митьки ни слуху ни духу» [с. 76]).

Три дня в восприятии деревенского человека – это уже существенный промежуток времени: «Почему плохо?» – «Три дня ничего не ели». – «Нет других колебаний?» [с. 54]. «Конечно, в деревне хватается мужика. Дня через два пойдут искать. Да и не пойдут искать, дня три не пойдут, уходил много раз из дома с ночлегом...» [с. 118]. «А ты у нас умник, – улыбнулась бабка. – В Нюшкином-то сеннике кто три дни отсиживался?» [с. 82] «За три дня Иван Африканович затащил на чердак лодку, насадил новые черенки к ухватам, связал помело, наточил пилу-поперешку, поправил крыльцо и вместе с Митькой испилил на дрова бревна...» [с. 88].

Три дня – временной отрезок, наиболее часто упоминающийся в повести: три дня продолжается загул Митьки, столько же ждет Иван Африканович, чтобы поехать в район

вызывать товарища, третьего дня невестка старика Курова уронила в колодец ведро, а к Ивану Африкановичу нагрянул председатель, три дня у Рогули болели рога, «сжигала какая-то новая тревога», после нападения медведицы три дня ей давали лучшую траву и делали примочки.

Покидая дом, привычное окружение, Иван Африканович оценивает этот срок иначе – как очень короткий: «При мне еще приехал. А я три дня и ездил-то всего, а показалось, что года два дома не бывал. Чего тут у нас нового-то есть?» [с. 99].

Наконец, с болезнью и смертью Катерины связаны промежутки в четыре и сорок дней: «Четыре дня лежала еще дома – колесом пошла вся жизнь. В доме сразу как нетоплено стало» [с. 47]. «Через два дня, в субботу, исполнилось сорок дней после Катерининой смерти» [с. 122].

Слово *неделя* в тексте повести «Привычное дело» используется только в одном значении: «период времени в семь дней, отчисляемый от какого-либо дня» [23, т. 2, с. 434]: «Ладно уж, идите. Только на работу неделю-полторы неходить. Ни в коем случае» [с. 22]. «Ему было хорошо, этому шестинедельному человеку. Да, он жил на свете всего еще только шесть недель» [с. 25].

Анализ употребления слова показывает, что знаковым в сюжетном повествовании является срок в две недели: «И не говори, Евстольюшка, две неделюшки вылежала и печь не могла топить, вот как руки тосковали» (о болезни Степановны) [с. 33]. Пребывание Катерины в больнице две недели спроектировано на других персонажей – младшего сына и мужа: «Она (Катерина) больше двух недель не была дома» [с. 45]. «А с Петрова крылечка сурово и ласково глядела на эту ватагу бабка Евстолья, держа на руках самого младшего, неизвестно как прожившего без материнского молока целых две недели» [с. 46]. «Иван Африканович заметно ссупуился за две эти недели. Глубже стала тройная морщина на лысеющем крутобоком лбу, пальцы на руках все время чуть подрагивали» [с. 47].

После смерти Катерины Иван Африканович видит в лесу «двухнедельный медвежий след» и представляет, как «за две недели на полметра вымахают из воды хвоши, солнце до дна проколет лучами озерную воду, а лесной гребень целыми днями будет прочесывать синюю небесную лысину» [с. 123].

Две недели – срок, на который, как правило, в деревню приезжают погостить: «Да недельки две поживу, а там видно будет» [с. 65]. «А ты-то долго ли жил дома?» – «Недели две» [с. 99].

Анализ контекстов показывает, что 7 дней по деревенским меркам – это значительный промежуток времени: «Старухам хватило бы разговоров еще на неделю, но тут начали по одному, по два появляться “клиенты” Ивана Африкановича» [с. 34].

«Мишка уже неделю провожал Тоню домой, и вдруг позавчера, когда уходили с бревен, он подхватил под руку Надежку» [с. 57].

В течение тех семи дней, когда Дрынов обдумывает предложение Митьки ехать на заработки, с ним происходят значительные изменения, время принятия рокового решения как бы растягивается: «За одну неделю мужик переменился, как подменили, глаза стеклянные стали, говорил мало, ночами только взыхал да палил табак» [с. 90].

Слово *год* выступает в повести в двух значениях: «промежуток времени, срок в двенадцать месяцев, отсчитываемых от какого-либо дня» и «в возраст».

Реализуя первое значение, лексема *год* употребляется, как правило, в сочетании с местоимениями (*тот год, сколько годов*), числительными (*три года, шесть годов*) или для указания на прошедшие события, или для оценки продолжительности действий: «Катерина вспомнила, как на первом году пришли они в Сосновку» [с. 37]. «В тот год перед сенокосом Катерина ходила на восьмом месяце» [с. 38]. «А чего, дурачок, обижаться, и обижаться-то тебе нечего. Чья я и есть, как не твоя, сколько годов об ручку идем, ребят накопили» [с. 37]. «После этого Иван Африканович не мог жениться два года, а на третий женился» [с. 21].

Единственное употребление слова *год* связано с будущим: «А вот что я тебе, Митрей, скажу, – рассуждал Пятак, – ежели тема не сменится, так годов через пять никого не будет в деревне, все разъедутся» [с. 67].

Словосочетание *прошлый год* использовано в повести неоднократно, это время выступает как маркер благополучия, которое еще недавно было в семье Дрыновых: «А положили-то, матушка, в это шерстяное платье, что отрез-от ей о прошлом где выдали, да в боты в светлые...» [с. 111]. Вон вилашки корявой сосенки: отыхал под ней сколько раз; вон брусничный бугор: ставил силки и прыгуны на тетер; тут в прошлом году вырубал вязы для дровней, там заготавливал драночные баланы, здесь тесал хвою для коровьей подстилки» [с. 114].

Как показал анализ, в повести «Привычное дело» представлена сложная система средств темпоральной номинации, представляющей два различных типа времени – объективное и субъективное.

Можно отметить, что чаще всего рассмотренные лексемы служат для обозначения объективного времени (отрезка, промежутка, определенного момента, периода), выполняя в первую очередь сюжетообразующую функцию, локализуя действия во времени, привязывая их к определенному моменту, за счет чего выстраивается естественная хронология событий. Лексико-фразеологические средства, выражающие субъективное время, используются для передачи событийной соотносительности, оценки длительности и повторяемости событий, формирования психологического восприятия событий.

Наблюдения показывают, что наиболее часто в речи персонажей используются лексемы *день*, *неделя*. При этом темпоральная составляющая формируется на основе личного временного опыта, традиционного уклада, ассоциируется с разного рода переживаниями. Что касается представления времени повествователем, то в повести мы видим разнообразие репрезентации временных отношений, которые нуждаются в более подробном изучении.

Литература

1. Абдульманова, А. Н. Использование слов, связанных с понятием «сутки» (заря, утро, день, вечер, ночь), в поэтическом идеолекте Ф. И. Тютчева / А. Н. Абдульманова // Художественная речь : организация языкового материала : [сборник статей] / отв. ред. О. И. Александрова. – Куйбышев, 1981. – С. 54-61.
2. Арутюнова, Н. Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва, 2002. – С. 3-18.
3. Афанасьева, О. В. Семантическая структура концепта «время» и ее отражение во фразеологических системах английского, испанского и русского языков : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Афанасьева Ольга Вадимовна ; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2007. – 22 с.
4. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Эпос и роман / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 121-290.
5. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы / В. Белов ; [сост.: С. Ю. Баранов, О. С. Белова ; под общ. ред. Ф. Ф. Кузнецова]. – Москва : Классика, 2011. – 597 с.
6. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики : языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 256 с.
7. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 577 с.
8. Всеволодова, М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова. – Москва : МГУ, 1975. – 284 с.
9. Галышева, М. П. Субъективное время в произведениях Достоевского / М. П. Галышева // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2009. – № 2. – С. 74-83.
10. Горбатенко, О. А. Система и функционирование лексем русского языка со значением единиц измерения времени в свете учения о языковой картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой

степени кандидата филологических наук / Горбатенко Ольга Алексеевна ; Таганрогский государственный педагогический институт. – Таганрог, 2001. – 22 с.

11. Драчева, С. О. Темпоральная организация романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: лингвистический аспект : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Драчева Светлана Олеговна ; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2007. – 206 с.

12. Ищук, Д. Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке (на русско-славянском материале) : специальность 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ищук, Дина Гибадулловна ; Санкт-Петербургский университет. – Санкт-Петербург, 1995. – 16 с.

13. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты : сборник научных трудов / науч. ред. В. И. Карасик. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 3-16.

14. Караполов, Ю. Н. Языковое пространство и языковое время / Ю. Н. Караполов // Вестник Московского университета. Серия 10. – 1970. – № 1. – С. 61-73.

15. Клименко А. Н. Существительные со значением времени в современном русском языке: опыт психологического описания одной семантической микросистемы : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Клименко, Анна Петровна ; Институт языкознания им. Я. Коласа. – Фрунзе, 1965. – 288 с.

16. Михеева Л. Н. Измерение времени в русском языке: лингвокультурологический аспект / Л. Н. Михеева // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 69-78.

17. Морараш, М. М. Категория темпоральности и ее отражение в художественном дискурсе В. В. Набокова: на материале романов «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь» : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Морараш Марина Михайловна ; Татарский государственный гуманитарный педагогический университет. – Казань, 2009. – 28 с.

18. Морковкин, В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке) / В. В. Морковкин. – Москва : Изд-во МГУ, 1977. – 166 с.

19. Никитин, Е. П. Время бытия и время его познания / Е. П. Никитин // Время и бытие человека / АН СССР, Институт философии ; отв. ред.: М. А. Розов, Е. Л. Черткова. – Москва, 1991. – С. 87-101.

20. Потаенко, Н. А. Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения / Н. А. Потаенко // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1979. – Том 38, № 3. – С. 242-248.

21. Русский семантический словарь. Том. 3. Имена существительные с абстрактным значением. Бытие, материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Азбуковник, 2003. – 629 с.

22. Салимова, Д. А. Время и пространство как категория текста: теория и опыт исследования (на материале поэзии М. И. Цветаевой и З. Н. Гиппиус) / Д. А. Салимова, Ю. Ю. Данилова. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 200 с.

23. Словарь русского языка: в 4 томах / гл. ред. Е. П. Евгеньевна. – Москва : Русский язык, 1981. – 4 т.

24. Яковleva, E. S. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / E. S. Яковлева. – Москва : Гнозис, 1994. – 344 с.

А. В. Федорова
г. Вологда

ОБРАЗ ПОГОСТА В ПРОЗЕ В. И. БЕЛОВА 1960 – 1970-Х ГГ.¹

В статье раскрывается смысловое наполнение и сюжетно-композиционная функция образа погоста в прозе В. И. Белова 1960-1970-х гг. Рассматривается специфическая в творчестве писателя «кладбищенская» сюжетная ситуация, выделяются структурно-содержательные элементы, общие для ряда произведений. Определяется система интертекстуальных связей образа погоста у Белова с произведениями русской литературы.

Ключевые слова: погост, «кладбищенская» сюжетная ситуация, композиция, аллюзия, интертекст.

A. V. Fedorova
Vologda city

THE IMAGE OF THE CHURCHYARD IN V. I. BELOV'S PROSE OF THE 1960 – 1970S

The article reveals the meaning and plot-compositional function of the image of the graveyard in V. I. Belov's prose of the 1960-1970s. Specific for the writer "cemetery" plot situation is considered. Common to several works content-structural elements are pointed out. The system of intertextual connections of Belov's image of the churchyard and other Russian writers is discussed.

Keywords: churchyard, national world picture, composition, allusion, intertext.

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00348 «Энциклопедия “Привычного дела” В. И. Белова».

М. М. Бахтин писал, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [1, с. 406]. Хронотоп погоста можно рассматривать как важную часть культурного кода любого этноса, поскольку его пограничная семантика (место контакта живого и мертвого) способствует максимально широкому осмыслинию содержания жизни и генерируемых национальной культурой представлений о смерти. В силу подразумеваемых отрицательных эмоциональных коннотаций образа, сопрягаемого с табуированностью смерти, хронотоп погоста не так часто становится элементом пространственно-временной организации произведений русской литературы, как, например, деревня, дом, дорога, поле, лес, река и др., с которыми связано представление о народной жизни: о структуре мира, в котором эта жизнь протекает, ее буднях и праздниках, особенностях трудовой деятельности.

Любой хронотопический образ предполагает систему устойчивых связей с такими категориями, как время, пространство, состояние субъекта, глазами которого читатель видит тот или иной локус в то или иное время. Семантизация хронотопа погоста позволяет выявить устойчивые представления о жизни и смерти благодаря системе антitez: время и вечность, движение и покой, память и забвение, бессмертие и небытие, представление человека о смысле и бессмысленности жизни ввиду неизбежности смерти. В пространстве кладбища бытовые события теряют значение или переосмысливаются в контексте открывающихся человеку бытийных координат существования. Здесь проявляются те аксиологические и этические аспекты жизни, которые в обычной жизни не становились объектами рефлексии.

П. В. Федоров отмечает такую особенность кладбищенского хронотопа, как «способность «накапливать» в себе время» и называет его «аномальным», поскольку «в его смысловых пределах физическое время <...> замедляет ход и останавливается, превращаясь в вечность» [8].

Кладбищенское время – время сакральное, противопоставленное мирскому времени. В сакральном временном континууме особое значение обретает мнемотическая функция погоста, реализуемая в структуре и функционировании кладбища, в системе надгробных знаков (семейные захоронения, внутренние кладбищенские локусы «по деревням», входящим в состав волости/прихода).

В русской литературе есть два произведения, определяющих читательский «горизонт ожиданий», связанный с образом погоста. Это элегия В. А. Жуковского «Сельское кладбище» (перевод элегии английского поэта Томаса Грэя, 1802) и лирико-философский кладбищенский пейзаж в эпилоге романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1861). В первом случае имеет

система ассоциативной валентности образа кладбища, заданная элегической жанровой традицией и культурным контекстом предромантизма и романтизма (см., напр., живопись К. Д. Фридриха). Время здесь переходное от дня к ночи и собственно ночное, оно отделено от бытовой жизни, смерть – общий для всех живущих «роковой час». Состояния природы и человекаозвучны в их светлой печали, задумчивой медлительности, спокойствии. Пространство (холм над светлой рекой, черные сосны, наклоненные вязы) достаточно условно, поскольку это, прежде всего, пространство философской рефлексии лирического субъекта о жизни и смерти, судьбе, предназначении, тщете мирской суеты. Рефлексия не содержит в себе индивидуального эмоционального компонента (в ней отсутствует мотив личного горя) и стилистически оформлена с помощью ряда риторических вопросов и восклицаний.

В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» в кладбищенском пейзаже, предваряющем описание могилы Базарова, доминируют мотивы запустения и распада. Это пейзаж, лишенный красоты и ощущения покоя, которые определяют содержание образа у Жуковского: «Есть небольшое сельское кладбище в одном из отдаленных уголков России. Как почти все наши кладбища, оно является вид печальный: окружающие его канавы давно заросли; серые деревянные кресты поникли и гниют под своими когда-то крашенными крышами; каменные плиты все сдвинуты, словно кто их подталкивает снизу; два-три очищенных дерева едва дают скучную тень; овцы безвозбранно бродят по могилам...» [7, с. 187]. На этом фоне могила Базарова выделяется: она огорожена, рядом с оградой посажены две ели и на самой могиле – цветы, на заре здесь поют птицы, навестить сына, помолиться и поплакать о нем приходят родители, ощущая, что отсюда им «как будто ближе до их сына, до воспоминаний о нем...» [7, с. 188]. Здесь, в отличие от элегии Жуковского, подробно изображаются психосоматические состояния стариков, оплакивающих свою утрату: «дряхлые старички», «отяжелевшую походку», «долго и горько плачут», «долго и внимательно смотрят на немой камень» [7, с. 188]. Однако содержание их воспоминаний редуцировано, личная память уступает место элегической абстракции, выраженной в соответствующей стилистике: «Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное, греческое, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» [7, с. 188]

Наиболее близким литературным контекстом по отношению к прозе В. И. Белова является стихотворение Н. М. Рубцова «Тихая моя родина» (1964), Белову посвященное. Оно начинается с мотива смерти матери и упоминания

о погосте. Этот образ – определяющий в смысловой структуре стихотворения, утверждающего *смертную* связь человека с родным пространством, с материю-родиной, материю-землей. В прозе В. И. Белова погост также является идейно значимым элементом концепта «родина», имеющим для автора глубокий личный смысл. Сопровождающие этот образ мотивы в художественных прозаических произведениях («Холмы», «На Росстанном холме», «Ершов – гармонный мастер», «Привычное дело») могут быть рассмотрены в контексте поэзии («На родине», «Скорбные дни») и автобиографической прозы (повесть «Невозвратные годы»).

Первый устойчивый элемент в структуре образа погоста – ландшафт, в который он вписан. С одной стороны, воспроизводятся общие ландшафтные особенности деревенских кладбищ. Сохотское кладбище, расположено в Харовском районе Вологодской области на холме над разливающейся в этом месте рекой Сохтой рядом с церковью Николая Чудотворца примерно в двух километрах от Тимонихи и вписывается в этот типичный ландшафт. Здесь хоронили жителей Сохотской волости (Никольского прихода) – деревень Пичиха, Чичериха, Тимониха, Вахруниха, Лобаниха, Заозерье, Алферовская, Гридинская и Помазиха.

Типологические особенности деревенских погostов закреплены в русском искусстве. Например, у Жуковского:

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.
Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой».

[5, с. 32]

В беловских кладбищенских ландшафтах можно видеть отражение образной системы картины И. Левитана «Над вечным покоем». В прозе Белова, помимо экфрасисов, неоднократное используется прием «оживающей картины»: в повести «Привычное дело» Дашка Путанка, выскочившая голой из бани и прикрывающаяся веником, напоминает «Русскую Венеру» Б. Кустодиева (1925 – 1926), а эпизод купания Павла Рогова с Карьком в «Канунах» ассоциируется с «Купанием красного коня» К. Петрова-Водкина (1912).

Возможные отсылки к Левитану ощущаются у Белова на уровне образно-мотивных сцеплений (мотив отражения, цветовое взаимодействие образов неба и воды, семантика движения и неподвижности). Композиционную вертикаль на картине создает общая цветовая гамма верхней части неба (белый и светло-серый цвета) и воды, в то время как над линией горизонта небо затянуто темными серо-сизыми клубящимися тучами. Изображенное на картине водное пространство темных

красок лишено, в нем доминирует ровный и чистый светло-серый со стальным отливом цвет, за счет чего вода выглядит почти неподвижной. Сравним в «Привычном деле»: «Зыбкая речка, огибавшая холм с кладбищем, не двигалась, и синенькое небо, отраженное ею, казалось чище настоящего, верхнего неба» [3, с. 125].

На картине Левитана часовня на краю холма подобна ростру, а сам холм – плывущему к горизонту судну, и в то же время это пространство, остающееся неподвижным. В рассказе «Холмы»: «Он вышел на крутой и зеленый холмик, огибаемый голубой озерной подковой. Купол церкви плыл в небе, плыл в редких белых облаках, плыл и все не мог никуда уплыть» [2, с. 435]. В рассказе «На Росстанном холме» с вершины мира Марии открывается затянутая туманом низина: «...там дальше, внизу, такие широкие раскидались туманы. Они кутали давно скошенные ложбины рек и ручьев, обтекая пригорки и стога <...> и остроконечные шапки этих стогов будто плыли по серому туманному молоку. Плыли и не могли уплыть» [2, с. 406].

С образом погоста в прозе Белова связаны два устойчивых мотива: «недостающих» и «потерянных» могил. Первый повторяется в художественной прозе (рассказ «На Росстанном холме», роман «Кануны»). Его автобиографический смысл становится очевидным в поэзии Белова («На родине». Отрывок из поэмы «Белая кровь», 1981):

Обогнула зеленый холм
Голубая подкова озера,
Под разлапистым лопухом
Чечевица помета козьего.
Нет, я этого не забыл,
Что в какой-то детской обиде
Всю округу я так любил,
Только этот холм ненавидел.
<...> в моей родословной исстари
Ни единого мужика
Не пристало вот к этой пристани,
<...> мой прадед, отец и дед,
Словно этим холмом гнущаясь,
Появлялись на белый свет –
В землю эту не возвращались.
<...>
И, отдавшись на Божий суд
Иль на суд человечий краткий,
Однокие даже тут
Затихали мои прабабки.
[2, с. 145-146]

Он возникает и спустя двадцать лет в автобиографической повести «Невозвратные годы». Отец В. И. Белова, Иван Федорович, погиб на Смоленщине, и точное захоронение его неизвестно: «лежит нынче, может быть, сразу в трех могилах»

[3, с. 57], «мать рассказывала <...> как мечтала поехать на Духовщину, найти могилу отца. Я привез ей в Тимониху пучок могильной травы...» [3, с. 57-58].

Что касается могил «потерянных», то они, будучи соотнесенными с родным погостом, оказываются забытыми с течением времени, как это произошло с захоронением бабушки писателя Александры Фоминишины (Фомишины).

Эти могилы исчезли с деревенских кладбищ (кресты упали, холмики сровнялись с землей вокруг могилы), подтверждая логику постепенной интеграции кладбищенского пространства в природу [6], растворения человеческого тела в ее космосе. Эта мысль в прозе Белова повторяется много-кратно: «Как по огню ступаю, по тебе хожу» («Привычное дело»), «Мария <...> кланялась земле<...> ставшей теперь им самим» («На Росстанном холме»), «Будто шепот древности, шепот людских поколений, живших на этой земле и превратившихся в эту землю, почутся в шепоте колосьев» («Кануны»).

Кладбище у В. Белова всегда обезличено. Его описания минимальны, в них отсутствуют маркеры, поясняющие структуру пространства (расположение могил, описание надгробных памятников, надписей на них). В пространстве кладбища важна единственная могила, на которой происходит наиболее напряженное в психоэмоциональном смысле действие.

Повторяющиеся элементов кладбищенского пейзажа всего два. Один из них – визуальный (вербы), второй – звуковой (поющие птицы, которые в народной поэзии часто реализуют представление о душах умерших, с чем, по-видимому, связан ритуал кормления птиц на могилах).

В прозе В. Белова можно говорить о специфической «кладбищенской» сюжетной ситуации, действие которой разворачивается на погoste (реальном или умозрительном). Такая ситуация представлена в рассказах «На Росстанном холме», «Холмы», «Ершов – гармонный мастер» и в повести «Привычное дело» и обладает рядом общих формально-содержательных признаков.

Во-первых, речь всегда идет о противоестественной смерти людей, находящихся в активной жизненной фазе (молодых или среднего возраста). В «Ладе», в главе «Жизненный круг», Белов писал: «нравственным и <...> философским» принципом, по которому можно судить о народе, является отношение к смерти» [4, с. 117]. Смерть стариков – естественное завершение жизни: «У северного русского крестьянина смерть не вызывала ни ужаса, ни отчаяния, тайна ее была равносильна тайне рождения» [4, с. 118]. Но уход из жизни молодых, являющийся общим смысловым элементом «кладбищенской» сюжетной ситуации, вносит в жизнь разлад, трагическую недостачу. Эти эмоции характерны для всех «кладбищенных гостей» и находят выход в «надмогильных беседах» с покойниками.

Сами похороны никогда не становятся сюжетным событием. Посещение могилы близкого человека происходит

вскоре после похорон (по-видимому, в день похорон в рассказе «Ершов – гармонный мастер», в день сорочин в повести «Привычное дело», в рассказе «На Росстанном холме» здесь и сейчас героиня осознает смерть мужа-солдата, случившуюся два с половиной десятилетия назад относительно времени основного сюжетного действия).

На свежую могилу приходит всегда один персонаж, что делает контакт живого с мертвым максимально напряженным, личным. Образ погоста в творчестве В. И. Белова – катарическое пространство, в котором герой показан в состоянии острого переживания смерти. Короткий временной промежуток между смертью персонажа как сюжетным событием и «гостеванием» на его могиле определяет психофизические состояния и поведенческие жесты гостя, для которого боль утраты еще очень остры. Личная трагедия не ушла в прошлое, кладбищенское время в вечность не перешло, и эмоциональные состояния персонажей – боль, горе, вина, стыд – остры и требуют выхода.

В каждом случае живой сидит на могиле мертвого, устанавливая тем самым максимально тесный контакт с покойником: «Мария, сидя на камне, тихонько качалась» [2, с. 405], «он <...> сел на чай-то не очень еще давнишний холмик» [2, с. 436], «Костя <...> сел на дерн и отстегнул свои железные ноги» [2, с. 521], «Иван Африканович сидел на могиле жены и смотрел на речку» [3, с. 125]. Ершов пьет, закусывает и играет на гармони, Иван Африканович и безымянный персонаж «Холмов» курят.

Во всех случаях посещение кладбища сопровождается надгробной беседой или ее семантической заменой (причет, игра на гармони). С появлением «кладбищенского гостя» может быть связан резкий звук или жест, яркое цветовое пятно, нарушающие кладбищенский покой, проявляющие те эмоции, которые герой не умеет выразить вербально. Так, Ершов прерывает едва начавшуюся «надгробную беседу» игрой на братовой гармони-бологовке и выбирает мелодию «слёзной» песни («По Дону гуляет казак молодой»), оплакивая свою утрату, смысл которой открывается ему только на погосте. Иван Африканович приносит на могилу Катерины ярко-красную кисть рябины, делая, таким образом, предметными чувство вины и стыда.

Кладбищенская сюжетная ситуация имеет общую композиционную функцию. Хронотоп погоста всегда соотнесен с развязкой: в этом локусе заканчивается действие произведения, исчерпывается художественное время текста, метафорически выражая мысль об общем (и для тех, кто уже покинул этот мир, и для тех, кто пока остается в нем) финале жизненного пути. Поэтому во всех произведениях отсутствует такой пространственный образ как дорога с кладбища, в бытовое пространство жизни. Персонаж, вступивший на кладбище в контакт с покойником, остается в сакральном

пространстве погаста, так же, как и покойник, он сюжетно осуществляет окончательный переход в иное измерение жизни.

В рамках кладбищенской сюжетной ситуации повторяется мотив *qui pro quo*, замена одного персонажа другим, проживания в другом собственной неосуществленной судьбы. Героиня рассказа «На Росстанном холме», постаревшая Мария, оплакивает оставшегося вечно молодым мужа, видит повторение своей истории любви в дочери и юном Сереже. Отождествляя себя с дочерью, мысленно она занимает ее место: «Глядела сама на себя, молодую и рожденную заново. Нет, не бывала она, Мария, вдовой ни дня, ни недельки <...> Опять ходит она, Мария, ходит дочка по молодой росе, и пиджак на девичьих плечах, точь-в-точь как и тогда, черный, и в молодых руках желтый венок из купальниц» [2, с. 405-406].

Костя Ершов («Ершов – гармонный мастер») на могиле брата играет на балоговке, осуществляя предсмертную мечту Сашухи. Предварительно он повесит на могильный крест свой пиджак и отстегнет протезы, этим символическим жестом откликаясь на запомнившуюся шутку покойника: «Я ежели с гармоньей, дак и умру, а ногой лягну» [2, с. 521].

В «Холмах» каждое следующее поколение деревенских мужиков повторяет судьбу предыдущего, уходя погибать в чужой земле, и о своем месте в этой непрерывающейся цепочке размышляет повествователь в финале рассказа.

В «Привычном деле» этот смысловой акцент создается благодаря упоминанию о детях, особенно о маленьком Ванюшке, в котором продолжится оборвавшаяся жизнь Катерины: «...самый младший, Ванюшка-то, слова говорит, такой парень толковый, и глазами весь в тебя» [3, с. 126].

Наконец, в кладбищенский эпизод всегда включается сильный, узнаваемый интертекст, с помощью которого углубляется лирический или религиозно-философский подтекст произведения.

В рассказе «Холмы» можно обнаружить отсылку к элегии В. А. Жуковского «Сельское кладбище», где используется антитеза «славных» и «обыкновенных» могил. У Жуковского:

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами –
Угасший пепел наш они не воспалят.
Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Этим почетным захоронениям поэт противопоставляет могилы на сельском кладбище:

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
<...>

Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.
[5, с. 30]

В сознании безымянного главного героя рассказа «Холмы» эта антитеза имеет выраженный гендерный смысл. Речь идет об отсутствующих на погосте мужских могилах: несколько поколений местных мужиков не вернулись домой после русско-турецкой, русско-японской и Великой Отечественной войн. Их захоронения пространственно удалены от родного погоста, и вообще, скорее всего речь идет об их подмене славными кенотафами, создании почетных могил-симулякров. Обелиски в чужой земле (Шипка, манчжурские сопки, Мамаев курган) – почесть, которой лишены русские женщины (матери, жены, дочери): «...один из его предков погиб в Болгарии на войне с турками. Об этом рассказывала бабушка. И он <...> подумал о несправедливостях женской судьбы <...>. Может быть, над <...> прадедовой, могилой стоит четырехгранный памятник, поставленный болгарами славным героям Шипки. А могила пррабабки затерялась... <...> деда также не обделила судьба: наверное, приятнее лежать в маньчжурском холме, когда об этом холме написаны романы и повести. Когда <...> печальные вальсы о маньчжурских холмах звучат по радио. А бабушкина могила исчезла, нигде не видать ни креста, ни камня. <...> отец обставил, пожалуй, и деда и прадеда... Нигде в мире нет такого грандиозного, такого могучего памятника, как там, на Мамаевом кургане. <...> Холм, взявший отца в свои недра, был велик и печален, громадная скульптура, венчавшая вершину, бросала на город исполинскую тень <...> он, сын погибшего на Волге сержанта <...> увидел свою фамилию на гранитной стене... <...> Ушли деды и прадеды, ушел отец. И ни один не вернулся к зеленому родному холму <...> в котором лежат их жены и матери. И никто не носит сюда цветы, никто не навещает этих женщин, не утешает их одиночество, которое не кончилось даже в земле» [2, с. 436-437].

В рассказе «На Росстанном холме» образ погоста как хронотоп отсутствует. Однако в смысловой структуре произведения именно он является доминантным, хотя и представлен единичным элементом – кенотафом, в роли которого выступает Серый камень.

Это место расставания Марии с пропавшим без вести мужем. В течение двадцати с лишним лет Серый камень служит местом мысленного и эмоционального контакта с мертвцем, в гибель которого она, Мария, не верит. Над Серым камнем она произносит два рекрутских призыва, имеющих общую семантику с плачем Ярославны. Предварительный ассоциативный контакт между этими персонажами устанавливается в сознании читателя благодаря упоминанию о кукушке, в которую готова обернуться княгиня в «Слове о полку Игореве», чтобы лететь на помощь Игорю Святославичу. Эта птица выделена как значимо отсутствующая и в эпизоде причитаний Марии:

«Привыкли к ней птицы. Летом горькие чибис, ранней весной грачи белоносые и веселые жаворонки пролетели, считай, над самым ухом. Одна кукушка не показывалась из своего усторонья» [2, с. 404]. В причетах Марии упоминаются те же стихии, к которым обращается Ярославна: солнце, вода, ветер, звучит тот же мотив надежды на возвращение воина, судьба которого неизвестна, жалость к нему, страдающему в чужой стороне.

Мотивно-образная система рекрутских причитаний имеет много общих элементов с причетами похоронными. В рассказе Белова воспроизведены два причета. Первый звучит, видимо, на протяжении многих лет. Его основной смысл – горе одиночества, омертвление души, жалость к тому, кто ушел на чужую сторону – типичное содержание и рекрутской, и похоронной причети: «Ой, приупали белы рученьки, притуманились очи ясные, помертвело лицо белое со великого со горюшка. Как ушел ты, мой миленькой, не по-старому да не по-прежнему, во солдатскую службицу, по конец света белого, по край красна солнышка»; «Ой, остригли буйну голову, золотые кудри сыпучие, как на каждой волосиночке по горючей по слезиночке. Тебе шинель-то казенная не по костям, не по плечушкам, сапожки-то не по ноженькам, рукавички не по рученькам. На чужой-то на сторонушке все-то версты не меряны, все народы незнакомые, ой, да судьи немилостивы...» [2, с. 402].

Во втором причете имеет место этимологическая реконструкция значения слова «погост». Это значение определяются лексемами «гость», «гостьба», «гостеванье», в народной поэтической традиции происходит то приращение смысла к исходному значению слова, которое определяется представлением об умерших как гостях, покинувших мир живых:

Ой вы гости вы наши гостьюушки,
Дороги гости все любимые,
Погостили в гостях малешенько,
Что малешенько да смирнешенько,
Нету ни ветру же, нет ли вихорю,
Ни частого дождя осеннего.
Что от моря же, моря синего...
Что от моего дружка милого
Нет ни весточки, нет ни грамотки,
Ни словесного челобитъца!
[2, с. 404]

Очевидна связь образа Серого камня с Алатырь-камнем. В описании ландшафта доминируют элементы, позволяющие провести параллель с Морем-окияном, островом Буяном, в мифологии славян являющимся символом центра вселенной, пупом земли. Именно с этой точки героине открывается истина и о смерти мужа, в которую она все эти годы не верила, и о торжестве продолжающейся жизни, о повторении ее в дочери.

В этот момент камень обретает функцию надгробия над несуществующей могилой, становится умозрительной

заменой захоронения, место которого (как и время гибели мужа) так и остаются неизвестными. К Марии приходит понимание того, что могила его – вся земля, и здесь снимается антитеза «своя – чужая» земля, «близкий – далекий» погост: «Мария, сидя на камне, легонько качалась, словно кланялась земле, принявший его и ставшей теперь им самим» [2, с. 405]. Фигура героини, становящаяся как бы скульптурным завершением надгробия, визуально напоминает Пьету, иконографическое изображение Богородицы, оплакивающей Сына, и само имя героини поддерживает эту аллюзию. По образу Пьеты создавались скульптурные изображения женщин-плакальщиц как элемент кладбищенской эстетики.

На могиле матери-вдовы В. И. Белов установил в качестве надгробия камень-валун, что в целом не характерно для сельского кладбища. Вероятно, здесь имеет место символическое обобщение судеб вдов, лишенных родных могил. Стирая границы между текстом и реальностью, писатель переносит деталь, акцентирующую этот мотив, из литературного произведения в жизнь.

Лирический подтекст повести «Привычное дело» углубляется за счет образных перекличек со стихотворениями О. А. Фокиной «Косынка» (1965) и «Звездочка» (1964). С помощью отсылок к образно-мотивной структуре этих стихотворений маркированы вход Дрынова в лес (образное воплощение мотива смерти) и выход из него (возвращение к жизни).

«Вход» обозначен с помощью предметной детали – найденного на месте последнего прокоса платка, висящего на иве. Платок еще сохраняет запах Катерины, благодаря которому начинается работа эмоциональной памяти героя. Он знает о смерти жены, но ждет ее появления, и испытываемые чувства оживляют его душу: «...было сладко, больно, тревожно ждать» [3, с. 114]. В стихотворении Фокиной «отлинявшая», «отгревшая» косынка, висящая на осинке, – чувство, выраженное с помощью материального знака. Сходная семантика обнаруживается и в стихотворении А. С. Пушкина «Черная шаль», и в известном в исполнении К. Шульженко романсе «Эта темно-вишневая шаль» (слова и музыка В. Бакалейникова).

Иван Африканович отправляется в лес за четыре дня до сорочин и плутает в нем, готовясь к кажущейся неизбежной смерти. Черная речка, за которой тот мир начинается, встраивается в смысловую парадигму Стикс / Забыть-река, а бессознательный переход героя через Черную речку корелирует с мотивом переправы в мир мертвых.

Перед тем как выйти на место гари, Дрынов пьет болотную (мертвую) воду через платок жены. Та часть леса, в которой он окажется после этого, – инфернальное пространство; Дрынов попадает на место недавней гари, метафорически соотносимое с его психологическим состоянием, с выжженной душой: «Лес поредел, сильно и остро запахло дурман-травой, от которой

ломило виски и кружило голову. <...> Иван Африканович взглянул в просвет и ему стало жутко: такое мертвое, гиблое раскинулось вокруг места. <...> как свечи, стояли высокие черные стволы опаленных осин, высоко вверху торчали большие опаленные сучья. Внизу – обгоревшие мхи, еще не обновленные ни единой живой травинкой. Ни птицы, ни кустика» [3, с. 117].

В процессе скитания по лесу главным содержанием рефлексии героя становятся мотивы одиночества и небытия, в религиозном сознании нивелируемые утешительной верой в бессмертие души: «никогда Иван Африканович не был таким одиноким» [3, с. 118]; «теща Евстолья молилась вчера, думает, что будет что-нибудь и после смерти. А чего ждать? нечего, видно, ждать, пустое дело, ничего не будет. <...> умерла Катерина, и стало понятно, что ничего после смерти не будет, одна чернота, ночь, пустое место, ничего» [3, с. 121].

Символический план этого эпизода как хождения по мукам включает в себя образ заложного (нечистого) покойника, не могущего быть похороненным согласно традиционному ритуалу: «ничего от него <...> не останется. Рысь либо росомаха выгрызут у мертвого щеки, обгложут кисти рук. Домой принесут легкого, чужого, а то и тут зароют, прямо в лесу» [3, с. 118]. Предшествующая этому этапу развития действия мысль героя о самоубийстве удваивает смыслы, связанные с заложным покойником и традицией его захоронения за пределами кладбища, в лесу или у дороги, что лишает надежды на воссоединение с женой на деревенском погосте.

Выход из мертвого пространства и преодоление кризисного состояния соотнесен с образом, символически воплощающим Катерину душу, выступающую в роли проводника для заплутавшего во тьме отчаяния мужа. Заметим, что образ звезды часто используется для объяснения феномена смерти детям (близкие люди ушли на небо, стали звездочками). Детскость Ивана Африкановича отмечалась Катериной: «...ребят накопили. Все родились крепкие, как гудочки. Растут. Девять вот, а десятый сам Иван Африканович, сам иной раз как дитя малое» [3, с. 37].

Дрынов видит сон во вне, путаный и тревожный. Еще не вполне очнувшись, чувствует, как «сквозь мглу из темных вершин колола прямо в лоб острые холодные звездочки. Она была одна, ее тут же затянуло тучей, и Иван Африканович забыл про нее, она стала деталью его сна. Но где-то в подсознании она оставила свой след <...>. Звездочка. Да, звездочка, и небо, и лес. <...> И надо было выйти из леса. Звезда, она одна звезда-то. А ведь есть еще звезды, и по ним <...> можно выбрать, куда идти» [3, с. 119]. Сравним в стихотворении О. Фокиной:

Облако тебя трогает,
Хочет от меня закрыть...
Чистая моя, строгая,
Как же я хочу рядом быть.

<...>

Бродят за тобой тученьки,
Около кружат они...
Протяни ж ко мне лучики,
Ясная моя, протяни!

[9]

На кладбище Дрынов приходит на сороковой день после смерти жены, когда, согласно народным представлениям, душа умершего пересекает Забыть-реку и забывает все, что было в мире живых. Монолог Ивана Африкановича – попытка удержать Катерину на этом берегу. В надмогильной беседе Ивана Африкановича с женой основной акцент сделан на чувство вины героя, однако не менее значим и жизнеутверждающий пафос его монолога, связанный с детьми. Маленький Ванюшка, с появления на свет которого начинаются события повести (Катерину увезли рожать, когда Дрынов-старший плутает на дороге в главе «Прямым ходом»), внешне похож на мать, он уже начинает говорить, что соответствует общей композиционной структуре повести (рождение – смерть – продолжающаяся жизнь) и смысловому потенциалу концепта «привычное дело».

Атеистическое мировоззрение рассматривает смерть как переход в небытие, в ничто; христианское – в метафизику вечной жизни души. В прозе Белова 1960-70-х годов утверждается мысль о том, что главный закон жизни – закон сохранения ее витальной энергии. Понимание этой истины происходит в пространстве погоста и помогает герою преодолеть обстоятельства утраты близкого человека и связанные с этим разрушительные психофизические состояния. Генераторами этой энергии становится сенсорная (визуальная, звуковая, тактильная) память, дети, в которых жизнь продолжается, и природные ритмы, говорящие о вечном ее круговороте в земном измерении. Осознавая, что вернуть прошлое невозможно, в пространстве погоста персонаж может либо осуществлять рефлексию по поводу «безвозвратной жизни» («Ершов – гармонный мастер»), либо определять вектор жизни будущей, продолжающейся в детях («На Росстанном холме», «Привычное дело»), либо соотносить свою судьбу с исторической судьбой предков («Холмы»).

Возвращаясь к мысли М. М. Бахтина о хронотопе как воротах к смыслу произведения, отметим, что погост в творчестве Белова действительно является такими воротами, проходя через которые персонаж становится способным к осмыслению собственной жизни в аспекте нравственном, в контексте общей судьбы народа. Читатель же на уровне подтекста, возникающего за счет ассоциативных отсылок к произведениям других авторов и исторических аллюзий, воспринимает драматическую коллизию в судьбе одного героя как часть длящейся национальной истории. Лирико-философский подтекст делает героев Белова, в привычной жизни

которых нет места глубокой религиозности, сопричастными той бытийной константе, которая была выбрана в качестве эпитафии для надгробного памятника В. И. Белова на Сохотском кладбище: «Душа бессмертна».

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 502 с.
2. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 1. Стихотворения и поэмы, повести, рассказы / В. Белов ; сост.: С. Ю. Баранов, О. С. Белова ; под общ. ред. Ф. Ф. Кузнецова ; предисл. В. Н. Ганичева, С. Ю. Баранова. – Москва : Классика, 2011. – 605, [1] с.
3. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы / В. Белов ; сост.: С. Ю. Баранов, О. С. Белова ; под общ. ред. Ф. Ф. Кузнецова. – Москва : Классика, 2011. – 597, [1] с.
4. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 5. Очерки. Произведения для детей / В. Белов ; сост.: С. Ю. Баранов, О. С. Белова ; под общ. ред. Ф. Ф. Кузнецова. – Москва : Классика, 2012. – 630 с.
5. Жуковский, В. А. Собрание сочинений. В 4 томах. Том 2. Баллады. Поэмы и повести / В. А. Жуковский. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 484 с.
6. Подрезова, Н. Н. Семантика кладбищенского хронотопа в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» / Н. Н. Подрезова, Ю. С. Харлашкин // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 2. – С. 134-138.
7. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Том 7. Отцы и дети: роман ; Повести и рассказы ; Дым: роман, 1861-1867 / И. С. Тургенев ; гл. ред. М. П. Алексеев. – Москва : Наука, 1981. – 559 с.
8. Федоров, П. В. Кладбище как многозначный социокультурный феномен : общие подходы к изучению (на примере Кольского Севера) / П. В. Федоров // Некрополи Кольского Севера : изучение, сохранение, коммуникация. – Мурманск, 2013. – С. 17-26.
9. Фокина Ольга Александровна. Избранное. В 2 томах. Том 1 / Ольга Фокина ; худож. Э. В. Фролов. – Вологда : Полиграфист, 2003. – 503 с.

С. Н. Патапенко
г. Вологда

СИТУАЦИЯ QUI PRO QUO В ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»¹

В статье рассматривается понятие «qui pro quo» как ситуативная модель, которая создается в результате подмены смысловых рядов. В повести «Привычное дело» обнаруживается целый ряд таких моделей в разных аспектах проявления. На основе их классификации делается вывод об определяющей роли ситуации qui pro quo в организации сюжета произведения.

Ключевые слова: В. И. Белов, повесть «Привычное дело», ситуация qui pro quo, сознательная и несознательная подмена, профанация ценностей, социальный абсурд.

S. N. Patapenko
Vologda city

QUI PRO QUO SITUATION IN THE SHORT STORY «HABITUAL DEAL» BY V. I. BELOV

The conception «qui pro quo» is considered in the article as contextual model, which is created because of logical raws substitution. In the Short Story «Habitual deal» a lot of such models come to the light in the different aspects. On the basis of their classification is conclusion made, that qui pro quo situation plays defining role in the plot of the novel.

Keywords: V.I. Belov, the Short Story «Habitual deal», qui pro quo situation, responsible and irresponsible substitution, value profanation, social absurdity

Фразеологизм «квипрокво» происходит от латинского выражения «qui pro quo», что буквально переводится как «одно вместо другого». Он является, как свидетельствуют словари иностранных слов, обозначением путаницы и недоразумений [см., напр.: 8, с. 605].

В литературоведении выражение используется в качестве специального термина, хотя закрепленного понятийного статуса оно не получило. В авторитетных энциклопедических изданиях и словарях отдельных статей об этом понятии не имеется [см., например: 3; 4; 7]. Однако оно активно используется при разговоре о природе комического и жанре комедии, особенно о той ее разновидности, что называется «комедией положений», «комедией ошибок» [см., напр.: 5, с. 143]. Здесь qui pro quo служит обозначением распространенного

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00348 «Энциклопедия «Привычного дела» В.И. Белова».

приема комического, основанного на недоразумении и ведущего к событийной неразберихе. При этом французский философ А. Бергсон в своей работе «Смех» обращает внимание на то, что недоразумение не обязательно «смешно само по себе» [2, с. 65], «оно определяет не основу комического», а может быть лишь одним «из его более или менее отдаленных последствий» [2, с. 64]. Бергсон под *qui pro quo* понимает ситуацию, порождающую несовпадение смыслов и не имеющую априорной комической природы. Эту же характеристику подчеркивает и П. Пави в «Словаре театра», в котором интересующему нас понятию отведена специальная статья: «Квипрокво составляет неисчерпаемый источник комических, а иногда трагических ситуаций» [6, с. 142].

Такое расширительное понимание термина (не прием, а ситуативная модель, не установка на получение чисто комического эффекта, а указание на сдвиг в общем положении вещей) позволяет его применять к произведениям разных жанрово-родовых параметров.

В повести В. Белова «Привычное дело» ситуативная модель *qui pro quo* проявляется разнообразно и разнопланово.

В начале произведения ситуации-путаницы стремительно сменяют одна другую. Едет человек домой по привычному пути – возвращается к исходной точке. Остановка в гостеприимном доме двоюродной тетки оборачивается позорным изгнанием из него. Сватовство Мишки Петрова к Нюшке, задуманное хмельным Иваном Африкановичем, расценивается «невестой» как издевательство и увенчивается ее горькими рыданиями: «В доме стоял рев. Нюшка с плачем кидала на пол что попало, вся в слезах кричала и металась по избе и материла весь белый свет» [1, с. 15]. Не в постели ночевали горе-сват и жених, а в бане, ополоснувшись остывшей водой, выбираясь оттуда, перепутали штаны. Потом, с хохотом рассказывая бабам в сельпо о ночном приключении, Мишка делает вывод: «Все повернулось на сто градусов» [1, с. 17]. Эта фраза обретает в контексте всей повести значение формульной характеристики событий, происходящих в произведении.

«Путаником» ругает зятя Евстолья, и даже природа присоединяется к общему положению дел: когда бежал встревоженный Дрынов в больницу к увезенной рожать жене, клубы «снега сшибались», «блудили», «путая небо и землю» [1, с. 19]. Рождение сына, названного в честь отца Иваном, на время возвращает жизни утраченное равновесие.

Во второй, «семейной», главе две ее части – «Детки» и «Утро Ивана Африкановича» – как раз и явят состояние мира устойчивого, без путаницы и перевертышей. Жизнь, осваиваемая младенческим сознанием, видится как пространство, где все на своем месте, как время, которое течет ласково и неспешно. В таком же состоянии пребывает и отец малыша, отправившись утром на рыбалку. Отогревая замерзшего воробья, он ощущает себя частью просыпающегося мира,

чувствует, как время и вечность соединились, как все находится на своем, правильном месте: «Иван Африканович шел и шел по певучему насту, и время остановилось для него. Он ничего не думал, точь-в точь как тот, кто лежал в люльке и улыбался, для которого еще не существовало разницы между явью и сном» [1, с. 36].

Этому хронотопу лада противопоставлены приметы разлада, запечатленного в двух других частях главы. В сказках Евстолии Пошехонье становится образом вывернутой жизни, съехавшей со своей оси. «И все-то у тех мужиков неладно шло» [1, с. 29], – рассказывает бабка внукам. И как пошехонская представлена в ее характеристике жизнь собственного сына Митьки: «Весь измотался, работает по разным местам, да и бабы все переменные» [1, с. 34]. Катерина в подглавке, посвященной ей, вспоминает измену мужа, когда ушел тот в гости, оставив беременную жену дома, и «наблудил», по ее определению. Показательно, что женщину, с которой Иван изменил Катерине, зовут Дашкой Путанкой. Ее прозвище в деревне родилось от неприкаянной одинокой жизни, неустроенной женской судьбы, бездумной готовности упасть в объятия каждого, кто обратит внимание. Односельчане, дав такое прозвище, проявили высшую степень понимания. Они не вложили в определение жизни Дашки ни осуждения, ни обвинения, ни проклятий – только указание на то, что человек запутался. Такое же понимание дарит мужу и Катерина, простив ему измену как человеку, сбившемуся с пути, «наблудившему» – заблудившемуся, совершившему ошибку.

Облегченно-легкомысленный вариант путаницы отношений мужчины и женщины находим в третьей главе, где Мишка Петров, ухаживающий за тремя девушками, Надей, Лилей и Тоней, приехавшими в отпуск из города, провожает каждый вечер одну из них по очереди. «Путаник, дак путаник и есть!» [1, с. 58] – делает вывод Тоня. В конечном итоге авторская воля соединяет жизни двух самых выразительных «путников» произведения с помощью третьего: при активном содействии Митьки, непутевого брата Катерины, Мишка Петров становится мужем Дашки Путанки.

Иной аспект ситуаций-путаниц представлена в четвертой главе. Здесь рассказывается о тайном сенокосе колхозников для себя, чтобы прокормить домашний скот зимой. Тайном, потому что существовавшие законы и правила запрещали заготавливать сено больше выделенной нормы, а этой нормы не хватило бы животным и на один месяц. Нелепая ситуация порождала коллективный обман, толкала к нему – иначе не выжить. Жертвой такой социальной нелепицы и стал Иван Африканович. Причем жертвой двоякого порядка. С одной стороны, его мучает совесть, что приходится врать, косить тайком ночью – ситуация у стыдливого человека вызывает внутренние проблемы. С другой, когда о покосе Ивана становится известно районному начальнику, начинаются

вполне конкретные неприятности, связанные с поношением и проработкой на собраниях. И в эту ситуацию мнимой, абсурдной законности втянуто уже множество людей, чей круг расширяется до государственного масштаба. А смыкается эта ситуация на сыне Дрыновых – Гришке, который бесхитростно рассказывает дяде из района о том, что помогал отцу косить траву ночью. Сказав правду, ребенок становится невольным виновником бед отца и всей семьи, что подчеркнуто картиной полного разлада дел у Дрыновых: «Иван Африканович только успел свозить сено со своей повети на колхозную ферму, слышит, теща Евстолья причитает, ребятишки в избе ревут, корова стоит у крыльца недоена и тоже трубит, просит доиться...» [1, с. 76].

Еще один штрих к неразберихе колхозной жизни – рассказ деда Федора о водопроводе для коров. Соорудили поилку для них, а она не работает – так деда Федора перед приездом начальства вызвали возить воду в запущенный колодец, чтобы из него подавать воду.

В этой же главе имеется еще один пример подмены – расхождение человека с самим собой. Перед нами предстает дикий, озверевший Иван Африканович Дрынов. Оправдывая свои отчество и фамилию, главный персонаж повести носится по всей деревне с огромным колом, размахивая им как знаменем. В буйном хмелью он обижается на сомнения по поводу его танцевальных способностей – и местом вымещения обиды становится вся деревня, жители которой вмиг разбегаются по домам. Еще раз не равный себе Иван возникнет, когда замахнется на Катерину, отговаривавшую его от отъезда в другие края. «А он зубом скыркнул, замахнулся. Не было еще такого, чтобы замахивался, ни разу пальцем не трагивал, а тут замахнулся» [1, с. 90], – с тоской отметит женщина.

И в той, и в другой ситуации наступит прозрение: гротескно-фарсовое в первом случае, безысходно-трагическое в другом. После забега Дрынова по деревне он подробно вспоминает процесс опьянения, когда мир постепенно обретает иные очертания, из одного превращается в другой, и слово «кажись» становится основной его приметой. Когда Иван, связанный и положенный лицом вниз, просыпается утром, он видит неподвижно лежащего односельчанина Пятака, которого принимает за мертвого. И виновником его смерти, по уверениям собутыльников, оказывается Африканович. Но к великой радости Ивана Пятак жив, а ситуация явилась результатом розыгрыша. Как жестокая проекция ситуации ложной смерти вскоре возникает в судьбе Дрынова смерть необманная, реальная, неотвратимая. Его добровольное самоизъятие себя из родного пространства, когда он принял уговоры шурина уехать в город на заработки за спасительное решение для всей семьи, обернулось главной жизненной утратой – смертью жены.

До этой трагической точки в повести встречается целый ряд ситуаций, вызывающих комическую неразбериху. Все они группируются вокруг одного персонажа – Митьки Полякова. Вместо документа, удостоверяющего личность, он подает уполномоченному из города вкладыш к противозачаточным средствам, принимает за «туземский ром» питье, приготовленное Дашкой Путанкой как «приворотное зелье» для Мишки. Апофеозом его розыгрышей-обманов становится история с арестом. Здесь происходит подмена человека: вместо Митьки Полякова пятнадцать суток получает Колька Поляков из Сосновки, а его однофамилец благополучно избегает наказания. Еще одна деталь добавляется к этой подменной ситуации: пироги и яйца, принесенные Иваном для шурина, достаются парню из Сосновки. Поедая неожиданный гостище, тот «долго гадал, кто ему принес передачу, пирог с рыбой и пять яиц, – рыбу в Сосновке не ловили, и озера нету, куриц у парня в хозяйстве тоже не было» [1, с. 81]. Конец этой истории сообщает Степановна Евстолье: «Вот пришел этот Колька домой да еще и хвастает, что пятнадцать дён в тюрьме сидел; а я говорю: «Ой ты, дурак, ой дурак!..» [1, с. 124]. Через внешний комизм этой ситуации просвечивает внутренняя угрожающая сила реальности, начиненной возможностями распоряжаться людьми как пешками, безответственно двигать ими, не опасаясь последствий.

В последних главах повести комическое начало исчезает почти полностью с ее страниц, но по-прежнему сохраняются ситуации, основанные на путанице. Онтологический контекст одна из них обретает на Черной речке, когда, сбившись с пути, Иван оказывается в «чужом месте» и понимает, что «заблудился накрепко». Очутившись в незнакомом лесу, вступив в поединок с «ехидной мудростью» природы, Дрынов переживает экзистенциальное прозрение. Изголодавшийся, выбившийся из сил, он четко осознает небессмысленность человеческой жизни, свою вписанность в круговорот вечности. И как награда ему даруется спасение – отыскивается обратная дорога: «Земля под ногами Ивана Африкановича будто развернулась и встала на свое место: теперь он знал, куда надо идти» [1, с. 121]. Почти ползком Дрынов выбирается из леса, где его обнаруживает Мишка Петров, приняв за пьяного:

«– Пьяной, что ли? – спросил Мишка.

– Не пьяной, парень... Голодной... – еле вымолвил Иван Африканович.

– Да ну? – Мишка захочотал, помогая Ивану Африкановичу залезть на сани. – А я думал, пьяной Африканович» [1, с. 122].

Мишキン хотят здесь и диссонансная нота состоянию Дрынова, и победный звук, отмечающий природную витальность человеческого существования, и гордый ответ «ехидной мудrosti» леса. Одно здесь не принимается за другое, не подменяется им, а соединяется в непостижимом единстве. Ситуативная путаница, возникшая от незнания истинного

положения дел, от непосвященности в них (Мишка принял Ивана Африкановича за пьяного, а тот из леса выбрался спасшимся и спасенным), преобразуется в ситуацию, фиксирующую изменчивость и многослойность бытия как закон.

Жестокую его холодность и неотвратимость Иван осознает на могиле жены. В монологе, адресованном Катерине, он обозначает перевернувшийся ход вещей: «Вот, девка, виши, как все обернулось-то. Худо мне без тебя, вздоху нет, Катя» [1, с. 126]. К образу перевернутого мира автор уже обращал читателя, когда описывал предметы, отражающиеся в глазах мертвой Рогули: «Только все это было маленьким, крохотным и перевёрнутым с ног на голову» [1, с. 105]. Здесь эпизод заканчивается разговором Ивана и Мишки под доносящийся из избы горький плач детей о Рогуле. На нетвердое предположение Мишки о необходимости Дрынову жениться Африканович отвечает, что «глаза ни на что не глядят», и сцена завершалась глубоким молчанием: «Мишка промолчал. Он видел, как на кровяные пальцы, перебирающие Рогулины потроха, одна за другой капали соседские слезы. И Мишка промолчал, ничего больше не сказал» [1, с. 107].

В последнем эпизоде повести перевернутость восприятия мира Иваном Африкановичем, когда задыхается он от горя на могиле жены, корректируется звуком, цветом и запахом природы: «шумная скворчинская стая», синее небо, «пестрые леса», дым костра, пахнущий «по-древнему» [1, с. 126]. В центр пересечения смерти, природы и жизни помещен человек, распластанный на земле. Так в конце произведения миру возвращена устойчивая система координат без подмен и путаниц.

Эти путаницы и подмены составляют основу событийной канвы произведения, организуя его сюжетосложение. Вариантов таких ситуаций можно выделить пять.

1. Бытовые путаницы, связанные с недосмотром, случайным обменом вещами.

В повести этот вариант встречается несколько раз: Иван Африканович убегает из бани в штанах Мишки Петрова, а тот вынужден надеть дрыновские; близнецы Дрыновых, Мишка с Васькой, постоянно надевают штаны задом наперед и ходят так целый день; мужики из сказочного Пошехонья не могут разобраться, где чья нога. В нелепицах такого рода много случайного, забавного и необидного, как в скоморошьей присказке Ивана Африкановича, которой он погоняет лошадь: «Поехали с орехами, поскакали с колпаками» [1, с. 8].

2. Путаницы-обмены и замены, ведущие к профанации значимых вещей.

Они возникают не от злого умысла, а от смены и размывания ценностных ориентиров. Так, Иван обменивает старую семейную Библию на гармонь («Схватил с полицы толстую книгу Библию – давнишняя книга, еще после деда Дрынова осталась. Берегли Дрыновы эту книгу пуще коровы, пуще лошади, так и лежала на полице после деда» [1, с. 38]);

боевой орден Славы Африкановича становится игрушкой для его сына («Васька, опять блеснув пузом с орденом Славы, побежал домой» [1, с. 55]).

3. Путаницы-розыгрыши, вызванные сознательной подменой. Их в основном устраивает городской гость Митька Поляков, издевательски подсовывая вкладыш от противоиззаточных средств вместо документа, а затем при угрозе ареста «меня» себя на парня из Сосновки, воспользовавшись тем, что они однофамильцы. Он же разыгрывает протрезвевшего Ивана Африкановича после пьяного дебоша, убеждая родственника в убийстве Пятка. Сюда же можно отнести обман матери Ивана о пожаре в Сосновке, заставивший Катерину и Нюшку броситься из дома Дрыновых, после чего отношения влюбленных надолго разладились, а Иван женился на другой. В эти путаницы закрадывается зловещее штовство, зачастую чреватое жестокими последствиями.

4. Путаницы-ошибки, сознательные и несознательные, с разного рода последствиями.

Эти ситуации концентрируются вокруг центрального персонажа. Любовь «холодная» и «горячая» в жизни Ивана Африкановича, связанная с двумя женитьбами, кратковременный блуд с Дашкой Путанкой образуют круг его отношений с женщинами, центр которого заняла Катерина и определила семейное счастье мужчины. Ошибки этого круга принесли много душевных страданий обоим, но были преодолены, пережиты. А решение Ивана уехать из дома на заработки привело к роковому последствию – смерти жены. Стремительно быстро, за три дня существования вне родных мест и людей, он убедился в ошибочности своих действий. Однако этого времени оказалось достаточно, чтобы физические силы жены иссякли. Их надорванность – еще одна роковая вина Ивана, в которой он признается сам себе на могиле Катерины: «Я ведь дурак был, худо я тебя берег, знаешь сама...» [1, с. 126]. Горьким штрихом к ошибочному пониманию мужских обязанностей могут в этом контексте служить мысли Катерины, когда на скотном дворе фермы подступила к ней тошнота болезненного приступа: «Ежели бы мужик... вот ежели бы и мужика... Только чего! Разве пойдет мужик во двор? Вся деревня захохочет, скажут Иван Африканович скотником заделался. Нет, нечего это и думать, не пойдет» [1, с. 40].

Как ошибка представлено в начале повести сватовство Мишки к Нюшке, затеянное Дрыновым. Принесло оно мужчинам изгнание из ее дома, а ей – обиду. Но тема сватовства с этими же участниками настойчиво зазвучит в повести еще не раз. С почти водевильным акцентом – в ухаживаниях Мишки сразу за троемя городскими гостями, а потом непутевого Мишку сосватает непутевой Митька за непутевую Дашу Путанку – и дело закончится поездкой на тракторе в сельсовет для оформления законного брака.

В финальных частях повести пока еще тайком от Ивана его начинает сватать за Нюшку ее мать, ведя переговоры с Евстольей. И вся деревня уже говорит об этом, а Нюшка,

обращает наше внимание автор, когда пришла на сорочины, занималась детьми и при входе Ивана в избу «одернула новую шерстяную юбку» [1, с. 24]. Травестирующее сватовско первой главы в последней под давлением трагических обстоятельств обретает перспективу реального соединения двух несчастных судеб. Только у Дрынова меняется функция: невеста та же, а Иван из свата переходит в женихи. И окончательного разрешения эта ситуация в повести не имеет.

К ряду путаниц-ошибок можно отнести и блуждание Ивана по лесу, чуть не приведшее к гибели. Шел за деревом для лодки, а попал в болотистое место, проглядев нужную тропинку. Но усилием воли, сосредоточением душевных и духовных сил спас себя. И вновь наблюдаем рифмовку ситуаций. Дорога домой в начале повествования соотносится с путем из леса в конце произведения. Но в первом случае Иван от дома отдалился, во втором – из враждебного пространства выбрался.

5. Социальная подмена.

Имеются в виду ситуации, порожденные неладно устроенным социумом. Это и тайная заготовка сена для собственных нужд, и история с водопроводом для поилки на ферме. «Толку тут не дощупаться» [1, с. 68], – говорит дед Федор. Тем самым старик выносит приговор социальному абсурду, когда имитация дела и закона становится нормой. Одно (подлинность, сущность) принято за другое (мнимость, видимость) и установлено как принцип организации жизни. Угрожающая сила такого принципа природному ладу зафиксирована в размышлениях Дрынова: «Иван Африканович поглядел вокруг, на эту родную землю, и у него заныло сердце. Самолучшее сосновское поле, засеянное кукурузой, было сплошь затянуто желтым молочником. Чахоточные, на тричетыре вершка кукурузные стебли надо было долго искать глазами, пока не наткнешься на один-другой бескровный кустик. <...> Привезли ее, не спросясь колхозников, и увезут не спросясь. Дело привычное» [1, с. 95]. Ситуации *qui pro quo*, связанные с отражением мнимостей в организации жизни деревни, становятся в повести основополагающим средством характеристики бездумно устроенного социума.

В системном взаимоотношении ситуации *qui pro quo* всех видов обретают в произведении структурообразующую роль, являясь событийным источником для создания художественной антitezы лада и разлада.

Литература

1. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы / В. И. Белов. – Москва : Классика, 2011. – 600 с.
2. Бергсон, А. Смех / А. Бергсон. – Москва : Искусство, 1992. – 172 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под. ред. А. Н. Николюкина. – Москва : НПК «Интелвак», 2003. – 1596 с.
4. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 750 с.

5. Маркович, В. М. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» / В. М. Маркович // Анализ драматического произведения : межвузовский сборник / под ред. проф. В. М. Марковича. – Ленинград : ЛГУ, 1988. – С. 135-163.
6. Пави, П. Словарь театра / П. Пави. – Москва : Прогресс, 1991. – 480 с.
7. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – Москва : Издательство Кулагиной : Intrada, 2008. – 357 с.
8. Словарь иностранных слов. – Изд. 14-е, испр. – Москва : Русский язык, 1987. – 606 с.

С. Ю. Баранов
г. Вологда

МЕЖДУ «СВОИМ» И «ЧУЖИМ»
(МИШКА ПЕТРОВ И МИТЬКА ПОЛЯКОВ В СИСТЕМЕ
ПЕРСОНАЖЕЙ ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»)¹

В статье рассматривается вопрос о значимости оппозиции «свое – чужое» для группировки и квалификации персонажей повести В. Белова «Привычное дело». При этом отмечается, что «свое» здесь понимается персонажами и автором как мир крестьянства, подверженный влиянию разрушительных социальных явлений и процессов, которые осознаются как «чужое».

Ключевые слова: деревенская проза, крестьянство, маргинальность, мировоззрение, оппозиция «свое и чужое», персонаж, система персонажей, традиция.

S. Y. Baranov
Vologda city

BETWEEN «FAMILIAR» AND «ALIEN»
(MISHKA PETROV AND MITKA POLYAKOV IN THE SYSTEM OF
CHARACTERS OF THE V. I. BELOV'S STORY «HABITUAL DEAL»)

The article deals with the importance of the opposition «familiar – alien» for the grouping and qualification of the characters of V. Belov's novel «Habitual deal». At the same time, it is noted that the «familiar» here is understood by the characters and the author as the world of the peasantry, influenced by destructive social phenomena and processes that are perceived as «alien».

Keywords: rural prose, peasantry, marginality, outlook, opposition «familiar – alien», character, system of characters, tradition.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00348 «Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова».

Пережившая непростую историю публикации, сотканная из разностилевых эпизодов, повесть «Привычное дело», тем не менее, отличается целостностью внутренней структуры, что является не только результатом авторского расчета, сколько следствием единства той мировоззренческой основы, на которой произведение создавалось. Поскольку оно относится к ключевым фактам деревенской прозы, в нем отчетливо выражены ментальные особенности данного идейно-тематического направления в русской литературе 50-х – 80-х годов XX столетия. Ментальная нагрузка произведений того ряда, к которому относится «Привычное дело», дает повод для недовольства термином «деревенская проза» и поиска более соответствующих содержанию самого историко-литературного явления именований – «онтологическая проза» [1, с. 142] или «крестьянская проза» [17, с. 7], например, что позволяет сместить акцент с социально-географического аспекта на мировоззренческий. И хотя термин «деревенская проза» остается наиболее употребительным, в понятии, им обозначаемом, определяющими являются мировоззренческие характеристики, независимо от того, как само это историко-литературное явление трактуется и оценивается тем или иным публицистом, критиком или литературоведом.

В деревенской прозе, как и в повествовательной прозе вообще, авторская концепция мира и человека выражается преимущественно через образы персонажей, через их внутреннюю структуру, дифференциацию и группировку. «Выбор персонажей, их конфигурации, созданные для них судьбы и обстоятельства – все это материал, при помощи которого литература ставит вопросы о человеческом бытии, создает одни концепции человека и противостоит другим» [16, с. 103]. Все персонажи «Привычного дела» – носители определенных мировоззренческих установок, которые, в силу их социокультурной принадлежности, коммуникативных возможностей и склонности к самовыражению реализуются не только и не столько в прямых словесных декларациях, внешней и внутренней речи, сколько в исповедуемом ими образе жизни, поведенческих актах и реакциях на складывающиеся по ходу действия обстоятельства.

Мировоззренческий принципложен в основу группировки персонажей повести «Привычное дело». Группировка эта основана на оппозиции «свое – чужое», которая традиционно интерпретируется по отношению к «деревенской прозе» как противопоставление деревни и города: если деревня «является частью природного пространства, поэтизированного и одухотворенного», то город «маркируется как пространство запредельное, чужое и даже чуждое» [6, с. 41]. Признавая правомерность такой интерпретации, необходимо в то же время отметить, что при детализации, смысловом «расширении» и проектировании на конкретные тексты она нуждается в оговорках и некоторых уточнениях.

Во-первых, пространственная граница между городом и деревней во внутреннем мире произведений «деревенской прозы» условна и относительна. Она, эта граница, несомненно есть, поскольку крестьянский «образ мыслей и чувствований» формируется средой, особыми условиями существования, наследуемыми традициями – то есть укладом деревенской жизни, резко отличной от жизни городской и пространственно локализованной. Ее пересечение может обернуться для персонажа катастрофическими последствиями. Именно так случилось с Иваном Африкановичем, отправившимся на заработки в Заполярье. Однако основной фактор, определяющий противопоставление города и деревни в деревенской прозе – не пространственный, а ментальный. Поэтому становятся возможными переходы пространственной границы между ними без губительных последствий для персонажей. Так, о юных певуньях-отпускницах, приехавших в родные места из обжитого ими города, в «Привычном деле» сказано: «Ничего городского не пристало к этим девчушкам...» [3, с. 57] Правда, такие случаи у Белова исключительно редки, городской образ жизни обычно сказывается на его персонажах-переселенцах весьма ощутимо.

Во-вторых, в произведениях данного тематического направления традиционно сложившемуся деревенскому образу жизни часто противостоит не город как таковой, а бюрократические органы власти, с городом связанные «по смежности», по вертикальной иерархии, идеологически зашоренные, не учитывающие действительного положения колхозного крестьянства и потребностей сельских жителей, не знающие или не желающие знать особенностей труда на земле. В повести «Привычное дело» эти органы представлены уполномоченным, проявляющим повышенный интерес к наглядной агитации на ферме, а не к реальному состоянию дел на ней, уличающим Ивана Африкановича в незаконной заготовке сена и пытающимся сделать из него осведомителя. Показательно, что бюрократический способ хозяйствования, основанный на абсолютизации отчетности и показухе, порождает гротескные ситуации вроде той, когда в пересохший колодец взят бочками воду из реки, чтобы показать районному начальству эффективность ставшего ненужным насоса. Бюрократический подход к положению дел на селе демонстрирует и «четвертая власть», воплощенная в образе корреспондента «городской», разумеется, газеты. Представители нижнего уровняластной иерархии, наиболее близкие к рядовому колхознику (председатель соседнего колхоза, разрешающий Дрынову покосить сено на своей территории; начальник районной милиции, освобождающий из КПЗ нужного в страдную пору тракториста Мишку Петрова), лучше понимают драматизм его социального положения и готовы дать ему послабление и оказать содействие в меру своих сил и возможностей, вопреки существующим постановлениям и даже букве закона. Тем самым конфликт между ассоциируемой

с городом властью и сельским жителем несколько ослабляется, хотя и не настолько, чтобы быть «снятым».

Во-третьих, у ряда «писателей-деревенщиков» налицоствует стремление не абсолютизировать противопоставление города и деревни, а сгладить, смягчить, ослабить его. Так, «терзаемый гранями между городом и селом» лирический герой Николая Рубцова признавался, что ему «хочется как-то сразу жить в городе и в селе» [12, с. 155]. Близкий Белову по духу, связанный с ним крепкими дружескими узами Василий Шукшин писал: «Сколько ни ищу в себе «глухой злобы» к городу, не нахожу. Вызывает злость то, что вызывает ее у любого, самого потомственного горожанина. Никому не нравятся хамоватые продавцы, равнодушные аптекари, прекрасные зевающие создания в книжных магазинах, очереди, теснота в трамваях, хулиганье у кинотеатров и т. п.» [19, с. 11].

Мнение Белова по данному вопросу было более категоричным, но оно не оставалось неизменным на протяжении его творческого пути, претерпело заметную эволюцию. В одном из ранних рассказов писателя герой-повествователь, скорбя по поводу печальной участи уходящей в прошлое под напором городской цивилизации дорогой его сердцу «тихой родины», убеждает самого себя: «Может быть, так оно и надо? Исчезают деревни, а взамен рождаются веселые шумные города...» [2, с. 272]. Но довольно скоро Белов пришел к твердому убеждению, что «так не надо», а образ «веселого шумного города» сменился у него образом места, не благоприятствующего проявлению фундаментальных ценностей бытия, ассоциируемых с деревней. В этом он разошелся и с Рубцовым, и с особенно близким ему Шукшиным, отношения с которым, несмотря на духовное родство между ними, не были свободны от разногласий на мировоззренческой почве [4]. Оба исповедовали принцип, согласно которому ценности, созданные в процессе многовекового труда на земле, более значимы для человечества, чем те, которые создавались в отрыве от него. Шукшин высказывал «рискованное», на его взгляд, иозвучное представлениям Белова суждение о том, что «грань между городом и деревней никогда не должна до конца стереться», что «крестьянство должно быть потомственным», что «некая патриархальность, когда она предполагает свежесть духовную и физическую, должна сохраняться в деревне». В то же время он откращивался от «желания оставить (остановить) деревенскую жизнь в старых патриархальных формах» [19, с. 12], признавая неизбежность, оправданность и даже благотворность внедрения в нее плодов городской цивилизации. Позиция Белова в вопросе о влиянии города на деревню была более ригористичной, о чем свидетельствуют его публицистические статьи и материалы многочисленных интервью. Но поскольку и он, и его друг Шукшин – художники, об их взглядах следует судить прежде всего по написанным ими произведениям.

Герой Шукшина (тот человеческий тип, на котором сосредоточено его внимание как художника) находится в ситуации «между городом и селом», которая в интерпретации писателя является ситуацией «экзистенциально-маргинальной», а не «культурно-промежуточной» [5, с. 257]. Попытки шукшинских чудиков внедрить своими неординарными поступками в сельскую жизнь элементы и поведенческие принципы городской культуры по сути дела являются выражением стремления к личностному самоутверждению, к человеческому «самостоянию». Односельчане Алеша Бесконвойного (героя одноименного рассказа) воспринимают его манию устраивать для себя по субботам свободные от колхозных работ и домашних забот банные дни как нелепую в сельских условиях блажь, уместную разве что на какой-нибудь фабрике, где процесс производства и выходные дни подчиняются установленному графику и не зависят от погодных условий. Сам же Алеша относится к дорогим для него субботним баням как к возможности отвлечься от будничной суеты, обрести душевный покой, побывать наедине с самим собой, поразмышлять о смысле жизни, о любви, об истинных ценностях бытия. Есть среди неспешных дум героя и показательные для Шукшина и невозможные у Белова сравнения «исконно» городской и прошедшей «искус» в городе сельской «культурности»: «... нет зазнавшего человека, чем свой, деревенский же, но который выучился в городе и опять приехал сюда. <...> Городские, те как-то, умеют, собаки, и культуру свою показать, и никого не унизить. Он с тобой, наоборот, первый поздоровается» [20, с. 411].

Персонажи, подобные шукшинским «чудикам», встречаются и у Белова, но они находятся на периферии художественного мира писателя, не наделяются статусом героя. Его герой – человек, прочно укорененный в сельском быту, придерживающийся вековых крестьянских традиций, расценивающий деревенскую среду как единственную возможную для себя, как норму человеческого существования. Попытки же персонажей нарушить устоявшийся «лад» этой среды, заявить о своем праве на личностное самоопределение, на поступок «по собственному разумению», противоречащий сложившейся традиции, расценивается как повод для авторского дистанцирования от них. Он как раз и находится, в отличие от героя Шукшина, в ситуации «культурно-промежуточной». Так происходит с Иваном Андреевичем из рассказа «Новострой» (публиковался также под заглавиями «Упрямец» и «Лавки долой»), «хорошим и умным в общем-то человеком», но ставшим всеобщим посмешищем, чуть ли не дурачком в глазах односельчан. Одержаный стремлением к «прогрессу», к «городской культуре», он бездумно рушит в собственном, построенном и устроенном по образцу северного деревянного зодчества доме все, что так или иначе может быть обусловлено потребностями крестьянского быта: лавки, полати и даже печь.

У Василия Шукшина персонаж, одержимый «комплексом Герострата» есть. Это бригадир Шурыгин из рассказа «Крепкий мужик», который сносит «оживлявшую» деревню церковку ради того, чтобы будущие поколения помнили о нем. Но ситуацию с беловским персонажем Шукшин, скорее всего, интерпретировал бы иначе. Страсть к нововведениям по городскому образцу могла быть истолкована им как «чудинка», не заслуживающая безусловного порицания. В поведении Ивана Андреевича доминирует не намерение рушить, а желание преобразовать традиционный деревенский быт в соответствии с веяниями времени. С точки зрения Белова – это социокультурный вандализм. С точки зрения Шукшина – позыв к сотворению блага, принявший экстравагантную и не совсем уместную в данных социальных условиях форму. И, если пользоваться упомянутыми ранее понятиями, Иван Андреевич, по Шукшину, – «экзистенциально-маргинальный», а не «промежуточно-культурный тип», персонаж, существующий на границе сельской и городской культур и внутренне, ментально детерминированный этим пограничным состоянием.

Следует в данной связи отметить, что «маргинальность» здесь не оценочная категория, наделенная негативными коннотациями. Это квалификация социального явления, получившая философское обоснование во второй половине XX столетия. В специальных работах и справочных пособиях она трактуется как «пограничное положение личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающее при этом определенный отпечаток на ее психику и образ жизни». Постмодернизм отождествил ее со «стремлением к новому на пути отрицания всевозможных культурных стереотипов и запретов, унифицирующих власть всеобщности, “безразличия” над единичностью и уникальностью» [15, с. 397]. В таком понимании она обнаруживает типологическую, а возможно, и генетическую связь с романтической концепцией двоемирия, актуализирующей интерес к герою, находящемуся на границе двух миров – в трансцендентном, этническом или социальном планах. Последнее, в свою очередь, дает повод к обнаружению историко-культурных корней у персонажей Шукшина.

Герой, соответствующий концептуальным установкам Белова, воплощающий его представления о «норме» человеческого бытия, как уже отмечалось, находится не на границе между деревней и городом, а в семантическом центре мира деревни. Для него город – чуждое пространство, подобное нетопленой печи, которая «не греет, не тешит» (3, с. 101). Авторское отношение к другим персонажам, их место в системе персонажей определяется положением относительно границы, близостью к ней или удаленностью от нее – как по эту, так и по ту сторону.

Мишка Петров и Митька Поляков, не будучи героями повести «Привычное дело», играют, тем не менее, в ее внут-

реннем мире немаловажную роль и являются двигателями фабульного действия. Мишка Петров приобретает привезенную Иваном Африканычем в сельпо из района в числе других товаров репродукцию картины Рубенса, которая шокирует сельчан изображением нагих тел, и помещает ее на стекло кабины своего трактора. Отпускник Митька Поляков, возмущенный отношением начальства к колхозникам и покорностью земляков, привозит накошенное тайком Иваном Африкановичем сено в деревню и выгружает его на поветь. Дашка Путанка, на которой Мишка недавно женился, уничтожает «из ревности» репродукцию. Тот, выйдя из себя, пытается своротить трактором баньку вместе с мывшейся в ней ревнивицей в реку. Уполномоченный вызывает участкового милиционера, они осматривают сдвинутую с места баньку, обнаруживают в ней незаконно накошенное для личных нужд сено, проводят обыск всех поветей в деревне, и Иван Африканович лишается заготовленного на зиму корма для столь необходимой его многодетной семье коровы. Он поддается на уговоры Митьки и, получив необходимую для отъезда из колхоза справку, отправляется с шурином на заработки в Заполярье. Во время его недолгого отсутствия, жена Катерина пытается воспользоваться полученным вдруг разрешением покосить в течение одного дня для личных нужд и гибнет от апоплексического удара. После ее смерти семья Ивана Африкановича рассыпается.

Таким образом, Мишка Петров и Митька Поляков становятся по ходу развития действия, то вольными, то невольными виновниками непоправимых бед, обрушившихся на эту семью, инициаторами и вершителями событий, приведших к глубоко драматическим последствиям. Они выступают в произведении как парные персонажи, действующие заодно и взаимодополняющие друг друга. Однако их персонажный статус в повести различен, и различие это определяется положением по отношению к той границе, которая разделяет «свой» мир деревни и внеположный ей «чужой» мир, в состав которого, как наиболее значимая его часть, входит город.

Если семантический центр мира деревни представлен у Белова Иваном Африканычем, Катериной, Евстолией, стариком Куровым, кузнецом по прозвищу Пятак, то Мишка Петров, будучи для односельчан «своим», находится, тем не менее, на периферии этого мира, у самой его границы, поскольку базовые, основополагающие ценности этого мира им разделяются лишь частично или игнорируются вовсе. Особое положение Мишки в мире деревни определяется уже тем, что он по роду занятий – тракторист, человек, безусловно, в колхозе нужный, но не укоренный глубоко в традиции крестьянствования. Трактор пришел в деревню в 1920-е годы, как следствие индустриализации сельского хозяйства СССР, которая основывалась на идее решительного отказа от старой, дореволюционной системы хозяйствования и

протекала драматично. «Поэт деревни» Сергей Есенин глубоко скорбел по поводу того, что «живых коней победила стальная конница» («Сорокоуст», 1920). С другой стороны, в получившей широкую известность в годы коллективизации песне «Прокати нас, Петруша на тракторе» столкновение между новым и старым было представлено как конфликт между пашущим «поля коммуны» трактористом и «разобиженными на его счастливую долю» кулаками. В любом случае «стальной конь» воспринимался как символ наступления цивилизации на село, как дар промышленно развитого города отсталой, нуждающейся в коренных преобразованиях деревне. Представление это воплотилось в расхожем суждении: «Деревня городу – хлеб, город деревне – трактор». (Сюжетно-образное развертывание этого суждения см., напр.: 7) Василий Белов, по его признанию, всегда тяготел к технике, но как писателю ему была ближе есенинская нота, которая отчетливо проявилась в созданном в пору работы над «Привычным делом» рассказе «Кони» (1964). Как художник он предпочитал «стальному коню» коня живого, верного помощника крестьянина на протяжении сотен лет.

Мишка Петров ведет себя более свободно и развязно, чем другие жители деревни, и обусловлено это не только присущими ему чертами характера, но и его положением механизатора по отношению к рядовым колхозникам. Он может беззаботно отсыпаться после ночного гуляния, в то время как его нетерпеливо ждут собравшиеся спозаранку на сенокос бабы (глава «На бревнах»). Ему, как крайне необходимому в летнюю страду специалисту, дается послабление начальником районной милиции – отработать пятнадцать суток в своем же колхозе, на своем же тракторе (глава «На всю катушку»), то есть, по сути дела, понести наказание формально, без пребывания в заключении. Формально, не покрестьянски, он порой относится и к своему труду. На этой почве у него возникает острый, едва не переросший в драку конфликт с Иваном Африкановичем во время пахоты под озимый сев (глава «Вольный казак»), с характерным для равнодушного исполнителя своих обязанностей обвинением в адрес болеющего за результат напарника: «Везде тебе больше всех надо».

Противостоит Мишка Ивану Африкановичу и как убежденный, последовательный «антисемейственник», категорически не приемлющий никаких доводов в пользу женитьбы от людей постарше (глава «На бревнах»). Его ухаживания за девушками из района и отпускницами из города окрашены в юмористические тона, а эпизоды сватовства к Нюшке и женитьбы на Дашке Путанке фарсово снижены. Ему органически не свойственно стремление к созданию по-крестьянски прочной, основанной на общих интересах и взаимном уважении семьи. Он – вечный ухажер, единственный на всю округу кавалер и гармонист, деревенский ловелас, склонный прида-

вать отношениям с противоположным полом необязательно-игровой характер. Примечательно, что в повести нет упоминаний о его родителях и родственниках. С бытовой точки зрения ситуация невероятная, в плане художественном – значимая, важная для формовки образа «антисемейственника».

Мишка старательно поддерживает репутацию удальца, которому море по колено, бравирует своей отчаянностью, готовностью на проделки, хотя некоторые из них противоречат принятым нормам поведения в крестьянском сообществе. То он на спор выхлебывает ложкой блюдо водки с хлебным крошевом, то, демонстративно пренебрегая нравственными понятиями и эстетическими вкусами деревенской публики, украшает кабину своего трактора картинкой с изображением нагих тел. В его изложении даже откровенные неудачи, вроде позорно завершившегося сватовства к Нюшке, приобретают вид забавных приключений, о которых можно рассказать, потешая слушателей и упиваясь ролью владеющего вниманием публики доморощенного балабола-юмориста. Несмотря на то, что над ним время от времени посмеиваются, отношение к нему как к лихому парню остается неизменным. А Иван Африканович восхищенно именует его «всем Мишкам Мишка».

Дело в том, что вызывающие поступки Мишки Петрова хотя и не заслуживают безусловного одобрения, но за рамки допустимого в жизни деревни поведения не выходят. Они расцениваются окружающими как кураж, состояние, определяемое словами «смелость», «задор», «развязность», а также «озорство», «похвальба», «ломание» [14, столб. 1855, 1856]. С ними в один ряд могли бы быть поставлены и «блажь», и «безудерж». И все эти дефиниции в той или степени манере Мишки вести себя соответствуют. В начале XX века склонностью к куражу нередко наделялись персонажи произведений авторов так называемой «крестьянской плеяды» (И. Е. Вольнова, И. М. Касаткина, С. П. Подьячева, С. Т. Семенова). Куражливость свойственна некоторым персонажам Шукшина. В «Привычном деле» ее неожиданно обнаруживает даже «смирный» Иван Африканович, когда в подпитии разгоняет веселящуюся у бревен компанию (глава «Фигуры»). Постоянство, с которым она воспроизводится в произведениях о деревне, свидетельствует о том, что в ней находит выражение «необходимость в жизни человека «развязки» – веселья, «игры», праздника» [9, с. 89]. Поэтому кураж Мишки Петрова может быть осмыслен не как эксцесс, а как характерная черта традиционного деревенского быта. А сам он, несмотря на «фигуры», куражливо выписываемые перед односельчанами, почитается ими за «своего».

В отличие от своего подельника Митька Поляков находится не по эту, а по ту сторону границы между «своим» миром деревни и противостоящим ей «чужим» миром. По происхождению он «свой», деревенский, хорошо знакомый

местным жителям и имеющий здесь мать, сестру, шурина и многочисленных племянников. По «манере понимать вещи», по поступкам – «чужой», не разделяющий тревог и забот земляков, не признающий основополагающих для крестьянина-труженика ценностей. «Братец пустоголовый» – с горечью аттестует его сестра Катерина. Прибыв на родину в качестве отпускника, Митька проповедует, демонстрирует и навязывает землякам принципы, заимствованные им, матросом дальнего плавания, из жизни портового города и совершенно не соответствующие условиям существования послевоенной колхозной деревни. Ментальных корней, которые привязывали бы его к месту, где он «родился и пригодился» бы, как Иван Африканович, или даже Мишка Петров, у него нет. По образу жизни Митька – перекати-поле («Нынче здесь, завтра там», – как пелось в широко известной песне). Евстолья сетует на то, что ее сын «весь измотался, работает по разным местам, да и бабы все переменные...» [3, с. 38] Но сам он оценивает свое положение в жизни иначе и не считает себя заслуживающим материнского сочувствия по данному поводу. Напротив, по Митькиным понятиям, сочувствия и сожаления заслуживают его земляки, обреченные на тяжелый и почти безвозмездный труд, на полуниценское существование, зависимые от произвола начальства разных уровней, не имеющие права свободно переезжать с места на место. Более того, по отношению к ним он испытывает чувство превосходства, поскольку их заботы, тревоги, сомнения и упования ему «до лампочки». Перспектива исчезновения деревень его не тревожит и даже радует. Деревенских жителей, ведущих, по его убеждению, бесполезный и недостойный человека образ жизни, пора «разогнать», а будь его воля, то он «все деревни бензином облил, а потом спичку чиркнул» [3, с. 79]. Сказано это Митькой в пьяном угаре, но его суждения являются отзвуком проводимого партией и правительством во второй половине 1950–первой половине 1960-х годов курса на «преодоление различий между городом и деревней», на укрупнение аграрных предприятий, на ликвидацию «неперспективных деревень». Вердикт о «неперспективности» в Митькиной интерпретации выглядит так: «Дак ведь от вас все равно что от душного козла, ни шерсти, ни молока...» [3, с. 79]. По сути, это соответствует логике правительенных постановлений, апеллирующих к экономической неэффективности подлежащих ликвидации деревень. Не случайно в потенциальных поджигателях Митька числится не только себя, но и начальство, на местах проводящее политику вышестоящих органов. В сюжетном плане его инвективы в адрес не заслуживающей права на существование деревни значимы как мотивировка его легкомысленного вмешательства в установившееся на данный момент положение дел, в отношения между властями и колхозным крестьянством.

Образ мышления Митьки делает его «чужим» в крестьянской среде, хотя сам он – выходец из этой среды. Ему чужды обе ипостаси современного труженика села – и исконно крестьянская, имеющая многовековую традицию, и колхозная, сформированная при советской власти. В его социально-психологическом облике просматриваются черты, характерные для блатного мира: презрение к человеку труда, бесшабашность в добывании и трате денег, склонность к авантюризму, пренебрежение нравственными принципами, отсутствие устойчивых ценностных ориентиров, нелады с законом, отношение к жизни как к гулянию «на всю катушку», безоглядное манипулирование судьбами других людей. В данном отношении показательным индикатором является блатная жалостливая песня о «младом жулике», исполняемая Митькой и не совсем понятная деревенским слушателям, привыкшим к песням иного рода (глава «Фигуры»).

По отношению к землякам Митька выступает в роли искусителя, сбивающего с пути истинного. Искушает он их ложными радостями и ценностями, не соответствующими их истинным потребностям и интересам, импортированными с той стороны «границы». Однако его разворотливость, ухватистость, независимость в обращении с начальством, щедрость могут, вопреки здравому смыслу, вызвать даже прихотливо сочетающуюся с осуждением симпатию к нарушителю заведенного издавна порядка деревенской жизни: «...бабы с восхищением [выделено мною. – С. Б.] ругали его: “Принес леший в самый-то сенокос, ишь харю-то отъел. Только мужиков смущает, сотонаолосатый”» [3, с. 77]. А Иван Африканович, используя уже примененную им по отношению к другому лицу дефиницию, мог бы назвать жениного братца, «всем Митькам Митькой»: «Иван Африканович не мог надивиться на шурина. Пес, не парень, откуда что и берется? Приехал гол как сокол, даже и чемодан в дороге упек. Недели не прошло – напоил всю деревню, начальство обляял, Мишку сосватал, корову сеном обеспечил. И все будто походя. Так уж ловко у него все выходило, что Иван Африканович только моргал да качал головой и боялся близко к нему подходить, такой он разворот взял, лучше не подступаться» [3, с. 85].

Восхищение здесь не случайно сопряжено с опаской, Иван Африканович интуитивно чувствует, что «разворот», взятый Митькой, чреват бедой, и что «всем Митькам Митька» не чета «всем Мишкам Мишке», хотя они вроде бы одного поля ягоды, действуют заодно и характерами как будто схожи. По отношению к обоим бабы применяют именования нечистой силы: Мишку называют «бесом» и «сотоной» [3, с. 16], говоря о Митьке, поминают «лешего» и «сотону». Это, конечно, распространенные в деревенском быту эмоционально окрашенные формы оценки поведения объекта высказывания, лишенные собственно «мистического» смысла. Однако благодаря ассоциативным связям во внутреннем мире произведения такой

смысл может коннотативно (не фабульно, а образно) актуализироваться (яркий пример тому – рассказ о блужданиях Ивана Африкановича по горелому лесу). Касается это, прежде всего, не Мишки Петрова, а Митьки Полякова, в образе которого ощутимо проявляются черты бесовщины, тиражированные фольклором и литературой.

К числу таких черт относятся: ловкость и легкость, с которой шурин Ивана Африкановича вершит дела, затруднительные для сельчан; «пропаганда» беспечного жития и веселия в противовес заботам о добывании хлеба насущного в поте лица своего; невосприимчивость к средствам «колдовского» воздействия (эпизод с приворотным зельем Дашки Путанки); перевод базовых жизненных ценностей в денежный эквивалент («прение» с Иваном Африкановичем о покупном и непокупном); подмена себя «двойником» (отбывание срока в заключении Митькиным однофамильцем); эротическая самопрезентация (использование руководства по половой жизни вместо удостоверения личности); преподнесение «даров» и «благ», имеющих отрицательные последствия для тех, кто их получил; осмеивание явлений, ситуаций и положений, имеющих для местных жителей, к ним причастных, отнюдь не комическую значимость (хотят «изо всей правды, по-настоящему» в ответ на сетования по поводу безотрадных перспектив ведения подсобного хозяйства).

Что касается Митькиного смеха, то он имеет двойственную, амбивалентную природу. У него, этого смеха, два объекта, находящихся на противоположных полюсах деревенской жизни. Первый объект – местные власти, от которых Митька относительно независим как городской житель, и нелепые репрессивные мероприятия, проводимые этими властями по отношению к зависимым от них колхозникам. Смех, направленный на этот объект, – сатирический, имеющий социальную окраску. Второй объект – сами угнетаемые властями колхозники, покорно-зависимый образ жизни которых вызывает Митькино негодование и презрение. Смех по отношению к этому объекту – саркастический. И есть в Митькином смехе еще один аспект, обозначенный им самим фразеологизмом «до лампочки» и охватывающий всю жизнь как «привычное дело» в целом. Эту сторону смеха можно определить как экзистенциальную, обусловленную отрицанием положительного смысла в человеческом существовании, противопоставленную тому мировоззренческому принципу, который выражен в повести словами Ивана Африкановича: «И все добро, все ладно. Ладно, что родился, ладно, что детей народил» [3, с. 39]. Поэтому Митькин хочет, отрицающий понимание как блага той жизни, которую ведут (по-Митькиному, влачат) Иван Африканович и ему подобные, имеет инфернальный оттенок, в чем-тоозвучный сомнениям, «искушению небытием» пережитым Иваном Африкановичем во время поиска выхода из леса. Показательно, что Митькин

«соратник» Мишка Петров встречает полумертвого от голода, обессилевшего после блужданий по лесу Ивана Африкановича – также хохотом, нелепым ситуативно и, хотя и неумышленно, циничным по отношению к тому духовному опыту, который обрел герой произведения во время пребывания в «инишином», «потустороннем» мире, на грани жизни и смерти.

То, что фигура «искусителя» Митьки не лишена своеобразного обаяния как для персонажей повести, так и для автора, и для читателей, обусловлено ее многомерностью, наличием в ней противоположных качеств, обеспечивающих ей социально-психологическое жизнеподобие, художественную убедительность. Качество, резко выделяющее Митьку среди сельчан, вызывающее восхищение баб – это акцентированная маскулинность. Действие повести отнесено к тому времени, когда демографические последствия войны еще давали о себе знать весьма ощутимо. В социуме, особенно в сельском, остро ощущался дефицит мужской составляющей. В деревне, где живет Иван Африканович, он – единственный мужчина, побывавший на фронте и вернувшийся живым. Остальные лица мужского пола здесь – старики или дети. Исключением является только Мишка Петров, родившийся в военные или первые послевоенные годы и своей исключительностью лишь подчеркивающий «обезмужичивание» современной ему деревни. В этих условиях Митька Поляков демонстрирует односельчанам качества, традиционно соотносимые с аксиосферой мужского: авантюризм, агрессивность, смелость, волю к сопротивлению, «волю к власти», способность к добыванию материальных благ, желание перемен, требование справедливости, применение смеха как средства дискредитации «инстинкта должного» (санкционированных норм поведения), контролируемую сексуальность (использование персонажем противозачаточных средств) [об этих составляющих аксиосферы мужского см.: 10; 11]. К перечисленным чертам можно отнести и лидерство в собранной самим же Митькой мужской компании, что соотносится с ролью атамана в локальном сообществе деревенских парней [18]. Правда Митькино атаманство довольно условно и не лишено пародийного колорита. Компания, которой он верховодит, состоит преимущественно из старииков и пожилых людей, а не из молодых парней, как должно бы быть, и проявляет она себя исключительно в попойке «до положения риз».

В системе персонажей «Привычного дела» акцентировано маскулинный Митька противопоставлен занимающему центральное место в этой системе Ивану Африкановичу, в характере которого аксиологически значимые мужские свойства выражены приглушенно, ослабленно. Почти все мужские качества из приведенного выше перечня ему не свойственны и если проявляются, то недостаточно четко и эпизодически. Это дало повод для того, чтобы отказать беловскому герою, как, впрочем, и другим ключевым персонажам деревенской прозы, именоваться личностью. А позиция автора, создающего по-

dobnye obrazы, interpretirovalasь tak: «Личность отрицается. Не ценность личности, не права личности, не свобода личности, а – личность, само явление. Понятие «личность» утрачивает право на существование – лишается содержания, становится пустым звуком, ничего не обозначающим» [8, с. 19]. По этой логике выходит, что Митька Поляков в гораздо большей степени личность, чем Иван Африканович. Данная точки зрения была многократно оспорена с использованием разнообразных аргументов, в том числе и отсылок к проблеме толкования самого понятия «личность». Но, может быть, наиболее весомый аргумент в защиту Ивана Африкановича был приведен самим В. И. Беловым: «...выжить в деревне, выстоять в такой обстановке как раз и могли только такие; другие же, сильные и деятельные, давно либо сгнили в тундре, либо уехали в города» (письмо В. В. Петелину от 12 апреля 1966 года. Цит. по: 13, с. 249).

Таким образом, Иван Африканович в понимании его создателя – своего рода герой времени и места, особенности характера которого не могут быть объяснены, оправданы и оценены без учета тех исторических условий и той социокультурной среды, в которых они сформировались и проявились. Но у образа Ивана Африкановича есть и надвременное измерение. В этом персонаже, продолжающем ряд «смирных» героев русской литературы, противоположных «бунтарям», «ниспровергателям», «преобразователям» и «отрицателям», воплощено представление писателя об устойчивом, неуничтожимом ядре русской жизни, ассоциируемом с крестьянством. «Органическая причастность к общей жизни» Ивана Африкановича обусловила то, что «глубоко выстраданное собственное жизнеощущение сплавлено в этом человеке с тысячелетним опытом народа» [1, с. 7].

Тот внешний по отношению к деревенскому мир, из которого пришел в неурочный сенокосный час Митька, для Ивана Африкановича – мир «инишный», живущий по неприемлемым для него правилам и законам, в чем-то подобный гибельно опасному лесу, по которому он блуждал. Что же касается двух персонажей, названных в заглавии статьи, то в свете всего сказанного Мишка Петров может быть охарактеризован как «свой с задатками чужого», а Митька Поляков – как «чужой, по происхождению свой». Основная функция обоих персонажей – выявить «от противного» черты той «нормы» крестьянского существования, которая воплощена в образе Ивана Африкановича Дрынова, главного героя произведения.

Литература

1. Белая, Г. А. Художественный мир современной прозы / Г. А. Белая. – Москва : Наука, 1983. – 191с.
2. Белов, В. И. На родине / В. И. Белов // Собрание сочинений : в 7 т. / Василий Белов. – Москва, 2011. – Т. 1. – С. 270-272.

3. Белов, В. И. Привычное дело : повесть / В. И. Белов // Собрание сочинений : в 7 т. / Василий Белов. – Москва, 2011. – Т. 2. – С. 5-126.
4. Варламов, А. Два Василия: Шукшин и Белов, или История одной дружбы / А. Варламов // Беловский сборник / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2016. – Вып. 2. – С. 5-23.
5. Вертиб, Е. А. Русское – от Загоскина до Шукшина : опыт непредвзятого размышления / Е. Вертиб. – Санкт-Петербург : Библиотека "Звезды", 1992. – 403, [1] с.
6. Воронина, Т. Н. Город и горожане в повести В. И. Белова "Привычное дело" / Т. Н. Воронина // Беловский сборник / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2016. – Вып. 2. – С. 40-47.
7. Зилов, Л. Н. Что сделал трактор / Л. Н. Зилов. – Москва: Новая Москва, 1925. – 16 с.
8. Левина, М. Апофеоз беспочвенности : «онтологическая» проза в свете идей русской философии / М. Левина // Вопросы литературы. – 1991. – № 9-10. – С. 3-29.
9. Макина, М. А. Творчество крестьянской плеяды в русской литературе начала XX века и «деревенская проза» наших дней / М. А. Макина // Русская литература. – 1980. – № 2. – С. 73-91.
10. Морозов, И. А. «Мужской элемент» или в поисках «мужского»: несколько слов от составителя / И. А. Морозов // Мужской сборник. «Мужское» в традиционном и современном обществе. Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации «мужского». Мужской фольклор / сост. И. А. Морозов, отв. ред. Д. В. Громов, Н. Л. Пушкарева. – Москва, 2004. – Вып. 2. – С. 5-12.
11. Окладникова, Е. А. Аксиосфера мужского / Е. А. Окладникова // Мужской сборник. «Мужское» в традиционном и современном обществе. Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации «мужского». Мужской фольклор / сост. И. А. Морозов, отв. ред. Д. В. Громов, Н. Л. Пушкарева. – Москва, 2004. – Вып. 2. – С. 13-24.
12. Рубцов, Н. М. Душа хранит : избранная лирика / Н. Рубцов. – Москва ; Вологда : Классика : Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина, 2016. – 319 с.
13. Сазонов, Г. А. Сияние слова Василия Белова : встречи, беседы, воспоминания / Г. Сазонов. – Вологда : Интелиинформ, 2019. – 366, [1] с.
14. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 5. И-К / ред. А. М. Бабкин. – Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1956. – 1918 с.
15. Усманова, А. М. Маргинальность / А. Р. Усманова // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск, 2001. – С. 593-594.
16. Фарино, Е. Введение в литературоведение : учебное пособие / Е. Фарино. – Санкт-Петербург : Изд РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.

17. Шукшин, В. М. Позови меня в даль светлую : повести и рассказы / В. Шукшин ; предисл. С. Р. Федякина. – Москва : Эксмо, 2004. – 670, [1] с.
18. Холодная, В. Атаман / В. Холодная // Мужики и бабы : мужское и женское в русской традиционной культуре : иллюстрированная энциклопедия / науч. ред. И. И. Шангина. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 17-20.
19. Шукшин, В. М. Вопросы к самому себе : [сборник] / Василий Шукшин. – Москва : Молодая гвардия, 1981. – 256 с. : ил.
20. Шукшин, В. М. Рассказы / В. М. Шукшин. – Москва : Художественная литература, 1984. – 511 с.

**О. А. Кобякова
А. Г. Сидорова
г. Череповец**

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ДОБРО/ЗЛО» В ЛИРИКЕ БАТЮШКОВА

В статье рассматривается концептуальная оппозиция «добро/зло» в лирике Константина Николаевича Батюшкова. В работе выявлено ядро, приядерная зона и периферийная зона концептов «добро/зло».

Ключевые слова: добро, зло, концепт, лирика, оппозиция.

**O. A. Kobayakova
A. G. Sidorova
Tcherepovets city**

CONCEPTUAL OPPOSITION «GOOD/EVIL» IN BATYUSHKOV'S LYRICS

The article examines the conceptual opposition «good/evil» in the lyrics by Konstantin Nikolaevich Batyushkov. The core, the pronuclear zone and the peripheral zone of the concepts «good/evil» are manifested in this article.

Keywords: good, evil, concept, lyrics, opposition.

Когнитивное направление – сравнительно недавно сложившееся направление лингвистики. По мнению Е. С. Кубряковой, оно основывается на том, что «язык позволяет наиболее естественный доступ к сознанию и является одним из наиболее характерных типов когнитивной деятельности» [8, с. 105].

Подобный подход предоставляет возможность увидеть анализируемые единицы как результат взаимодействия языка, культуры, мышления, описать их, обращая особое внимание

на национально-специфические характеристики, что не всегда удается сделать в рамках традиционного подхода [7, с. 83].

Под когнитивной деятельностью принято понимать процесс концептуализации фрагментов объективного мира.

Концепт представляет собой концентрат культуры и опыта народа «как бы сгустки культурной среды в сознании человека» [10, с. 43]. Но, с другой стороны, концепт – это «то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [13, с. 34].

Концепт (от лат. *Conceptus* – мысль, понятие) – смысловое значение имени, т.е. сущность понятия, где объектом выступает предмет (денотат) этого имени (так, например, Луна имеет значение естественного спутника Земли)» [4, с. 339].

Р. М. Фрумкина определяет концепт как «вербализованное понятие, отрефлексированное в категориях культуры» [14, с. 23].

«Концепт – культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [6, с. 48]. Однако концепт не непосредственно возникает из значения слова, а «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [9, с. 4]. Он имеет эмоциональную, экспрессивную, оценочную стороны.

Исходя из определений данного понятия, хочется отметить, что концепт – наименьшая составляющая человеческого опыта, выраженная посредством слова, это – важнейшая единица хранения и передачи информации.

В сознании человека структура концепта возникает благодаря общению с миром при помощи органов чувств, деятельности человека, ментальным операциям, посредством сознательного восприятия языковых единиц.

Структура концепта включает в себя:

- основной (актуальный) признак;
- дополнительный (пассивный, исторический) признак;
- внутреннюю форму (обычно не осознаваемую) [13, с. 16].

Современная лингвистика большое внимание уделяет изучению природы различных концептов. Исследователи пытаются выявить их содержательную сторону, образование и функционирование в системе языка. Рассмотрение различных оппозиций в языке (добро-зло, жизнь-смерть) позволяет расширить представления о мире человека: отношение его с обществом, этические и философские стороны его менталитета. Каждый писатель по-разному раскрывает особенности оппозиций, в творческом мире писателя реальный мир представлен в новой ипостаси, поскольку проходит через призму индивидуального творческого восприятия.

В рамках концептуальных полей отдельные концепты могут образовывать различные группы, в том числе и оппозиции.

Под оппозицией принято понимать объединение двух различных объектов (концептов), «связанных <...> таким образом, что мысль не может представить один, не представив другой. Л.А. Новиков утверждал, что единство оппозитивных членов всегда формируется при помощи понятия, содержащего оба противоположных и разлагающихся на эксплицитную оппозицию, когда оно относится к конкретной действительности.

Таким образом, концептуальные оппозиции – это такие объединения концептов, которые построены на антонимичности наиболее общего и частных содергательных признаков и средств их выражения (при обязательном наличии общего семантического компонента). Например, свой-чужой, свет-тьма.

В число основных объединений этического наполнения входит концептуальная оппозиция «добро-зло», которая имеет свое особое содержание, поскольку была вербализована из фольклорных текстов. Эти концепты являются базовыми. Добро и зло рассматриваются как общие понятия морали, предельно полярные характеристики человеческого мира.

В настоящее время возрос интерес исследователей к изучению теории концепта. Этому посвящены работы Н. Ф. Алеференко, Ю. Д. Апресяна, З. Д. Попова, Д. С. Лихачева, Т. И. Вендиной.

Все исследователи сходятся в мысли о том, что добро и зло являются базовыми понятиями в языковой картине мира, которая в свою очередь интерпретируется как сумма накопленных человеком знаний по мере освоения им бытия.

Исследованию концептов «добро-зло» посвящены труды Л. В. Лотри, Н. Ю. Моспановой, Н. Ю. Кириллиной, однако нет работ, которые были бы посвящены изучению концептов «добро-зло» в творчестве К. Н. Батюшкова.

Классическая оппозиция «добро-зло» в творческом наследии К. Н. Батюшкова представлена в нетрадиционной форме:

Гремит повсюду страшный гром,
Горами к небу вздуть море,
Стихии яростные в споре,
И тухнет дальний солнца дом,
И звезды падают рядами,
Они покойны за столами,
Они покойны. Есть перо,
Бумага есть и – все добро!
Не видят и не слышат
И все пером гусиным пишут!

[3, Т. 1, с. 75]

Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был Вожатай неизменной?..

[3, Т. 1, с. 165]

Наследственным добром свои насыти взоры,
Такие завели друг с другом разговоры....
[3, Т. 1, с. 241]

Ядром концепта «добро» является одноименная лексема. Приядерную зону указанного концепта составляют дериваты одноименной лексемы: прилагательное *добрый*, существительное *доброта* и существительное *добродетель*:

Без злата и честей
Доступен добрый Гений
Поэзии святой и часто, в мирной сени,
Беседует со мной.
[3, Т. 1, с. 207]

Любезно дружество, любезна добродетель,
Невинность чистая, любовь, краса сердец
[3, Т. 1, с. 343]

Периферийная зона концепта *добро* достаточно широко представлена в языке поэтических произведений К. Н. Батюшкова. Одним из основных репрезентантов концепта *добро* в художественном пространстве К. Н. Батюшкова является слово *благо*, а также его дериваты и композиты, включающие в свой состав корень -благ-:

Души поэтов свойство:
Идя забвения тропой,
Блаженство находить мечтой....
[3, Т. 1, с. 337]

К востоку обратясь, в восторге говорит:
«Отец и царь благий, прости мне ослепленье»
[3, Т. 1, с. 362]

Вещай, зачем прите? Блаженство ль хочешь пить,
Утешить сирую и слезы осушить...
[3, Т. 1, с. 362]

Сказал: «Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вкушает рай...»
[3, Т. 1, с. 172]

Как сладко жизнь, твое для смертных обольщенье!
Я в будущем мое блаженство основал,
Там пристань видел я, покой и утешенье –
И все с Лаурою в минуту потерял!
[3, Т. 1, с. 383]

Нет смерти сердцу, нет ее!
Доколь оно для блага дышит!
[3, Т. 1, – 424]

Проведенный обзор показал, что частотность производных слов с корнем -благ- чрезвычайно велика в художественном пространстве К. Н. Батюшкова. Нами зафиксировано более двадцати слов, от производящей основы -благ-. Так, К. Н. Батюшков использует прилагательное *блаженный*. Его семантический объем в языке лирики поэта шире, нежели это отражено в современных толковых словарях. Значение слова, зафиксированное в толковых словарях, в художественном

пространстве К. Н. Батюшкова расширяется благодаря лексическому окружению и контексту и приобретает следующие значения: 1) счастливый, 2) спокойный, 3) живущий в единении, 4) мечтающий. Именно в контексте создаются условия для расширения объема семантической структуры той или иной лексемы.

Представляется также интересным использование К. Н. Батюшковым существительного *благость*:

Прости и на меня излей своей рукой
Источник радости и благости святой!
[3, Т. 1, с. 362]

В данном контексте лексема представлена в значении «святость», «райское счастье».

Весьма значительную группу в творчестве К. Н. Батюшкова представляют сложные слова с корнем *-благ-* и *-блаж-*: *благодать, благословить, благословение, благополучно, благодарить, благовоние, благодарить*:

Бледна, как лилия в лазури васильков,
Как восковое изваянье;
Нет радости в цветах для вянущих перстов,
И суетно благоуханье.
[3, Т. 1, с. 416]

Исследование показало, что функционирование слов с корнем *-благ-* и *-блаж-* в языке лирики Батюшкова высока, как и разнообразие сем исследуемого корня.

Рассмотрев наиболее значимые для языка лирики Батюшкова лексических единиц с корнем *-благ-*, следует отметить особенность: концептуальное поле «добра» расширяется за счет семантики репрезентирующих его лексем с корнем *-благ-*.

Лексико-семантическое поле данного понятия расширяется и углубляется, прирастая дополнительными значениями.

Лексема «счастье» и его дериваты в языке произведений Батюшкова не только является репрезентантами концепта «добро», но и привносят в него дополнительные смысловые оттенки, углубляют его содержание, помогают лучше представить оппозицию добро-зло:

Там хижину свою поэт дворцом считает
И счастлив! Он мечтает...
[3, Т. 1, с. 337]

За счастьем мы бежим, но редко достигаем,
Бежим за ним волгом – и в пропасть упадаем....
[3, Т. 1, с. 341]

Часы крылаты! не летите,
Ах! счастье мигом хоть продлите!
[3, Т. 1, с. 354]

В поэзии Батюшкова счастье сопряжено с понятием «миг» (счастье – понятие временное) и с понятием «мечта» (человек может быть счастлив лишь в мире своих грез).

Необычными с точки зрения традиционных синонимических отношений является использование поэтом существительного «веселье» в качестве аналога понятия «добро». «Веселье» синонимично лексеме «счастье»:

Певец веселия, Гораций,
Ты в песнях сладостно мечтал....
[3, Т. 1, с. 337]

Еще более значимым репрезентантом понятия «добро», с нашей точки зрения, в поэзии К. Н. Батюшкова является прилагательное «веселый» и наречие «весело». Эти лексемы достаточно частотны в творческом наследии поэта, часто встречаются в окружении лексем «блаженство», «мечта», «счастье»:

Веселый и любви своей летописатель,
Беспечность полюбя, забыл и Геликон.
[3, Т. 1, с. 183]

На наш взгляд, интересным также является употребление Батюшковым лексемы «истина». «Истина» является дополнением понятия «добро»:

Святая истина в стихах моих блистала
И музой мне была, но правда глаз нам жжет.
[3, Т. 1, с. 343]

Поэт-это человек, который должен говорить людям правду.

Таким образом, примечателен «переход» столь значимого для поэта понятия из концептуального поля «добро» в поле «зло». Концепты, которые существуют в языке как полярные оппозианты, обладают своей спецификой: взаимообусловленностью, взаимозависимостью, способностью к взаимо-переходам друг в друга.

Лексема «зло» является доминантой словообразовательного гнезда, к которому относятся слова «злость», «злоба», злой. По данным словаря А. Н. Тихонова, в это гнездо входит 146 слов. Репрезентантами оппозиции «добро-зло» в поэтических произведениях К. Н. Батюшкова являются одноименные лексемы, синонимы данных лексем и их дериваты.

В языке произведений К. Н. Батюшкова нами зафиксированы следующие словоформы с корнем -зл- : существительное зло (2 единицы):

Любовь жестокая, источник зол твоих,
Явилася тебе среди палат златых....
[3, Т. 1, с. 357]

Прилагательное «злой» (6 единиц):
Сей старец, смертных злое бремя,
Желанный всеми, страшный всем....
[3, Т. 1, с. 200]

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
[3, Т. 1, с. 186]

«Злоба» встречается в наследии Батюшкова всего 1 раз:
Злоба не связывает, но разлучает...
[3, Т. 2, с. 64]

В лирике К. Н. Батюшкова не употребляется лексема «зловещий», однако картины действительности, которые рисует порой поэт, – страшные и зловещие. Автор часто заменяет лексему «зловещие» лексемой «ужасные» и «страшные»:

Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту...
[3, Т. 1, с. 172]

Таким образом, наиболее частотной единицей у Батюшкова является лексема «злой». Это объясняется тем, что она имеет достаточно сложную семантическую структуру, реализующую все отрицательные коннотации языковой единицы.

Следует отметить, что прилагательных-репрезентантов у концепта «зло» значительно больше, чем у концепта «добро». Объясняется это характерной для русского языка особенностью: слов, репрезентирующих концепт «зло» значительно больше, чем тех, которые представляют концепт «добро». В данной связи Т.И. Вендина пишет о пессимизме духовной русской культуры [5, с. 47].

Сегодня современная лингвистика обращается к изучению различных концептов, сопоставляя при этом разные языки. Но даже в рамках одного концепта, в рамках художественного пространства одного автора рассмотрение оппозиционно представленных концептов позволяет углубить и расширить понимание структуры внутреннего мира человека.

В качестве репрезентанта концепта «зло» следует рассматривать и ЛСГ с общей семой «жестокость». Есть основания считать, что лексемы «злой», «яростный», «жестокий» можно объединить в один синонимический ряд, который будет строится на градационном принципе. В репрезентации данного концепта участвуют лексемы, относящиеся к разным частям речи: существительное «стыд» и «гнев», «горесть», «рок», глаголы: «клясть» (в значении «бранить»), сердиться, прилагательные «жестокий», «яростный», «несчастный»:

Клянет тебя, клянет и разум тщетный свой,
И в страхе скажет он: «Смиряюсь пред Тобой!»
[3, Т. 1, с. 340]

Зато, увы! И горесть люту
Терпел от рока и людей
[3, Т. 1, с. 341]

Бедняга и поэт, и нелюдим несчастный,
Дамон, который нас стихами все морил
[3, Т. 1, с. 343]

Понятие «зло» в поэтическом мире Батюшкова связано с понятием «ад». Ад для поэта возможен не только в загробной жизни. Ад там, где нет мечты, где нет творчества и вдохновения.

Репрезентантами концепта «зло» в условиях контекста в поэтических произведениях К.Н. Батюшкова могут выступать и другие семы с семенным множителем «тоска, печаль, грусть, горе» и их дериваты, репрезентирующие концепт «зло»

и характеризующие различные его стороны с помощью различных семантических «приращений».

Следует отметить, что значение слова реализуется в контексте, причем контекст – это объединение слов, которое развивает заложенные в значениях потенции.

В языке поэтических произведений К. Н. Батюшкова в качестве репрезентации концепта «зло» используются существительное «печаль». Данная лексема встречается в окружении эпитетов «легкая, дивная», тоска – «смертельная», «жестокая».

Среди единиц, составляющих периферию (как ближнюю, так и дальную) концепта зло в языке поэтических произведений К.Н. Батюшкова, выделяются:

слова, относящиеся к определенным лексико-семантическим группам:

– с имплицитной семой 'злословие': *клевета, ложь, обман* и др.;

– с общей семой 'предательство': *предать, измена, отступник, неверная*;

– с общей семой 'гибель': *смерть, умереть, убить, убийца, мертвый, почтить*.

Таким образом, каждый писатель по-разному раскрывает особенности мировоззренческих оппозиций, в творческом мире писателя реальный мир всегда представлен в новой ипостаси, поскольку проходит через призму его восприятия. Центральное место в языковой картине мира русского народа занимают концепты, связанные с морально-нравственными качествами человека. В рамках концептуальных полей отдельные концепты могут образовывать различные группы, в том числе и оппозиции. Концептуальные оппозиции – это такие объединения концептов, которые построены на антонимичности наиболее общего и частных содержательных признаков и средств их выражения (при обязательном наличии общего семантического компонента), например – свой-чужой, свет-тьма. Поэтический текст – это сложная организация, в которой существует комплексная организация языковых средств, поэтому и необходим многоаспектный анализ при анализе поэтического текста. Анализ поэтических текстов конкретного поэта позволит сделать вывод о восприятии мира поэтом и о том, как важные для народа концепты и понятия отражены в творчестве конкретного автора.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. В 2 томах. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – Москва: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
3. Батюшков, К. Н. Сочинения. В 2 томах / К. Н. Батюшков. – Санкт-Петербург, 1885-1887. – 2 т.
4. Большой академический словарь русского языка. М.; СПб.: Наука, 2006.

5. Вендина, Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры / Т. И. Вендина. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2007 – 336 с.
6. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 351с.
7. Козырева, О. А. Когнитивные аспекты исследования лингвокультурологического поля (на материале поля дом\жилье): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / О. А. Козырева. – Москва: МГОУ, 2003. – 21 с.
8. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – Москва: ЛиброКом, 2009. – 208 с.
9. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН СССР. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, №1. – С. 3-9.
10. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа / сост. А. Д. Кошелев. – Москва: Гнозис, 1994.
11. Словарь русского языка. В 4 т. / АН СССР; Институт русского языка. – Москва: Русский язык, 1985 – 1988 – 4 т.
12. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – 250 с.
13. Степанов, Ю. С. Основы общего языкоznания / Ю. С. Степанов. – Москва: Просвещение, 1975. – 271 с.
14. Фрумкина, Р. М. Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика / [Редкол.: Кузнецов А. М. (отв. ред.), Трошина Н. Н.]. – Москва: ИНИОН РАН, 1992. – С. 33-41.

К. В. Кашинцева
г. Вологда

ОБРАЗЫ И МОТИВЫ ВОЛОГОДСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

Статья посвящена изучению поэтики вологодских стихотворений И. Анненского. Через призму особенностей поэзии Серебряного века проводится анализ текстов, выявляются индивидуальные особенности творчества поэта и черты, свойственные поэзии начала XX века.

Ключевые слова: лирический образ, мотив, символизм, акмеизм, новаторство.

CHARACTERS AND MOTIFS IN THE VOLOGDA VERSES OF INNOKENTIY ANNENSKIY

The article is devoted to studying of poetics of the Vologda verses of I. Annenskiy. Through the prism of particularities of the Silver Age poetry the author performs the analysis of texts, identifies individual features of the poets creativity and features typical to the beginning of the XX-th century poetry.

Keywords: lyrical character, motif, symbolism, acmeism, innovativeness.

В мае 1906 года Иннокентий Федорович Анненский посещает несколько населенных пунктов Вологодской губернии. В его отчетах и подписях под стихотворениями мы находим упоминания трех городов: Вологды, Тотьмы и Грязовца. Большинство произведений датировано так: «Вологодский поезд». По приезде Иннокентия Федоровича в губернский центр в газете «Северная земля» появилось сообщение: «На днях прибыл в Вологду окружной инспектор из министерства нар. просв. г. И. Анненский – для каких надобностей, пока не известно. Ученикам городского училища уже давно внушалось о скором приезде «ревизора» [1]. Он инспектирует четырехклассное городское училище, мужскую и женскую гимназию и реальное училище, в Грязовце – женскую прогимназию, что было отмечено в отчете Анненского, который был адресован «Его Сиятельству г. Попечителю С.-Петербургского Учебного Округа графу Бобринскому» и датирован 16 мая – 25 мая 1906 года. В Вологде Анненский остановился в гостинице «Золотой Якорь», которая в те времена располагалась на Московской улице, ныне – Советский проспект, 6.

19 мая 1906 года в письме к своему близкому другу, Екатерине Максимовне Мухиной, Иннокентий Федорович утверждает, что написал уже три стихотворения, однако на самом деле к концу командировки их было гораздо больше. Всего Анненский отметил девять стихотворений: «Träumerei» датировано «Ночь с 16 на 17 мая 1906, Вологодский поезд»; «Просвет» – «Под вечер 17 мая. Вологодский поезд»; «Мысли-иглы», «Опять в дороге», «Ель моя, елинка», «Колокольчики» – «30 марта 1906, Вологодский поезд»; «Я на дне» – «20 мая. Вологда»; «О нет, не стан, пусть он так нежно-зыбок» – «19 мая 1906»; «Черная весна» – «Тотьма. 19 марта 1906».

Можно ли объединить эти произведения в лирический цикл? Исследователь Ю.В. Бабичева отмечала, что «поскольку автор не узаконил вологодскую коллекцию стихов в качестве жанрового монолита (цикла), никому уже не позволено сделать этого категорично» [4, с. 431]. Поэтому под «вологодскими» стихотворениями поэта мы будем понимать те, которые датированы как написанные в Вологодской губернии. Вместе

с тем отметим, что объединяющим семантическим ядром всех вологодских текстов является мотив подведения итогов жизни, поэтому, на наш взгляд, целесообразно рассматривать их и как лирический цикл.

В Вологде поэт в первую очередь обращается к темам любви и смысла жизни, в стихотворении в прозе «Мысли-иглы» появляется тема поэта и поэзии.

В стихотворениях вологодского периода «Träumerei» и «О нет, не стан...» ведущей является тема любви. Если в «Träumerei» лирический герой с трепетом вспоминает о лунной ночи мая, проведенной с любимой, то в «О нет, не стан...» с горькой иронией говорит о бессмысленных теперь балах и ушедшем чувстве. Он одиноко сидит в переполненном зале и видит, как к его возлюбленной подходит кавалер в маске короля и танцует с ней. Образы Тени, Смерти, Короля («Зову мечтой я звуки Парсифала, / И Тень, и Смерть над маской короля...» [здесь и далее стихи цит. по: 2]) субъективно-абстрактны, словно являются проявлениями мира Идей в мире земном. Это вмешательство негативно влияет на жизнь лирического героя. Поэтому он, отгородившись от пустых разговоров современников, «зовет мечтой звуки Парсифала». Вероятно, имеется в виду опера Ричарда Вагнера, не исключена также аллюзия на роман в стихах Вольфрама фон Эшенбаха с одноименным названием. Стихотворение «О нет, не стан...» «вещно», акмеистично. Образы и эпитеты точны, передают несовершенство этого мира: «банально-пестрой», «влажный блеск малиновых улыбок», через метафору «страдания холодной змеи» раскрывается «подноготная» человеческих чувств, их жгучесть и едкость.

«Träumerei» – совершенно противоположное произведение. В его основе – воспоминания о самом чудесном и вдохновляющем чувстве – о первых волнениях любви. Заглавие (в переводе с немецкого – «мечта, грезы») определяет ведущий пафос текста. Центральный образ стихотворения – образ сада, в котором наиболее явно раскрывается мир Идей. Именно там лирический герой был наиболее счастлив со своей возлюбленной, и это воспоминание постепенно размылось в его памяти. Многочисленные образы теней, лучей, бликов, мечтаний по-символистски неясны, но эта неясность, туманность обуславливается состоянием лирического героя, искренностью его переживаний, мироощущением одинокого человека.

Стихотворения «Просвет» и «Я на дне», несмотря на различие семантики заголовков, тождественны по пафосу и настроению лирического героя. «Я на дне, я печальный обломок» – в этом стихе раскрывается и мотив разломанности, одиночества, и мотив заточения. Лирический герой определяет свое местоположение как «дно», на него давит толща «зеленой воды». Цветопись здесь играет одну из ключевых ролей – зеленый невольно ассоциируется с болотом, тленностью, из которой «нет путей никому, никогда». Лирический герой не столько заточен, сколько «застеклен»: «Из тяжелых стеклянных потемок» – он видит все, что происходит в окружающем

его мире, но несколько искаженно, и не может никак взаимодействовать с внешними явлениями. «Помню небо, зигзаги полета» – герой Анненского находится внизу, вспоминая о том, что происходит наверху, пространство расширяется вверх. «Белый мрамор, под ним водоем» – это пространство уходит еще ниже той точки, в которой находится лирический герой. «Помню дым от струи водомета» – если вспомнить жизненные реалии, то можно заметить, что дым идет и вверх, и вбок, по направлению ветра, значит, пространство расширяется в сторону горизонта. Получается, что в стихотворении «Я на дне» одушевляется даже не сама статуя, а всего лишь ее обломок, который является своеобразным героем лирической миниатюры. Этот кусок мрамора, покоящийся под зеленой водой, наделен памятью об ином времени, об ином мире, гармоничном и прекрасном, и о свершившейся катастрофе.

Амплификация *«Ни зноя, ни гама, ни плеска»*, с которой начинается стихотворение «Просвет», представляет собой ряд достаточно абстрактных и размытых образов. Исключением не стал и ключевой образ – просвет, своеобразный луч света. Возникает ощущение, что свет выделяется не потому, что вокруг него темно (пейзаж достаточно светлый), а потому, что он, в отличие от «сплошной в туманной гряды», ясен, явно просвечивает сквозь туман. Мы видим рощу, которая «свежа и темна» и «от жидкого майского блеска таится», дымы. Однако герой Анненского не понимает, в каком времени он находится: «И день ли то пробует силы, / Иль это уж тихий закат». Закат как метафора конца жизни контрастирует с ее началом, лирический герой находится в пограничном состоянии, переживает своеобразный надрыв. Это характерно для лирики Анненского: в тот момент, когда герой испытывает сильнейшее эмоциональное напряжение, время утрачивает свои физические параметры. Тканью психологической жизни является длительность, непрерывная изменчивость состояний, которые незаметно переходят из одного в другое.

Образ пути в стихотворении «Опять в дороге» представляет собой слияние двух литературных значений: физическое движение вперед и духовное развитие. Одиночество остро ощущается как страшное – отсюда постоянная тревога, образ таинственных и, возможно, несущих опасность теней. Физически лирический герой движется по прямой, однако духовно – по кругу, его переживания – тоска, страх (поэтому это стихотворение включено в «Трилистник страха»), одиночество, предчувствие какого-то зла. Все сливается воедино: «А в дыме зимней ночи / Слился все углы...» – угол как символ столкновения несочетаемого, надрыва исчезает из жизни лирического героя, а фигура без углов, собственно, и есть круг. Все меняется с появлением образа деревенского паренька:

Без шапки, без лаптишек,
Лицо-то в кулачок <...>
Здоров ходить. Морозы,
А ни почем ему...

Этот акмеистски рельефный образ дурака словно вторгается в символистско-туманную канву стихотворения и прерывает меланхолические размышления лирического героя. До восьмого кратена направление произведения не иначе, как символистское: сквозной образ дымов, туманов, неясность образов, и словно связь лирического героя с миром Идей, его «заточение» в лунной тюрьме указывают на это. Однако затем появляется один из ключевых для творчества Анненского мотив – мотив стыда, совести: «И стыдно стало грезы <...> / Так стыдно стало страху». Страшное одиночество исчезает, на смену ему приходит спокойствие и гармония.

Ощущением собственной старости и утраты чувства причастности к жизни пронизано стихотворение «Ель моя, елинка». По интонации это произведение можно квалифицировать как «говорное», то есть такое, в котором лирический герой, а через него и автор, обращаются к собеседнику, находящемуся на близком расстоянии, рядом. Выражению этого смысла способствует также консонантизм: аллитерация глухих [ш], [к], [с], [т], [ст], тянувшаяся через все стихотворение, создает эффект шепота, сиплого старческого голоса – словно старый человек обращается к подруге своих лет. При чтении может показаться, что перед нами подражание фольклору: образ ели как родного дерева, образ зеркала («Если б ты видала / В ясные зеркала»), повторы, как лексические, так и рифмовые, анафора, – все это свойственно в той или иной степени устному народному творчеству. Однако во всем этом чувствуются и трагические нотки поэтики Анненского. «Анненский, несомненно, считал, что неблагополучие заложено в самой природе человека, обреченного смерти и разрушению. <...> Иногда он об этом неблагополучии говорит прямо, но чаще всего это именно окраска, тревожная атмосфера бытия в несправедливом, неправильно устроенном мире», – отмечала Л.Я. Гинзбург [5, с. 322]. То же и в стихотворении «Ель моя, елинка» – смерть и старость воспринимаются как нечто неизбежное, вплетенное в организацию бытия.

В стихотворении «Черная весна» мы можем видеть единение двух смертей: человеческой смерти и смерти зимы (отсюда оксюморонное звучание заглавия – «черная весна»). В каждом кратене часть строк посвящена человеку, а часть – природе. И на таких единениях и сочетаниях несочетаемого построено произведение. Ключевым является реалистичный образ мертвеца, Синекдоха «гулы меди» и анжамбеман «гробовой / творился перенос» придают «жутко задранному носу» еще большую важность и напыщенность. «Черная весна» напоминает бодлеровскую эпатажную «Падаль». Эстетизация смерти органично сочетается с ее трагизмом, поэты признают ее неизбежность и не могут отрицать ее страшной силы. Смерть здесь не предстает как нечто абстрактное, туманное, Анненский словно констатирует: вот человек умер, вот его тело. Точность и реалистичность пейзажных зарисовок без излишней таинственности словно усиливают это утверждение: «Последний снег был темно-бел, / И тяжелый

путь», «И только изморозь, мутна», «С облезлых крыш, из бурых ям, / С позеленевших лиц». Второй катрен побуждает размышлять о желаниях человека после смерти (такие мысли провоцирует риторический вопрос «Дыханья, что ли, он хотел / Туда, в пустую грудь?...»). Возможно предположение, что две заключающие строки четверостишия говорят не столько о природе, сколько о мгновении, начинающемся со времени смерти человека и заканчивающемся его попаданием на Божий Суд. Отсюда синестезия «рыхлый путь» и эпитет «снег был темно-бел». Черная весна, на наш взгляд, – это образ именно этого промежутка времени, образ надвигающейся кары и Суда.

Стихотворение «Колокольчики» Анна Ахматова называла ползуальным, и эту точку зрения сложно оспорить. По мнению Ю. В. Бабичевой, «колокола-колокольчики для Анненского – постоянный знак Вологды. Здесь они вызывают вечную, как мир, тысячу судеб тиражированную на Руси, почти тривидальную свадебную историю. <...> Только «рассказана» она в очень необычной форме. Вся «история» пропускает сквозь плотный звуковой фон «разбитного дробного звона» [4, с. 432]. Аллитерация [д'], [н'], [л'] органично сплетается с ассонансом [и], [а], [э] в первых тринадцати строках. Повторяющиеся «дило», «ладо» создает ощущение суетности жизни, беготни даже перед таким важным событием в жизни человека, как свадьба. Суетным «дило», «ладо» на фонетическом уровне противопоставлены «коло», «оло», иначе говоря, полногласные сочетания. Если же мы посмотрим на семантику слов, содержащих эти звуки, то увидим «поражающие» ряды. Все слова, содержащие [д'], [н'], [л'] и [и], [а], [э] – ложные ценности: «Деньгами, деньгами», «Лиде шубу завели», «Дида Ладу золотили», «Пила, пила, пила», «Диду пива не дала». Слова с полногласием – истинные ценности, более важные занятия: «Накололи, намололи», «Лопотуны налетали», «Лопотали-хлопотали». В стихотворении слова и звуки идут по группам, то есть сначала повторяются исключительно «суетные», потом «спокойные». Такое чередование происходит два раза. Количественное же отношение строк составляет 45:24, то есть 1,875. Примерно во столько раз суета в жизни человека, по Анненскому, превосходит духовное совершенствование.

В произведении «Мысли-иглы» – первом стихотворении в прозе – И. Ф. Анненский в метафорической форме размышляет о роли поэта и поэзии, о влиянии своего творчества на последующие поколения творцов. В грезах старой ели, от лица которой ведется лирическое повествование, появляется образ другого, «высокого и гордого», дерева: «Это будет поэт, и он даст людям все счастье, которое только могут вместить их сердца. Он даст им красоту оттенков и свежий шум молодой жизни...» Вспомнит ли новое дерево « чахлую ель? Неизвестно. Но оно вырастет на почве, состоящей из ее опавших «мыслей-игл», которые «с болью и мукой» срываются с веток.

На «почве» творчества И.Ф. Анненского выросло не одно поколение поэтов. А. А. Ахматова писала об Иннокентии Анненском: «Я не хочу сказать <...> что все подражали ему. Но он

шел одновременно по стольким дорогам! Он нес в себе столько нового, что все новаторы оказывались ему сродни» [2, с. 149]. Глобальные изменения в представлениях о мире, которые в философии теоретически были оформлены гораздо позже, Анненский воплотил уже в начале XX века. Своеобразное мироощущение способствовало тому, что в его поэзии появились новые приемы воплощения лирической эмоции, отличные от символистских. Особенности видения действительности повлияли на поэтику акмеистов, не случайно они провозгласили его своим предтечей.

Вологодские стихотворения – своеобразная квинтэссенция творчества Анненского. В них нашли свое отражение темы, волновавшие поэта всю его творческую жизнь: счастливая любовь и неразделенное чувство, надежда и разочарование, тоска, увядание, смерть.

Литература

1. Анненский, И. Ф. Письма. В 2 томах. Том 2. 1906–1909 / И. Ф. Анненский. – Санкт-Петербург : Галина скрипсит, 2009. – 528 с.
2. Анненский, И. Ф. Стихотворения и трагедии / И. Ф. Анненский. – Ленинград : Советский писатель, 1990. – 638 с.
3. Ахматова, А. А. Собрание сочинений. В 6 томах. Том 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью / А. Ахматова ; [сост., подгот. текста, comment. С. А. Коваленко]. – Москва : Эллис Лак, 2001. – 798 с.
4. Бабичева, Ю. В. Вологодский «цикл» Иннокентия Анненского / Ю. В. Бабичева // Вологда : краеведческий альманах. – Вологда, 2000. – Вып. 3. – С. 429-433.
5. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – Москва : Интранда, 1997. – 414 с.

О. Ю. Неволина
г. Вологда

ИЗУЧЕНИЕ ПОЭЗИИ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА В ШКОЛЕ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье обосновывается необходимость учитывать в школьной методике изучения поэзии И. Северянина ее иронический и игровой характер. Предлагаются приемы работы со «скрытыми пародиями» И. Северянина, пародиями на его тексты; обосновывается целесообразность такого аспекта работы при изучении литературы и культуры Серебряного века.

Ключевые слова: игра, ирония, скрытая пародия, стилизация, автопародия.

STUDY OF THE POETRY OF IGOR SEVERYANIN AT THE SECONDARY SCHOOL: METHODOLOGICAL CAPACITY

The article focuses on the ironic and play components of the poetry of Igor Severyanin and its study at the secondary school. The author suggests new ways of studying the «hidden parodies» in Severyanin's lyrics and parodies of him in the Russian poetry and reasons this approach for the general study of the Silver Age in Russian literature and culture.

Keywords: ironic and play components, hidden parody, pasticcio, selfparody.

*Он – в каждой песне, им от сердца спетой,
Иронизирующее дитя.
И. Северянин*

Изучение творчества Игоря Северянина в школе – вопрос в методике преподавания литературы не новый, а в педагогическом сообществе Вологодской области еще и особо востребованный, актуализированный содержанием регионального компонента предмета «Литература».

Череповецкий («староновгородский») край: Андога, Сойволя, Владимировка, Михайлово, Хохлово, Заозерье, Нелазское, станция Суда, Череповец, – где Игорь Северянин прожил с 9 до 16 лет и где почувствовал себя поэтом; литературный музей его имени, открытый в 1997 году во Владимировке (единственный в России мемориальный музей И. Северянина); большая научно-исследовательская и краеведческая работа ученых Вологодчины (конференции, посвященные столетию и стотридцатилетию со дня рождения Игоря Северянина) и многое другое объясняет особый интерес к преподаванию творчества поэта-земляка в школе, изучению его творческого пути и становления как поэта на нашей Северной земле [1, с.18-37].

В учебно-методических комплексах под редакцией В. Ф. Чертова, В. Я. Коровиной, Г. С. Меркина, Т. Ф. Курдюмовой, С. Ю. Баранова называются различные тексты для изучения: «Запевка», «Бунин», «Не завидуй другу», «Интродукция», «Эпилог», «Двусмысленная слава», «Сияет даль». В программе 11 класса под редакцией В. Я. Коровиной предлагаются стихотворения по выбору учителя и учащихся из сборников «Громокипящий кубок», «Ананасы в шампанском», «Классические розы», «Медальоны». Обращается внимание на поиски И. Северяниным новых поэтических форм, в том числе в преодолении футуризма, оригинальность словотворчества, эмоциональную яркость и музыкальность лирики. Думается,

что методический потенциал при изучении лирики И. Северянина в 11 классе этим не исчерпывается.

Идея нашей методической концепции состоит в том, что на материале поэзии Игоря Северянина можно глубже понять отдельные черты поэтики Серебряного века, к которому он принадлежал и особенности которого он выражал. Так, например, рефлексия поэта на тот или иной литературный факт с остранением от него – это основа иронического подтекста И. Северянина. И сам он говорил: «Допустим, я лирик, но я и ироник» [8, с. 265].

Поэт придает уже известным авторским словам, образам, мотивам новые (другие) смыслы, включает в иной литературный ряд. Аллюзии, реминисценции, пародии (в том числе автопародии), ирония, травестия – составляющие богатейшей игровой модели поведения поэта.

Жизнетворческое поведение поэта (творить из жизни легенду), поэтическое взаимодействие с предшественниками и современниками, оригинальный поэтический иронический эклектизм, игровой дискурс во многом объясняют популярность образа И. Северянина и его творчества в современной массовой культуре. Так, на сайте «Литературные пародии» [3] представлено несколько поэтических вариаций пародий текстов Игоря Северянина, многие из которых достаточно провокационны. Обратим внимание, что наиболее пародируемыми являются «Увертюра», «Ананасы в шампанском», «Это было у моря», «Кэнзели». Это ожидаемо, так как данные тексты – своего рода «позывные» И. Северянина.

В ходе работы с пародиями, предлагающими снижено-фарсовую интерпретацию северянинских строк, неизбежно поднимаются и табуированные темы, связанные с политической ангажированностью и острой провокационностью современных пародий. Тем не менее результаты сравнения данных текстов позволяют найти пародируемые элементы, определить пародийный модус, истоки которого обнаруживаются в творчестве самого поэта [2, с. 113-118].

Результатом такой работы (например, на факультативном курсе «Пародия в литературе Серебряного века») может стать творческое задание – конкурс «Пора популяризать изыски: моя стилизация в духе И. Северянина».

Анализ пародий позволяет наглядно выделить черты творческой индивидуальности поэта, сильные и слабые стороны, шаблоны и трафареты, искусственность и эпатажность и так далее. Эта работа требует внимательного прочтения оригинального текста, умения определить степень иронического или сатирического воспроизведения характерных черт отдельного произведения или писательской манеры и его стиля в целом.

Как правило, в школе не затрагивают вопросы происхождения таких характерных черт северянинского поэтического стиля, как эпатажность и салонность, дендилизм равнодушного гения, воспевание будуарно-ресторанной

жизни, манерность и пошловатая изысканность, поза томного гурмана-мещанина и т. п. Игровой талант И. Северянина был уникален даже для Серебряного века. Поэт сознательно разрабатывал ряд взаимосвязанных образов-ролей: эстет, денди, гений, король поэтов, мэтр. Образ поэта-артиста, играющего с читателем-зрителем, создавался как пародия на символизм и постсимволизм.

Сценическое амплуа русского Оскара Уайльда [5] было нарочито театрально: элегантный смокинг, свежий цветок в петлице, отрешенное выражение лица, пение стихов на французский грассирующий манер.

Именно это амплуа принесло широкую известность и коммерческий успех И. Северянину, а театрализованное, отстраненное эстрадное исполнение стало частью «северянинской легенды». Пародийность сыграла в этом особую роль: «И все его стихи – сплошное издевательство над всеми, и всем, и над собой» [9, с. 356].

Продуктивной представляется работа со скрытыми пародиями в творчестве самого И. Северянина в рамках факультативных занятий и при разработке индивидуально-творческих проектов школьников. В ходе этой работы предусмотрено знакомство учащихся с работами В. Л. Новикова, С. Н. Тяпкова, рассматривавших пародию в теоретическом и историко-литературном аспектах [6; 7].

Скрытая пародия – это текст, где «присутствует ощущимый смысловой второй план и узнаваемый стиль, достаточно легко считываемые по характерным художественным образам, мотивам, подбору лексики (иногда даже совпадает размер, способ рифмовки и интонация), но при этом адресат пародии прямо не назван в заглавии, подзаголовке или эпиграфе» [4, с. 118]. И здесь наиболее интересной фигурой становится К. Бальмонт (см. высказывание М. Горького: «Северянин – пародист Бальмонта»), хотя И. Северянин пародировал и З. Гиппиус, В. Брюсова, Ф. Сологуба, С. Надсона и др.

Таких скрытых пародий у И. Северянина больше всего, в частности, на стихи из бальмонтовского сборника «Будем как солнце». Сопоставительный анализ стихотворений К. Бальмонта «Гимн Солнцу», «Лунное безмолвие», «Восхваление Луны» и стихотворений И. Северянина «Рондели», «Солнце всегда вдохновенно», «Вдыхайте солнце», «Дифирамб», «Интродукция» позволяет выявить характерные черты сходства их поэтики: лунная и солнечная мифология, общие мотивы сна, грэзы, забвения, эстетика мига, нарциссизм, музыкальность.

Вопросы, которые мы предлагаем учащимся для обсуждения, могут быть следующие. Какие черты сценического амплуа К. Бальмонта утрированы в поэзии И. Северянина? Какие формы, жанры и жанровые разновидности пародирует И. Северянин? Какие мифологемы travestируются? Как в поэзии И. Северянина реализуется «критическая функция» пародии, которая «всегда направлена против «второго плана»,

причем критика содержательных сторон пародируемого объекта всегда ведется путем комического снижения элементов его формы» [7, с. 8]? Насколько востребованы в скрытых пародиях И. Северянина традиционные приемы литературной пародии: 1) огрубление, упрощение философских тем произведения; 2) стилистическое смешение лексики из разных языковых пластов; 3) приземление и профанация высших символов; 4) гиперболизация образов; 5) реализация метафор и т. д. Проследите прием «эффекта заклинания» (повторы, градация, ассонанс, аллитерация) у Бальмонта и Северянина, обозначьте пародируемые элементы.

Для самостоятельного знакомства могут быть предложены тексты И. Северянина, посвященные К. Бальмонту («Бальмонт» – 1918, «Сонет Бальмонту» – 1926, «Бальмонту» – 1927, «Бальмонту» – 1934) и отражающие эволюцию образа поэта от иронического «нестерпимо пышен», «во всем преувеличенно возвышен» до дружеского «поэт и брат!».

Антология «Русская литература XX века в зеркале пародии» дает интересный материал и для других сопоставлений текстов И. Северянина и его современников, подтверждая, что Серебряный век – это большой диалог поэтических школ, направлений, художественных систем. Идеологическая чувствительность И. Северянина, тенденция к поэтическому отражению, отклику на чужой «голос», поэтическое слово, звуковой рисунок, иногда даже жест отвечает традициям Серебряного века, с одной стороны, и отражает его творческую индивидуальность, с другой.

Рассмотрение пародийного, иронического (и самоиронического) модуса в поэзии и сценическом амплуа И. Северянина позволяет объяснить многие черты его творческой индивидуальности, проиллюстрировать игровой дискурс Серебряного века и уйти от прямолинейных оценок сильных и слабых сторон поэта. Работа с пародийными элементами текста формирует у учащихся привычку внимательного взглядывания в текст, привлечения контекста (в том числе контекста литературного быта) и в конечном итоге способствует воспитанию хорошего литературного вкуса.

Литература

1. Мальцев, М. Г. Северянинские места Череповецкого края / М. Г. Мальцев // "Согреет всех мое бессмертье..." : личность и творчество Игоря Северянина в культурном контексте XIX-XXI вв : сборник научных работ / [сост.: А. Е. Новиков, Е. Е. Соловьева]. – Череповец, 2017. – С. 18-37.
2. Минец, Д. В. Рецепция творчества Игоря Северянина в современной массовой культуре / Д. В. Минец // "Согреет всех мое бессмертье..." : личность и творчество Игоря Северянина в культурном контексте XIX-XXI вв : сборник научных работ / [сост.: А. Е. Новиков, Е. Е. Соловьева]. – Череповец, 2017. – С. 113-118.

3. Пародии на Игоря Северянина. – Текст : электронный // Литературные пародии : [сайт]. – URL: <http://litparody.ru/persons/severyanin-igor.html> (дата обращения: 19.11.2019).
4. Кузнецова, Е. В. Мифологемы К. Бальмонта в поэзии И. Северянина : подражание или пародия? / Е. В. Кузнецова // Русская литература. – 2019. – № 1. – С. 117-129, 272-273.
5. Кузнецова, Е. В. «Русский Оскар Уайльд» : сценический образ Игоря Северянина / Е. В. Кузнецова // Русская литература. – 2019. – № 3. – С. 140-153.
6. Новиков, В. Л. Книга о пародии / В. Л. Новиков. – Москва : Советский писатель, 1989. – 544 с.
7. Тяпков, С. Н. Русские символисты в литературных пародиях современников : учебное пособие / С. Н. Тяпков. – Иваново : Ивановский государственный университет, 1980. – 84 с.
8. Северянин, И. Полное собрание сочинений в одном томе / И. Северянин. – Москва : Альфа-книга, 2014. – 1241 с.
9. Бавин, С. П. Судьбы поэтов "серебряного века" / С. П. Бавин. – Москва : Книжная палата, 1993. – 475, [1] с.

Т. М. Димони
г. Вологда

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ПОКОЛЕНИЙ В РУССКОЙ ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕРЕВЕНЩИКОВ: ФЕДОР АБРАМОВ, «ПЕЛАГЕЯ» И «АЛЬКА»¹

В статье анализируются поколенческие ценности русских крестьян третьей четверти XX века. На материалах повестей писателя Ф.А. Абрамова «Пелагея» и «Алька» показана трансформация традиционных ценностей, перерождение патриархальной ментальности, движение в сторону «городских», «индустриальных» ценностных ориентаций.

Ключевые слова: деревенская проза, раскрепестьянивание, Россия, вторая половина XX века

T. M. Dimoni
Vologda city

A REFLECTION OF THE VALUES OF THE GENERATIONS IN THE RUSSIAN PROSE WRITERS-VILLAGERS: FEDOR ABRAMOV, «PELAGIA» AND «ALKА»

The article analyzes the generational values of Russian peasants of the third quarter of the twentieth century. On the

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00269.

materials of the novels of the writer F. A. Abramov «Pelageya» and «Alka» the transformation of traditional values, the rebirth of the Patriarchal mentality, the movement towards «urban», «industrial» value orientations are shown.

Keywords: village prose, peasantry, Russia, second half of the twentieth century

Яркая страница русской литературы второй половины XX века связана с феноменом деревенской прозы. Оформившись в конце 1950-х – 1960-е гг. это литературное течение сохранило высокую популярность практически до конца советского времени. Всей стране были известны имена писателей А. Яшина, В. Белова, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Тендрякова и др. Такая популярность была неслучайна. Деревенская проза отразила глобальные изменения в российском обществе, связанные с перемещением основной массы населения из деревень в города (в России перелом в этом процессе был зафиксирован в 1959 году), утратой важных слагаемых деревенской культуры (языка, быта, мировоззрения), которые ассоциировались, по сути, с концептом «русского народа».

Одним из наиболее популярных представителей деревенской прозы был Федор Александрович Абрамов. Ф. А. Абрамов родился в деревне Архангельской губернии в 1920 г. После школы обучался на филологическом факультете Ленинградского университета, участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен. После войны защитил диссертацию, посвященную творчеству М. А. Шолохова, стал выступать как публицист. Одна из самых знаменитых статей Ф. А. Абрамова на поприще литературоведа называлась «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954) [2]. В ней писатель изложил свое авторское художественное кредо, которого придерживался в дальнейшей творческой жизни. Свой художественный метод позднее Ф. Абрамов определил как стремление «быть предельно конкретным и достоверным», досконально воспроизводить «приметы эпохи», реалии быта – «как и чем жили люди, сколько зарабатывали, как одевались», «речевую стихию, на которой говорит время» [1, с. 110, 117]. Творчество Ф. А. Абрамова принимали по-разному. Например, реакция на очерк «Вокруг да около» (1963 г.) со стороны власти была довольно негативной. Роман же «Братья и сестры» (1958 – 1978 гг.) был принят с большой теплотой практически всеми жителями СССР.

Ф. А. Абрамов в своих произведениях поднимал множество проблем, связанных с изменением нравственных устоев общества. Такими произведениями представлена серия из двух взаимосвязанных повестей «Пелагея» (1969 г.) и «Алька» (1971 г.). Действие повестей происходит в 1960-е годы, которые сами по себе были очень значимыми в истории России. Это было время окончательного выхода страны из состояния аграрного общества, утверждение общества индустриального

типа. Сельское население (в частности, колхозники) становились полноправными членами советского общества – в начале 1960-х гг. произошло освобождение от крестьянских повинностей [3], началось их включение в систему социального страхования (пенсионное обеспечение, больничные листы и пр.), в начале 1970-х гг. произошла полная паспортизация сельских жителей. В то же время в России быстрыми темпами шло раскрепощивание, связанное как с внутренними деревенскими процессами, так и с отъездом населения из деревни. Были утрачены традиции крестьянского ведения хозяйства (связанные с известной натуральностью), особенности религиозной жизни, демографические характеристики [4].

Повести посвящены судьбам матери и дочери Амосовых из глухой деревни, расположенной на Европейском Севере России. Дополнительную значимость повестям о судьбах матери и дочери придает поколенческая динамика. Ф. А. Абрамов описывает женщин как типичных представителей разных поколений со своими ценностями и смыслами. В этом плане его подход выглядит очень современным, так как изучение истории поколений сегодня одно из самых востребованных гуманитарных направлений. Под поколением в демографическом смысле обычно понимают группу людей, близких по возрасту. В историческом же смысле наиболее интересным представляется, по выражению К. Мангейма, «дух поколения». Последний возникает как результат формирования ценностей у людей, которые в молодости прошли через одни и те же исторические события. В результате этих переживаний у людей одного поколения возникает центральная проблема – своеобразный смысл жизни: проблема, которую они решают всю жизнь, и в зрелом, и в пожилом возрасте [6].

В этом смысле основные этапы жизненного пути в матери и дочери Амосовых совершенно разные. По основным вехам биографии матери, Пелагеи Амосовой, описанным в повести «Пелагея», можно вычислить, что родилась героиня в начале 1920-х годов, автор описывает ее работу в колхозе, ожидание мужа с войны, упорное желание добиться «хлебного» места – стать «пекарихой» в колхозе. Особый драматизм борьбе за должность Пелагеи придает то, что, добившись всеми правдами и неправдами своей цели, работать на деревенской пекарне она начала в трагичном 1947 году. Этот год в истории России, да и всего Советского Союза, ознаменовался масштабным послевоенным голодом, число жертв которого, по подсчетам историка В.Ф. Зимы, составило около 1 млн. человек, в том числе 0,5 млн – в России [5]. В повести о Пелагее пекарня описывается как сакральное место, описанию хлеба уделено также большое внимание: «...мазала постным маслом на сахаре... Тогда буханку любо-дорого в руки взять. Смеется, да ластится. Сама в рот просится». «Хлебная» религия Пелагеи, как следует из повести, вовсе не котировалась в сытые времена 1960-х годов, пришедшие на смену полуголодной послевоен-

ной жизни. И в этой новой жизни авторитет сельской пекарихи Пелагеи сходит на нет. Ф. Абрамов показывает место Пелагеи в деревенской иерархии очень оригинально и, вместе с тем, исторически оправданно – через институт сельских гостеваний. Традиция ходить в гости по большим праздникам – советским и семейным – оставалась важной практически весь советский период, причем соблюдалась эта традиция не только в деревне, но и в городской среде. Имело значение, что хозяйка могла выставить на стол – у Пелагеи «стол справили – пальцев не хватит на руках, чтобы все перемены пересчитать: три рыбы <...> три каши, три киселя, да мясо жирное, да мясо постное». В повести место в деревенской иерархи показано именно через приглашение в гости к людям разного ранга. Сама Пелагея отказывается пойти в гости к сестре мужа, рядовой колхознице, однако с радостью откликается на приглашение в гости к «уважаемому человеку» Петру Ивановичу, который «худых гостей не позовет, не такой он человек, чтобы всякого вином поить». В гостях у Петра Ивановича собирались «головки: председатель сельсовета да председатель колхоза <...> председатель сельпо с бухгалтером, потом начальник лесопункта <...> Потом пойдет народ помельче: пилорама, машина грузовая, Антоха-конюх, но и без них, шаромыг, шагу не ступишь». Переживания Пелагеи касаются лишь выделенного на празднике места: «место им досталось неважное – с краю, у комода и не на стульях с мягкой спиночкой, а на доске – скрипучей полатнице, положенной на две табуретки. Но Пелагея и этим местом была довольна».

Одной из возможностей реализовать свой прошлый высокий, а ныне утраченный статус Пелагея видит в возможном выстраивании удачной жизненной траектории для своей дочери – Альки, через которую «им, Амосовым <...> суждено когда-нибудь по-настоящему выйти в люди». Сокращенная форма имени вместо полного имени Алевтина употребляется в повестях Ф. Абрамова не случайно, оно как бы противостоит довольно основательному и тяжелому материнскому имени Пелагея. Алька родилась, видимо, в конце 1940-х годов, выросла, что было для деревни редкостью (в связи с последствиями Великой Отечественной войны), в полной семье, ее отец Павел был колхозником, участником Великой Отечественной войны, одно время работал бригадиром (что подчеркивает высокий в прошлом социальный статус семьи). Об Альке Ф. Абрамов рассказывает немного: мы узнаем, что учеба ей дается неважно и что примерно с тринадцати лет она пользуется большой популярностью у противоположного пола: «А у Альки единственная забота, которую она в охотку делает, это вертеться перед зеркалом да красу на себя наводить». Читатель видит Альку в основном на праздниках: домашних посиделках, деревенских танцах. Ей «везде хотелось ухватить кусок радости». Она везде в центре внимания, молодая, легкая, яркая. Такой образ дочери вызывает у матери одновременно и

отторжение, и гордость. Отторжение – потому, что мало занята трудом, хотя и не отлынивает от домашней, да и от колхозной работы. Гордость – потому что дочь привлекает всеобщее внимание. Пелагея надеется удачно выдать дочь замуж, желательно за «городского». Найти городского жениха вообще являлось в деревенской среде одной из типичных форм социальной мобильности. Отправляя дочерей в города, сельские жители стремились уберечь их от тяжелой, в основном ручной, женской деревенской работы. Ведь преобладающей работой для женщин на селе была работа в полеводстве и животноводстве, остававшаяся во многом немеханизированной.

В противостоянии героинь Ф. Абрамов усматривает проблему ценностей поколений. В центре его внимания такие нравственные вопросы, как отношения между мужчиной и женщиной, отношение к труду, отношение к дому и др. Основатель глубинной психологии К. Юнг считал эти точки архетипическими, т.е. теми, на которых строятся основы общечеловеческой символики [7]. Ф. Абрамов, как тонко чувствовавший автор, не случайно включил именно эти сюжеты в рассказы о судьбах дочери и матери. Писатель многократно подчеркивал трепетное отношение Пелагеи к семье, ее супружескую верность: «проводя мужа на войну – а было ей тогда девятнадцать лет, – Пелагея сказала: «На меня надейся. Никому не расчесывать моих волос, кроме тебя». И как сказала, так и сделала». Однако часть сюжета подчеркивает драматичность такого отношения Пелагеи к мужу. Был в жизни Пелагеи случай, о котором она никогда не говорила, старалась забыть. В борьбе за ключевое, как ей казалось в голодные годы, место сельской пекарни, она встретилась и «дала выспаться на своих волосах» Олеше-рабочему, от которого зависело назначение. Этот случай мучил ее и потому, что были сомнения в отцовстве самого дорогого – ее дочери.

Алька же не утруждала себя такими понятиями как «женская верность». Из повестей мы узнаем, что «первый раз Пелагея накрыла Альку за шалостью, когда та училась еще в пятом классе». Такое поведение дочери подрывало патриархальные представления деревни о женской нравственности, как писал Ф. Абрамов, создавало предпосылки «для дурной славы». Однако младшее поколение вовсе не видело в этом проблемы, наоборот, переехав в город и став официанткой в ресторане, Алька использовала свои женские чары для получения определенной материальной выгоды – за ее способ обслуживания давали неплохие чаевые, как она сообщала, «девяносто рэ чистенькими каждый месяц, ну и сотняга – это уж само мало – чаевые».

Другая часть противопоставлений поколенческих ценностей раскрыта Ф.А. Абрамовым через образ «Дом». Дом и «добро» были для Пелагеи сосредоточием всех мирских ценностей, она старалась, чтобы он выглядел «всем на зависть»: «Углы у передка обшиты тесом, покрашены желтой краской,

крыша новая, шиферная <...> крылечко по-городскому, стеклом заделано – да с таким домом и в городе не последним человеком будешь». В доме для дочери копились сундуки «добра» – тканей «крепдешинов, ситцев». Автор оправдывает свою героиню: «Разве виновата она, что третья жизни своей голодала? В тридцать третьем году у кого померли отец и брат с голодухи? А во время войны? А после войны, когда на ее глазах исчах ее сын, ее первенец? И был один во все эти годы товар, на который можно было достать кусок хлеба – тряпки». Алька же ценности дома совершенно не чувствует. Без сожаления покинув родной дом и возвратившись в деревню после похорон матери, она скорее побаивается опустевшего и осиротевшего дома: «Два дня у Альки ушло на распродажу отрезов на платья, самоваров и прочего добра, нажитого матерью. А на пятый день Алька заколотила дом на задворках...» Нет у нее чувства любви и сопричастности к родной земле, родному «печищу» (так в архангельской деревне называли дома): «Дом на задворках ветшал и дряхлел на глазах. Он вдруг как-то весь скособочился, осел, а в непогоду, сырость просто сил не было смотреть на его заплаканные окна: так и кажется, что он рыдает». Уезжая из деревни навсегда, Алька дает поручение тетке продать родной дом. Это и было ее личное раскрестьянивание.

Таким образом, художественный метод позволил Федору Абрамову поставить важнейшую проблему кардинальной трансформации традиционных (крестьянских) ценностей во второй половине XX века. Образы матери и дочери как нельзя лучше продемонстрировали разрушение крестьянских представлений о семье, доме, нравственных идеалах и нарастание индивидуальных, далеких от общинных представлений о счастье, которое в повестях ассоциировалось с городским типом жизни.

Литература

1. Абрамов, Ф. Кое-что о писательском труде: беседа с корреспондентом журнала «Вопросы литературы» / Ф. Абрамов // О хлебе насущном и хлебе духовном / Ф. Абрамов. – Москва: Молодая гвардия, 1988. – С. 102-118.
2. Абрамов, Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе: (литературные заметки) / Ф. Абрамов // Новый мир. – 1954. – № 4. – С. 210-231.
3. Безнин, М. А. Повинности российских колхозников в 1930-1960-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 96-111.
4. Безнин, М. А. Раскрестьянивание России / М. А. Безнин // Крестьянское хозяйство : история и современность: материалы к Всероссийской научной конференции. В 2 частях. Ч. 1. / отв. ред. М. А. Безнин. – Вологда: ВГПИ, 1992. – С. 103-110.
5. Зима, В. Ф. Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия. Москва: Ин-т российской истории РАН, 1996. – 265 с.

6. Мангейм, К. Проблема поколений / К. Мангейм // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2. – С. 7-47.
7. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – Москва: Ренессанс, 1991. – 297 с.

Е. И. Надеева
г. Вологда

КЛЮЧЕВЫЕ ОППОЗИЦИИ В КНИГЕ В. П. АСТАФЬЕВА «ЦАРЬ-РЫБА»

В статье анализируются основные противопоставления, представленные В.П. Астафьевым в повествовании в рассказах «Царь-рыба», как его основные философские и художественные принципы. Рассматривается их роль в оформлении художественного целого, их эмоциональный фон и реализация в тексте. Основными оппозициями являются: добро и зло, человек и природа, жизнь и смерть, радость и печаль, любовь и ненависть, жесткость и совесть. Идея столкновения противоположностей раскрывается как аллегория внутренней борьбы человека.

Ключевые слова: оппозиция, конфликт, противоречие, единство, взаимосвязь.

E. I. Nadeeva
Vologda city

MAIN OPPOSITIONS IN THE BOOK OF V.P. ASTAFYEV «THE TSAR-FISH»

The article analyzes the main contrasts displayed by V. P. Astafyev in the narrative "The Tsar-fish" as the main philosophical and artistic principles. Their role is explored in creating of artistic integrity, emotional background and implementation in the text. The main oppositions are: good and evil, man and nature, life and death, gladness and sadness, love and hate, cruelty and conscience. The idea of a clash of opposites is revealed as an allegory of a person's internal struggle.

Keywords: opposition, conflict, contradiction, unity, interconnection.

Произведение В. П. Астафьева «Царь-рыба» представляет собой описание современного автору общества, находящегося в состоянии кризиса. Через каждого героя, через его индивидуальность отражается «ход истории». Художественным целым сочинение делает образ автора, который вызывает у читателя весь спектр чувств, воплощенный в произведении: от сострадания несчастьям людей до равнодушия и безнравст-

венности, царящих в обществе. По словам Е. М. Букаты, «автор-повествователь пронизывает весь текст, соединяясь в несобственно-прямой речи с персонажами (автобиографическими и вымыщенными)» [3].

Автор буквально кричит о неблагополучии, все его мысли и эмоции до крайности обнажены. Он словно пытается поставить зеркало перед каждым человеком, чтобы тот увидел свои пороки и собственное духовное уродство, недостойное права на существование, чтобы читатель задумался, что сделал он для изменений к лучшему.

В произведении много включений медитативной и элегической прозы. В основном это воспоминания или размышления автора. По мнению самого писателя, «блуждание по далам памяти рождает какую-то светлую грусть, а грусть и печаль для литератора всегда благодатный материал». В «Царь-рыбе» такие отступления дают импульс читателю к осмыслению вечной борьбы добра и зла, жизни и смерти, любви и ненависти, человека и природы, радости и страдания, жестокости и совести и т.д. Эти противоположные друг другу в тексте понятия порождают внутреннюю энергию произведения определяют его интонационную структуру.

Ключевой философский и художественный принцип, на базе которого формируются все размышления – это принцип контраста/оппозиции. Тема добра и зла уже сама пол себе предполагает поиск истины в условиях сложной экологической ситуации, когда, по словам Астафьева, «всего человеческого гения, всех человеческих жертв, видно, оказалось мало, чтобы образумить род людской, чтобы возвести добро так высоко, чтобы оно недоступно было бы злу». Конфликт добра и зла представлен в произведении в двух видах: общем и частном. Общий – это отрицательная характеристика поселка Чуш как эпицентра зла. Автор описывает павшие нравы в Чуше, там практически нет жителей (помимо Акима и Коли), к которым автор проявляет симпатию. Астафьев осуждает жителей за эгоистичность, пагубные привычки, ставшие обыденными, за низкий уровень культуры, даже за песни. Подвергается критике и молодежь. Это, например, студентка, которая приехала на каникулы, дети старого поколения или библиотекарша, что решила переехать в город.

Общий конфликт добра и зла реализуется через индивидуальные, личные конфликты героев (рыбинспекторов и браконьеров). Автор, возможно, чувствуя, что недостаточно будет его личного нравственного авторитета, прибегает к авторитету закона и его представителей. Образ судьи выглядит, как правило, идеально, чтобы у читателя не возникало сомнений, что преступник заслужил наказание. Браконьеры же, в свою очередь, описываются крайне подробно (прозвища, манеры, психологические портреты только подтверждают их пороки). Наказание обычно не соответствует масштабу совершенного преступления, но Астафьеву важен личный, а не

официальный суд. Добро, творимое по отношению к людям, – это и добро по отношению к природе и наоборот. Экологическая же проблематика становится способом отображения борьбы «своего» и «чужого» мира. На примере «своего» мира Астафьев показывает, что добром можно победить все невзгоды, а человек, что творит добро, приносит свет в мир, где он живет. Беспощадное отношение к природе оказывается и на изменениях в самом человеке, на состоянии его души. Браконьер переходит ту «черту, за которой кончается человек, и из дальних, наполненных пещерной жутью времен выставляет и глядит, не моргая, низколобое, клыкастое мурло первобытного дикаря». Герои как бы делятся на две группы: Парамон Олсуфьев, бакенщик Павел Егорович, Кольша, Касьянка, Кирягадеревяга, Аким – люди, исполненные доброты и тепла, рассказы о них в основном радостные и отображают уважительное отношение автора к их работе и к ним самим. Им противопоставлены корыстные и жесткие персонажи: Зиновий Утробин, Командор, рыбак Грохотало. «Чувствительность и доброта делают человека слабым», – считает Гога Герцев. Самое большое зло Астафьев видит в том, что люди даже не задумываются о своей внутренней сути.

В противостоянии природы и человека природа изображается грозной стихией, которая живет своими законами. Вникая в ее сложное естество, можно найти все ответы на человеческие проблемы и сомнения. Н. А. Молчанова отмечает: «Писатель не обожествляет, не идеализирует природу, его восторг и преклонение очень земного, человеческого свойства» [6]. Астафьев, анализируя отношения человека и природы, делает вывод, что взаимодействие с природой – это обязательное условия духовного развития любой личности и вместе с тем – это испытание для человека (как нравственное, так и физическое). Акцент в произведении обычно делается на трагических противоречиях.

Но есть в «Царь-рыбе» и герои, которые трепетно относятся к природе, и она в ответ дарит их доброму, радостью общения с ней. Но природа не только зеркально реагирует на действия людей, она еще и действует сама по себе, она восстает против тех, кто пытается ее подчинить, искалечить, и обрушивается на них грозной силой. Бывает и так, что от нее страдают и те, кто не причинил ей зла (глава «Поминки»). Писатель не делает из природы идеала, он исследует ее, понимая, что окончательно постигнуть ее суть невозможно.

Автор не перестает удивляться многообразию природы, ее мощи, но вместе с тем и незащищенности. Особый интерес Астафьева вызывают суждения людей, возникающие в процессе соприкосновения с живым миром природы. Разумное отношение позволяет установить гармонию, но бессмысленное разрушение только усугубляет конфликт. Астафьев считает безрезультатными попытки возрождения былой гармонии. Однако у него все же остается надежда на то, что есть еще люди,

заслужившие «высший сан на земле называться человеком», что зерна любви, «уроненные доброй рукой в родную слезами и потом орошенную землю, всенепременно дадут всходы».

Тема жизни и смерти – одна из самых главных в произведении. Она представлена не только образами персонажей, но и осмысляется самим автором в лирико-философском ключе. Часто герой оказывается на грани жизни и смерти, или переступают роковую черту между ними (Игнатьич, Эля, Колюня, Гога Герцев, мать Акима и др.). Множество описаний посвящено убитых зверей – песцов, собак, медведей, уток, лосей, напрасно загубленной и гниющей рыбы. Почти идентичны описания погибшего Гоги Герцева и замерзшего от голода в тундре песца. Напоминает человека убитый медведь-людоед («Поминки»). Такая схожесть говорит о цельности и единстве природного мира и мира человека. Автор словно хочет рассмотреть их отношения в самой критической ситуации, перед лицом смерти.

Вывод, который делает автор, предельно ясен. Неважно, насколько умен и велик человек, без единства с природой и осознанного к ней отношения, он обречен на погибель. Однако писатель не доходит до крайности, стремясь защитить природу: «Кто будет спорить против нужности, против пользы для каждого из нас миллионов, миллиардов киловатт? Никто, конечно! Но когда же мы научимся не только брать, брат – миллионы, тонны, кубометры, киловатты, – но и отдавать, когда мы научимся обихаживать свой дом как добрые хозяева?» Он говорит о разумном «сотворчестве» с природой.

Тема жизни и смерти реализуется также через воспоминания о войне (автор, Грохotalо, Киряга-деревяга и др.). «Память войны! – восклицает Астафьев, – счастлив, кто не знает ее, и я хотел бы пожелать всем добрым людям: и не знать ее никогда, не ведать, не носить раскаленные угли в сердце, сжигающие здоровье, сон, нормальные отношения с людьми и окружающим миром, деформированным, порой искаженно недоверчивым сознанием, обостренно и провидчески воспринимающим наступающий день и будущее мира нашего земного». Война «дышила в затылок смрадом смерти».

Эта рана, вечно тревожащая автора, и приводит к размышлениям о смысле жизни, о жизни, смерти и нравственном выборе. «Еще живы мои однополчане, – замечает писатель. – Мало их осталось. И чем меньше их, тем плотнее ряды в моем сердце ушедших от меня друзей, тем пристальней их взгляд – так ли живу? Так ли делаю?» Астафьев выражает страх за жизнь, но не за свою. Он опасается смерти всего живого. В рассказе «Капля» он сближает образ висящей капли с образом планеты, которая находится на краю гибели, поэтому судьба наказывает в произведении всех, кто ведет себя как завоеватель пол отношению к окружающему миру. Прощение могут заслужить только искренне сожалеющие о своих неблаговидных поступках (например, Игнатьич, который в момент борьбы

с рыбой осознает свой грех). Очищение страхом смерти становится самым действенным, помогает человеку ступить на верный путь (Эля). Астафьев ставит вопрос перед читателем: «Как нужно жить, чтобы не бояться потом умереть?». Ответ прост. Нужно сохранить чистоту души. Жизнь каждого человека зависит от связи с другой жизнью. Астафьев утверждает, что жизнь человека не прекращается, не исчезает, а продолжается в наших детях и делах. Смерти нет, и в мире ничто не проходит бесследно – вот важная мысль, выраженная писателем.

Тема радости и печали также присутствует в произведении. Как считает автор, «радость кратка, преходяща, часто обманчива, печаль вечна, благотворна, неизменна». Печаль возникает в связи с воспоминаниями или мечтами (былая любовь, размышления о будущем и пр.), а радость «всегда в детском возрасте, в детском обличье, ибо всяким сердцем она рождается заново, и чем дальше в жизнь, тем меньше ее, ну вот как цветов – чем гуще тайга, тем они реже».

В произведении печаль обусловлена не только бере-дящими душу воспоминаниями (например, при возвращении домой, о войне, о детстве), но и еще сложившимися отношениями между миром и бездуховым человеком, исполненным жестокости. Герой произведения Аким думает, обращаясь памятью к прошлому: мир – «это артель, бригада, мир – это мать, которая, даже веселясь, не забывает о детях...» Радость же, по мнению автора, приносят самые простые вещи: ночи у таежного костра, когда «остаешься как бы один на один с природой» и «с тайной радостью ощущаешь: можно и нужно довериться всему, что есть вокруг!..», или рыба, обитающая в реке: «ленок, редчайшая по красоте рыба, прекрасный каприз природы». Общение с природой создает покой в душе писателя, это он и считает истинной радостью: иметь возможность наслаждаться видом реки, вольной красотой и чистой водой. Радость для Астафьева – это умиротворенность, возникающая от общения с миром.

Противостояние любви и ненависти проходит через все повествование, проявляясь в образах природы, отношениях людей и т. д. Особенно ярко ненависть проявляется через в столкновении Акима и Гоги Герцева. Показательной является сцена их драки, которая произошла из-за того, что Гога, напоив Кирягу, бывшего на фронте, обменивает его единственную и дорогую для него медаль на бутылку, после чего делает из нее блесну. Аким утверждает, что это подобно ограблению нищего, но Гога ему отвечает: «Плевать мне на старух, на калеку этого грязного! Я сам себе бог! А тебя накажу – за оскорбление!». Но наказывает после всего этого здорового самоуверенного типа именно Аким, которому храбрый до того Гога даже не осмеливается ответить. Помимо этого, наказывает Гогу и жизнь: «Сам себе бог», иссосанный гальянами, изгрызенный соболюшками, валялся поверженный смертью, которая, не то что жизнь, не дает себя обмануть,

сделать из себя развлечение. Смерть у всех одна, ко всем одинакова, и освободиться от нее никому не дано».

Л. Ф. Ершов заметил: «Истинный прогресс состоит в том, чтобы механизация не опережала процесс гуманизации, бездуховность не теснила уроки нравственности, а милосердие распространялось бы на живую и неживую природу. Такой вывод прочитывается в контексте произведения Астафьева, извлекается в результате сопоставления финала и предшествующего повествования» [5].

Ненависть существует и между Командором и Игнатьичем. Она настолько сильна, что уже доходит до желания убить. Причина ее заключается в зависти. Игнатьич – уважаемый человек, у которого хорошее хозяйство, в семье полный мир, рыбак он прекрасный, и все у него получается. Командор же чувствует себя постоянно в тени брата. Оттого и возникает ненависть. Но ненавидеть человека может не только человек. Яркий пример ненависти природы к человеку можно заметить в эпизоде убийства медведя («Поминки»): «В броске настиг его последний вздох, перешедший в судорогу, от которой тряхнулась, мучительно сжалась и тут же распустилась могучая туша и начала сморенно успокаиваться. Еще подрагивали, пощелкивали друг о дружку черные когти, трепетала шерсть под правой подмышкой, из-под левой все еще ключом выбивало кровь, и пока она выбуривалась, клокотала, не угасали у зверя глаза. Ярость, вековечная к человеку ненависть горели в них и после, когда кровь иссякла, вяло уже сочилась по шерсти, сгущаясь клюквенным киселем, оно так и не погасло, то пламя ненависти, его не унесло в смертный мрак, оно закаменело в зрачках. В полуоткрытые глаза медведя ровно бы кинуло ветром щепотку перетертой дресвы, засорило их незрячестью, но зла не убило».

Любовь же проявляется в тех, кто ее достоин. Это не только любовь к детям и семье, воплощенная в заботе друг о друге и бескорыстном участии, не только дружба, между рыбаками, готовыми друг другу помочь в трудную минуту, не только привязанность к своему делу и благоговейное к нему отношение, но и любовь ко всему, что окружает человека или окружало когда-то. Л. Фоменко пишет: «Любовь у Астафьева требует не эгоистического поклонения, а самоотдачи. Она и образует крепкую сюжетную канву его рассказов» [7]. Неважно в прошлом, настоящем или будущем, но любовь пронизывает все существование человека. По мнению автора, любовь изначально есть в каждом человеке, и природа наделяет этим чувством всех без исключения. Однако со временем в ком-то она может угаснуть.

Автор рассуждает: «Отчего русские люди извечно жалостливы к арестантам и зачастую равнодушны к себе, к соседу – инвалиду войны и труда? Готовы последний кусок отдать осужденному, костолому и кровопускателю, отобрать у милиции злостного, только что бушевавшего хулигана, коему

заломили руки, и ненавидеть соквартиранта за то, что он забывает выключить свет в туалете, дойти в битве за свет до той степени неприязни, что могут не подать воды ближнему, не торкнуться в его комнату...»

И, наконец, – оппозиция жестокости и совести. Жестокость особенно остро обозначается у «внеприродных героев». Так, например, образ «чеченца» Командора сразу же дает повод судить о его душевной ущербности: «Он не говорил, он выкрикивал слова и при этом сек собеседника молнией взгляда, и может, от дикого вида его иль из-за трубки, а то и от должности – он и на самом деле плавал командором стотонной совхозной самоходки, вспоминался певец пиратов, флибустьеров и прочей шоблы: «Стоит он высокий, как дуб, нечесаны рыжие баки, и трубку не вырвать из зуб, как кость у голодной собаки!..» Описание это дает понять, что браконьер жесток не только по отношению к природе, но и к людям.

Астафьев не идеализирует близких ему героев. Противоречивость также свойственна их характерам. Но есть в них то, что автор расценивает как высоко чтимую им человечность. Они тоже ходят на охоту, но у них совсем иные, чем у браконьеров, цели, им нужно кормить семью. В этом случае природа может простить человека, он берет у нее не более того, сколько ему действительно нужно. По-иному ведут себя браконьеры, охваченные жаждой наживы. Каждый из них обречен доживать свой век наедине со своей неспокойной совестью за совершенное. Только раскаяние и искренняя просьба о прощении может спасти человека. На протяжении всей книги автор призывает читателя обратиться к собственной совести, понять, что человека ждет расплата за свое отношение к природе и людям. Проявляя жестокость, он наносит вред прежде всего самому себе.

Подводя итоги, можно сказать, что весь образный строй произведения Астафьева соответствует народному взгляду на мир. Человек, сотворивший зло, должен быть непременно наказан. Астафьев часто судит резко и категорично, однако временами, в лирических отступлениях, он проявляет и жалость к человеку, разучившемуся думать и прислушиваться к голосу совести. Показательна в нравственном отношении странная картина в аэропорту города Енисейска. В грязном вокзале автор обращает внимание на окно. Какой-то мальчишка давил на нем комаров. «По стеклам с одной стороны текли красные капли, с другой светлые, дождевые. Путь их по стеклу совпадал, где и зигзаги повторялись, но кровавые и светлые потоки, смешиваясь, не смывали друг друга, и блазнилась в той картине на стекле какая-то непостижимая, зловещая загадка бытия». Писатель подчеркивает, что добро и зло рождаются и существуют в жизненной стихии одновременно. Автор ищет в окружающей его жизни противоречия и пытается разобраться в причинах из возникновения.

У всего, что происходит в жизни, есть своя мера: «Всему свой час и время всякому делу под небесами; время родиться и умирать; время насаждать и вырывать насажденное; время убивать и время исцелять; время разрушать и время строить...»

Художник как будто задает себе вопрос о том, не наступило ли время разрушения всего сущего. Не стоит ли более спокойно воспринимать надругательство над природой, нравственную глухоту и бездуховность современника? И всем предыдущим повествованием отвечает: «Нет». Так как в «Царь-рыбе» идет разговор не о «мирном сосуществовании» добра и зла, созидания и разрушения, не о фатальном примирении между ними, а об их борьбе и противостоянии – как вообще в жизни, так и в душе человека. И только в этом противоборстве может родиться истина.

Литература

1. Астафьев, В. П. Царь-рыба / В. П. Астафьев // Собрание сочинений. В 4 томах. Т. 4 / В. П. Астафьев. – Москва: Молодая гвардия, 1981. – 558 с.
2. Астафьев, В. П. Комментарии / В. П. Астафьев // Собрание сочинений. В 15 томах. Т. 6. Царь-рыба: повествование в рассказах / В. П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997. – 430 с.
3. Букаты, Е. М. Поэтика художественного пространства в прозе В. П. Астафьева («Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты»): диссертация кандидата филологических наук. 10.01.01. Томск, 2002. – 197 с.
4. Гончаров, П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990-х годов / П. А. Гончаров. – Москва: Высшая школа, 2003. – 385 с.
5. Ершов, Л. Ф. Три портрета. Очерки творчества Виктора Астафьева, Юрия Бондарева, Василия Белова / Л. Ф. Ершов. – Москва: Правда, 1985. – 48 с.
6. Молчанова, Н. А. Творчество В. Астафьева (Проблема эволюции жанров): автореферат диссертации кандидата филологических наук / Н. А. Молчанова. – Ленинград, 1981. – 14 с.
7. Фоменко, Л. Во имя любви: о творчестве В. Астафьева // Звезда. –1974. – № 3. – С. 197-202.

И. С. Летовальцева
г. Вологда

СЕМЕЙНЫЕ СИТУАЦИИ В ТРИЛОГИИ В. БЕЛОВА «ЧАС ШЕСТЫЙ»

В статье рассматривается понятие сюжетной ситуации, анализируются ключевые сюжетные ситуации, связанные с жизнью семьи в трилогии В. Белова «Час шестой». Отмечается роль состояния семьи в художественном осмыслиении писателем истории.

Ключевые слова: сюжет, сюжетная ситуация, противоречие, семья, традиция, семейная мораль, русская культура.

I. S. Letovaltseva
Vologda city

FAMILY SITUATION IN THE TRILOGY OF V. BELOV «THE SIXTH HOUR»

The article discusses the concept of a plot situation, analyzes the main situations in the plot that are associated with family life in the trilogy «The Sixth Hour» by V. Belov. Attention is paid to the role of family status in the artistic comprehension of history by the writer.

Keywords: plot, plot situation, contradiction, family, tradition, marriage morality, Russian culture.

Василий Белов – писатель-деревенщик, один из немногочисленных авторов, кого к концу прошлого столетия уже стали называть «живым классиком русской литературы». Не случайно крестьянство стало смысловым центром творчества В. Белова. Быт деревни у писателя – это аналог национального образа мира, трагическая судьба которого легла в основу трилогии «Час шестой». Первая часть трилогии пришла к читателю еще в начале семидесятых, последняя часть вышла в свет в 1996 году, когда осмысление ключевых исторических событий было как нельзя более актуальным.

Содержательным стержнем повествования в трилогии «Час шестой» стала семья. Семья в представлении Белова – это генератор смысла человеческой жизни, в ней концентрируется и ярко проявляется суть любой деятельности – хозяйственной, социальной, духовной, нравственно-психологической или эстетической [6]. Поэтому оправданным становится рассмотрение ключевых семейных ситуаций в данной трилогии.

Существует несколько точек зрения на ситуацию как элемент структуры сюжета. Например, по мнению Б. В. Томашевского, «взаимоотношения персонажей в каждый данный момент являются ситуацией» [10]. Ситуации занимают промежуточное положение между значительными сюжетными событиями, во время ситуаций действует неизменный круг действующих лиц, связанных столь же неизменными взаимо-

отношениями. При этом большинство ситуаций заключает в себе внутреннюю противоречивость (так как разные персонажи могут разным образом хотеть изменить данную ситуацию) или внутреннее нарушение, которое само по себе приводит к дальнейшему действию. Поэтому ситуация является следствием сложившихся обстоятельств и межчеловеческих отношений, которым пытаются противостоять персонаж. И в то же время ситуация сама порождает такие условия, преодоление которых в дальнейшем ведет персонажей к взаимной борьбе и новым обстоятельствам.

Ситуации могут быть частными или общими и становиться источником развития всего сюжета. Это отмечается в словарях литературных терминов: «Хотя о ситуации можно говорить в любой точке повествования или драмы, чаще всего под этим термином понимается основная или начальная ситуация, которая является источником борьбы, а также критическая или кульминационная ситуация, по направлению к которой развиваются события» [11, с. 305]. Именно этот взгляд на сюжетную ситуацию принимается в данной работе за основной.

Многие пытались выявить конечное число сюжетных ситуаций, привести все возможные источники развития событий к единой схеме. Известный писатель Хорхе Луис Борхес выделил 4 сюжетные ситуации, драматург Жорж Польти 36 ситуаций, но существовали и другие варианты, о которых дана информация в статье А. Серикова [8]. Споры вокруг числа ситуаций и формулировки их сути ведутся долгие годы и актуальны до сих пор. Безоговорочно не принята ни одна из классификаций, что дает повод для исследований в данном направлении.

Так или иначе, благодаря ситуациям и их обострениям, строится структура сюжета произведения, а значит, выражаются и «мысли писателя, его идеально-эмоциональное осмысление реальных характерностей жизни, выраженных в их индивидуальных действиях и отношениях» [4]. Поэтому ситуации как элемент структуры сюжета нужно рассматривать в его связях с содержанием.

Так как местами действия романа Белова являются и небольшая деревня Шибаниха, и провинциальная Вологда, и столица Москва, круг действующих лиц достаточно велик и представляет читателю многообразие семейных ситуаций и коллизий. Речь пойдет о самых существенных в общем сюжете романа ситуациях, несущих наибольшую идеально-смысловую нагрузку. Среди них – ситуация заключения брака.

В настоящее время данная формулировка предполагает официальное принятие решения о создании семьи, взятие ответственности за судьбу избранницы или избранника. Как правило, решение принимается заранее, а данная ситуация носит формальный характер, но наличие или отсутствие ее в сюжете и судьбах персонажей литературного произведения очень значимо. Кроме того, ситуация предполагает возможность разных исходов благодаря наличию двух участников.

А значит, данная сюжетная ситуация имеет внутренний потенциал противоречивости.

И в деревне, и в городе именно свадьба знаменует начало семейных отношений. Основная цель свадьбы – признание брака общиной, обществом, поэтому несмотря на семейную значимость события, данный обряд по традиции выходил далеко за рамки семьи. Свадьба Веры и Павла Роговых проходит с соблюдением всех основных свадебных традиций и обрядов. Ключевым моментом является венчание, дача обетов. Однако традиции противоречат времени, в которое брак заключается. Советская власть не признавала венчание законным актом, церковные обряды запрещались, и тем не менее традиция столь давно укоренилась в сознании людей, что отказаться от нее никому и в голову не приходило. Поэтому, когда в церкви, полной людей, перед молодыми к алтарю вышел Игнатий Сопронов с целью провести собранье граждан, всеми присутствующими это было воспринято как нечто неуместное, противоречащее искони установленному порядку. Христианская молитва звучит в стенах храма наряду с газетной статьей «Поможем китайским революционерам!» Пожилые видят в этом плохую примету, к Ивану Рогову возвращается предчувствие беды, совершенно несвойственное ситуации свадьбы. По словам Ю. Селезнёва «перед нами явно ощущаемое состояние старого крестьянского «лада» – в тревоге, в предчувствии разлада» [7], когда новое советское и старое традиционное сталкиваются между собой. Искусственно насаждается новая идеология, новые законы, новая мораль. Гармония свадебного обряда нарушена поступком Сопрона. Данный поступок в сюжетной структуре становится коллизией, нарушением, которое в свою очередь должно быть устраниено, изменено [1]. Жители Шибанихи просто уходят из церкви после службы, не слушая Игнатея, избегая дальнейшего развития конфликта.

На страницах трилогии это не единственная создаваемая семья. Всегда автор упоминает о браке Петьки Гирина, по прозвищу Штырь, со сверловщицей Клавой. Как случайно, будто нехотя познакомилась эта пара, так и семья начала строиться: «не прошло и месяца, как она [Клава. – И. Л.] переселилась с частной квартиры к Петьке» [3, с. 134]. Ни один свадебный обряд не был проведен, венчания не состоялось, тем не менее пара чувствовала себя семьей, юясь в комнатке коммунальной квартиры с чужими людьми. Отношение к браку городских и деревенских людей различно, в городе изживаются вековые традиции, в этом повинна во многом и материальная составляющая жизни большей части городского населения. И тем не менее Петька – выходец из деревни, он знает «как должно быть устроено все» в семье, но, покидая родные места, среду, в которой рос, он теряет нравственные ориентиры. Автор показывает, как сущность семьи вместе с упадком крестьянства теряет первоначальное богатство смыслов.

Следующая ситуация – семейный поход на беседы, в гости. Она является промежуточной в ряду других значимых событий. Но ситуация эта важна для раскрытия идейно-тематических

установок автора трилогии. Самые серьезные, уважаемые жители деревни ходили на праздники в гости всегда вместе, порою брали с собой и старииков, если тем не нужно было сидеть с детьми. Ценность и значимость семьи как единого целого подчеркивалась в этом нерушимом правиле. Редко одинокие люди могли прийти на подобные вечерние беседы без пары, чаще это были пожилые люди. Причины их прихода могли быть разными, но всегда основательными. Так, Иван Нечаев пришел в дом Мироновых один, поскольку его супруга Анна должна была вот-вот родить. Спокойной чинной беседы с односельчанами у него не вышло. А ведь именно с этой целью, по словам В. Белова, собирались святочными вечерами «гулять» спокойные мужики и бабы. Мужчины «нюхали табак, говорили о кредитах, о ТОЗе и о налоге, мекали насчет вешнего, кому сколько пахать» [3, с. 24]. Женщины приносили с собой мелкую работу: пряли, перебирали горох, вышивали, в мужские беседы не вмешивались. В этом проявлялось привычное распределение обязанностей в крестьянской семье: на мужских плечах лежит забота о каждом новом дне семьи, все важные решения за хозяином. Женщина обеспечивает уют, при этом она не лишена права голоса, она рядом с мужем. Об этом Василий Иванович говорит и в своей этнографической работе «Лад. Очерки о народной эстетике».

Ситуация принятия наиболее значимых решений также требовала внимания всей семьи. В принятии семейных решений, безусловно, последнее слово оставалось за главой, а это у В. Белова традиционно мужчина, муж, отец. Но выслушивали и сватов, и зятьев, и старииков. Женское мнение обсуждению не подвергалось. Но могло быть высказано и принято во внимание. Павел после решения построить мельницу, зная, каким бременем это может лечь на плечи всей семьи, говорит Вере: «... помоги ты мне, не оставь одного. А уж я тебя на руках буду носить, слова худого век не скажу...» [3, с. 82]. Единство мужчины и женщины особо ощутимо в молодых семьях. В семьях с опытом о таком не говорили – все было понятно без слов, Аксинья также плакала на плече Ивана Никитича, как и Вера.

Особо важное событие в семье, рождение ребенка, является таинством для всей мужской половины дома. Вера долго никому не говорит о том, что носит под сердцем ребенка, она сохраняет этот секрет для себя. И даже когда тайну скрыть невозможно, будучи беременной уже вторым ребенком, Вера по-прежнему «брюхатая, даже сейчас стеснялась показываться мужу при дневном свете» [3, с. 498]. Появление младенца в романе тоже похоже на тайну, которую автор открывает будто случайно, перечисляя, чем заняты вечером члены семьи. Рождение ребенка – большое счастье в семье, которым не хочется делиться с посторонними, и в то же время – это естественный этап жизни любой семейной пары, детей в типичном русском доме всегда было много. Вероятно, поэтому автор не акцентирует внимание читателя на этом событии. Но данная семейная ситуация может быть и противоречива. Так, в семье

Сопроновых и без того отношения отягчены ревностью, а ребенок усиливает недоверие Игнатея к своей супруге Зое.

Именно Сопронову пришлось пережить супружескую измену, ни в одной семье такая ситуация В. Беловым описана не была. Данная ситуация во многих классификациях, в том числе и у Жоржа Польти, именуется адюльтером, то есть прелюбодеянием, нарушением супружеской верности. Это своего рода вариант кражи, отягчаемой предательством. Литература знает массу произведений, в которых адюльтер принимает вид общей ситуации, красной нитью проходящей через все повествование. Но в данном случае в истории семьи Сопроновых это скорее кульминация. Семейный уклад Игнатея не в порядке, его семья порочна, внутренне разрушает сама себя: «Зойка вновь была вся в синяках. На сенокос не ходила. Видать, дорого ей обходилось то утро с деверем Селькой. Да и сам Селька еле остался жив» [3, с. 771]. И это показательно для идеиного содержания романа. Игнатей Сопронов – представитель власти, но у крестьян, для которых святы труд, дом, семья, земля (доминанты крестьянской жизни), он не вызывает уважения, и несмотря на то, что Сопронов живет здесь, в деревне он чужой, отчего легко берет на себя роль разрушителя крестьянского уклада. И сама власть, которую представляет Сопронов, кажется от этого приносящей хаос, внутренне столь же противоречивой и разрушительной, как Игнатей и его семейные отношения.

В трилогии «Час шестой» историческое повествование тесно связано с семейно-бытовым, благодаря чему рассмотрение семейных ситуаций помогает выразить отношение автора к историческим, политическим изменениям в стране. Семья в трилогии представлена по-прежнему крепко сохраниющей традиции семейного общежития. Семья значима для морального благополучия ее членов. Но, тем не менее, разнообразие семейных ситуаций демонстрирует пограничное состояние семьи на переломе эпох, обнаруживает угрозу традиционному семейному укладу. В свою очередь пространство дома, в котором живет семья, расширяется до пространства страны, в котором живет все крестьянство. А значит, неизбежным видится и крах крестьянской культуры.

Литература

1. Белов, В. И. Лад. Очерки о народной эстетике / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Т. 5 / В. И. Белов; [сост.: С. Ю. Баранов, О. С. Белова ; под общ. ред. Ф. Ф. Кузнецова]. – Москва: Классика, 2012. – С. 7-286.
2. Белов, В. И. Час шестой: трилогия / В. И. Белов; [сост. А. А. Цыганов]. – Вологда: Полиграфист: Писат. Орг., 2002. – 951 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. В 4 томах. Т. I / Г. В. Ф. Гегель; под ред. М. Лифшица. – Москва: Искусство, 1968. – 312 с.
4. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – 750 с.

5. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство, 1998. – С. 14-228.
6. Недзвецкий, В. А. «Мысль семейная» в прозе Василия Белова / В. А. Недзвецкий // Русская словесность. – 2000. – № 1. – С. 17-24.
7. Селезнев, Ю. И. Василий Белов: раздумья о творческой судьбе писателя / Ю. И. Селезнев. – Москва: Советская Россия, 1983. – URL: <https://www.booksite.ru/belov/seleznyov/1.htm> (дата обращения: 10.10.2019). – Текст: электронный
8. Сериков, А. Е. Типичные сюжетные схемы в повествованиях и в жизни / А. Е. Сериков // Вестник Самарской гуманитарной академии: Философия. Филология. – 2009. – № 2 (6). – С. 60-84.
9. Теория литературы: в 2 томах / под ред. Н. Д. Тамарченко. Москва: Академия, 2004. – 2 т.
10. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика: [учебное пособие] / Б. В. Томашевский. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
11. Dictionary of world literary terms : Forms. technique. criticism / Ed. by Joseph T. Shipley. – New, completely rev. a. enl. ed. – Boston : The Writer, 1979. – XIII, 466 c.

И. М. Селиверстова
г. Нарьян-Мар

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ТУНДРОВОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Статья – о становлении и развитии литературного творчества ненецких авторов, посвятивших свои произведения жизни оленеводов, кочующих по тундре Ненецкого автономного округа. В их стихах и прозе воспеваются многовековые традиции ненецкого народа, живущего в гармонии с природой, бережное отношение к ее дарам, связь поколений. Тундровая поэзия и проза обладают большим воспитательным потенциалом, так как пропитаны любовью к малой родине, уважением к предкам, пробуждают и утверждают добрые начала в человеке.

Ключевые слова: тундровое слово, родина, литература Заполярье, воспитание, природообразность, связь поколений, традиции ненецкого народа, Этнокультурный центр НАО.

EDUCATIONAL RESOURCES OF TUNDRA POETRY AND PROSE IN THE NENETS AUTONOMOUS REGION

This article is about formation and development of nenets literature arts dedicated to the life of reindeer herders who roam the tundra of Nenets Autonomous region. The centuries-old traditions of Nenets people living in harmony with nature are glorified in their poems and prose as well as careful attitude to gifts of Tundra and the connection of generations. There is a great educational potential in tundra poems and prose as they are saturated with love for the motherland, respect for ancestors, awaken and affirm good principles in a person.

Keywords: tundra literature, motherland, literature of the Arctic, education, nature conformity, connection of generations, traditions of Nenets people, Ethnocultural center of the Nenets Autonomous Region.

Тундровая поэзия и проза Ненецкого автономного округа – образец одухотворенного слова, единения с природой, образного ее восприятия, гармоничного взаимодействия ненецкого и русского языков. В истории заполярной литературы есть свои классики и последователи, находки и открытия. Неизменным в произведениях остается главное – почитание предков, любовь к малой родине и труд во благо ее.

«Мой отец Захар Валей сказал однажды:

– Слышишь, Нюдяко, как шумит наша земля?..

Отец лежал на земле, голову на мохнатую кочку положив, и чему-то улыбался задумчиво. Я тоже лежал рядом с ним. Голова кругом шла, запашистые травы щекотали ноздри, а я к земле пуще прижимался. Очень уж хотелось услышать, как тундра моя дышит, какие шумы и голоса на ее просторах живут...» [3, с. 21].

С появлением в 30-х годах XX века ненецкой письменности тундровое литературное слово рождается в удаленных уголках округа, в оленеводческих стойбищах, на берегах холодных северных морей. Источник силы – северная природа. Особая красота тундры, непроходимые просторы, сверкающие бесчисленными озерами, поющие тысячей птичьих голосов или суровым завыванием Хад-Пурги, открывают сознание для размышлений над вечными истинами у жителей промерзших земель и у приезжих, ищащих вдохновения. Литература округа развивается в территориально-географическом отрыве от Большой земли, в едином кругу проживающих здесь представителей трех народностей – ненцев, русских и коми, традиционные культуры которых переплелись, базируясь на оленеводческой деятельности и кочевой жизни, в преодолении трудностей, связанных с суровыми климатическими условиями Заполярья.

Благодаря удаленности и длительной пограничной закрытости округа здесь сформировалась и сохранилась особая литературная среда. Зависимость от природных стихий, необходимость бороться за выживание отсекли «беллетристику мыслей» и создали условия для развития автобиографической тундровой прозы и поэзии с незамысловатыми сюжетами из жизни, сохраняющих колорит речи, понятий, образность восприятия окружающего мира, щедро украшенных трогательным любованием красотой северного края и мужеством живущих здесь людей. Сформировался и литературный типаж, образ хозяина тундры, по словам ненецкого поэта Алексея Пичкова, в характере и внешности которого «морщин суровость, мужественность рта, сталь января и скромный ропот лета». В тундре человек познает и «делает сам себя» и, как пишет далее Алексей Ильич, «лишь тот, чье сердце гордое в груди, сдает сполна на Север свой экзамен». [8, с. 15] Но в произведениях литературно-тундровые просторы, открываются любому читателю, где бы он ни жил, и обладают сильнейшим воспитательным свойством. Природообразность – особенность жизни оленеводов-кочевников, она сложилась в веках и отфильтровала все лишнее в быту и традициях. Литература сохранила эти основы и как историческую информацию, и как руководство к действию. Произведения учат бережному отношению к природе, разумному использованию ее даров,уважению и почитанию старших, взаимопомощи в деле и преданности родным местам.

Составительница энциклопедического словаря Ненецкого автономного округа Л. Ю. Корепанова во вступительной статье к книге ненецкого писателя А. Ф. Канюкова пишет: «Александр Канюков оставил нам немного произведений, но в них чрезвычайно высока концентрация добра и любви, на которых строились законы организации жизни коренных северных этносов. Эти нормы вполне применимы для современного общества, и не только в высоких широтах. К сожалению, люди не спешат следовать им, хотя – на наш взгляд – они не имеют альтернативы.

Толерантность, выработанная на протяжении тысячелетий великими северными цивилизациями, остается почти не востребованным ресурсом общества, и пути к нейчество ищет весьма робко.

Раскрывая систему нравственных ценностей своего этноса, где главными он считал терпимость и гуманность человеческого духа, Александр Федорович Канюков передал послание ненецкого народа из глубины времен новым поколениям» [3, с. 20].

Значимым событием и толчком к развитию тундровой литературы стало создание в 1934 году местного литературного объединения «Заполярье» – ныне одного из старейших на Севере страны. У его истоков стоят творческие журналисты Георгий Суфтин (1906 – 1965) и Иван Меньшиков (1914 – 1943), приехавшие на работу в газете «Няръяна вындер» (ненецк. «Красный тундровик»). Они объехали всю тундру, привлекали

в объединение авторов, особенно из числа ненцев, обучали, делали акцент на сбор и сохранение ненецкого фольклора. С этого времени литературное творчество объединения «Заполярье» стало своеобразной летописью Ненецкого автономного округа, которому в 2019 году исполнилось 90 лет.

Литература Заполярья молода – ей нет еще ста лет, – но поэтами и прозаиками она может гордиться. Антон Пырерка (1905 – 1941) – первый ненецкий ученый-филолог, писатель и переводчик. Николай Семенович Вылка (1911 – 1942) – один из первых ненецких авторов, принятых в Союз писателей СССР. Его рассказы о трудной жизни безоленных ненцев написаны достоверно, живым, образным языком:

«...Чайки отнимают у гаг принесенные ими ракушки, а гагочки, как побитые собаки, снова ныряют в глубину. Завидев гагу, выныривающую с ракушкой, чайка опять с криком ловит ее. Пыя Ҫарка подумал: «Что же, гагочки, небесные птички? Как чайки-то мучают вас. Чайки – тоже небесные птицы. И я божий человек. Хозяин также мучил меня» [2 с. 8].

Необходимо отметить важную роль переводчиков ненецкой поэзии и прозы. Умение в русском варианте сохранить колорит речи и мышления, образность авторского текста отличает хорошего мастера перевода, каким в данном случае является крупнейший северовед Григорий Давыдович Вербов.

Многие известные литераторы округа по профессии педагоги. В 1930-60-х гг. XX века, когда в России зазвучали имена замечательных детских авторов, в Ненецком автономном округе также начали творческий путь талантливые поэты и прозаики: Василий Ледков (1933 – 2002), Прокопий Явтысый (1932 – 2005), Алексей Пичков (1934 – 2006), Александр Каников (1932 – 1972), Роберт Вылка (1960 – 1994) и многие другие. Каждый из этих людей – вселенная мысли, взгляд, пропущенный через горнило войны, суровые тундровые будни, простые земные радости бытия. Их литературное творчество осознанно и методично обращается к детям и взрослым, обучает, развивает, воспитывает. Ведь дети тундровиков – это будущее тундры. Кому передать стадо оленей, кто будет поддерживать огонь в очаге, если не потомки? Воспитательный процесс в семьях оленеводов идет с рождения ребенка естественным образом, родительским примером, постоянным трудом на общее благо. Связь поколений, основы их взаимодействия – важная тема произведений. Дети беспрекословно выполняют заветы старших, мысли отцов и сыновей всегда «в одной упряжке бегут». «Большую жизнь прожил отец, потому о многом наперед догадывается. Сердцем чует, мыслями до сути добирается», – писал Прокопий Явтысый [10, с. 7]. Авторитет родителей рождает желание все хорошо делать самому и по выполнении получить похвалу старших. Это ли не самый ценный стимул к развитию?

Ходит месяц. Вечер стынет.
Звезды словно оленята.
Эх, скорей бы подрасти мне,
Чтоб пасти оленье стадо,

Чтобы зорким быть, как месяц,
Чтобы дед мой – мудрый ненец –
На виду у всех друзей
Подарил бы мне тынзей!
[4, с. 25]

Глубокое уважение к родителям, бороздящим просторы тундры со стадом оленей, особое отношение к тундровой природе – это становится характерообразующим фактором, волнующим воспоминанием на всю жизнь.

Персонажами повестей, новелл, рассказов часто становятся юные жители округа. Они живут в гармонии с тундровой природой и традициями предков: дошкольник Элько, воспитывающий маленького лисенка в повести А. Пичкова «Сятук»; озорной, как резвый олененок, Василий в повести «Розовое утро» В. Ледкова; добрая девочка Майма, горячо любящая свою бабушку и ее песни, в книге О. Латышевой «Тундровые радости Маймы».

Ненецкий поэт и писатель Василий Николаевич Ледков, «удивленный и гордый своим краем, где рождаются ветры», мастер тундрового пейзажа, певец «снежной державы» создал удивительные образы родной природы, «где синий от неба простор заарканен горизонтом» [9, с. 118].

Педагог, писатель, поэт и художник Прокопий Явтысый жил и работал в Нарьян-Маре, но всю жизнь черпал силы в тундровых просторах. В его произведениях тесно переплетаются темы портрета и пейзажа: «Мои волосы пурга замела, мое лицо годы когтями исцарапали... Только вот память у меня молодая. Далеко назад увидеть могу» [10, с. 20]. Все, что вышло из-под пера Прокопия Андреевича, так проникновенно, словно он нашел заветные струны души, но играет на них осторожно, ласково, потому что «за каждым словом – биение моего сердца, за каждой строкой – частица моей жизни, за каждым образом – черты моего родного края...» [10, с. 4]. Всю жизнь Прокопий Явтысый дружил с переводчиком своих произведений Владимиром Гордеевым. Они были «на одной волне» и сообща создали уникальные по качеству и силе воздействия работы.

Алексей Ильич Пичков, автор известных поэтических строк «Родина, Родина, тропы оленьи, Родина – в сопках родное селенье...», говорил на ненецком и русском, но писал только на русском языке. Он легко мог создать «собирательный мифо-поэтический образ преображенной, сказочно прекрасной тундры, увиденный любящим взглядом ее сына-поэта сквозь магический кристалл древних мифов и легенд страны, где живет любимая...», – замечает Елена Галимова, – Лирике Алексея Пичкова в высшей степени свойственно то, что является отличительной чертой, главным признаком истинной поэзии, – то, что Борис Шергин называл словом «самородность», то есть естественность, органичность. Стихи Пичкова из тех творений искусства, что кажутся не «сделанными», а рожденными, выросшими, словно «цветок голубой у ручья», или «березка с игрушечной звонкой листвою» [6, с. 81]. Стихотворения А. И. Пичкова для детей забавны, красочны и познавательны,

они легко учатся и повсеместно применяются в учительской практике.

Много лет на литературном поприще округа плодотворно работают Галина Тайбарей, Лукерия Валей и Лидия Сядейская. Они поддерживают друг друга в творчестве, занимаясь переводами произведений с русского на ненецкий и коми языки, рассказывая о жизни материнским словом. Благодаря их творчеству воспет бесконечный труд чумработницы, образно воплощен скромный женский взгляд северянки, жены, матери, самой природы.

Я-то знаю: прочен чума остов,
Древнего жилища моих предков,
В бурю стойбище, как одинокий остров,
Встретившийся в океане, редкий.

[1, с. 186]

Но влюбленность авторов Заполярья в свой край отнюдь не свидетельство узости взглядов и закрытости ко всему извне, скорее, наоборот: при постижении красоты иных мест яркими красками вспыхивает у тундровика образ родины, остнее чувствуется привязанность к северным просторам.

Каждому времени свой голос: сейчас в округе звучат молодые голоса воспитанников старшего поколения литераторов. Современные авторы продолжают традиции классиков.

Инга Артеева, председатель ЛитО «Заполярье», сделала стихотворное переложение эпических ненецких песен. «За голосом Великого Нума» – ее современная ненецкая сказка, погружающая в мир ненецких духов и заветов. Елизавета Езынгова-Выучейская написала ряд автобиографических рассказов под общими названиями «Ягоды можжевельника» и «Снегурка» о жизни девочки, обучающейся в школе-интернате, как многие ее ровесники из тундры.

Значимое явление в современной литературе округа – творчество Вадако Ларя (псевдоним Александра Алексеевича Ледкова). Знаток традиционной ненецкой культуры, он создал яркие фольклорные вариации на темы ненецких эпических песен «сюдбабц» – сказаний о богатырях. Выдержаные в стилистике эпоса, адаптированные под современного, в том числе юного читателя, его произведения открыли новую страницу в истории литературы НАО. Его «слово-песня села на уложенные шесты чума на утос – последней нарте аргиша – санного поезда, проходившего мимо сопки с плоской вершиной. Снег под полозьями нарт скрипел мелодию кочевья, столь длинного, как сама жизнь народа, живущего в оленях» [5, с. 75].

С 2005 года клубное формирование «Народное литературное объединение “Заполярье”» работает на базе Этно-культурного центра Ненецкого автономного округа (далее ЭКЦ НАО). Его цель – сохранение и развитие самобытной литературы, популяризация литературного наследия, поиск новых авторов, формирование благоприятной воспитательной среды средствами художественного слова. Важное направление деятельности ЭКЦ НАО – издание книг и журналов с материалами местных авторов, что вполне успешно удается

делать творческому коллективу единомышленников при отсутствии в округе книжных издательств, профессиональных работников издательского дела. Литературные новинки ежегодно собираются и публикуются в альманахах ЛитО «Заполярье». В подготовке альманаха реализуется выработанная временем концепция: лояльность подхода к отбору материала, общность интересов и взглядов начинающих и опытных авторов, сохранение и развитие ненецкого языка.

Уникальное явление в литературно-художественной жизни округа – выпускаемый в ЭКЦ НАО детский журнал на русском и ненецком языках «Пунушка». Созданный в 2007 году по завету Прокопия Явтысого, журнал стал литературной площадкой для авторов округа. Содержание и оформление журнала интересно читателям любого возраста, в том числе в семейном кругу. У юных читателей есть возможность высказаться, поучаствовать в оформлении журнальных страниц. Редакционный совет тщательно подбирает темы и авторов, приглашает к участию краеведов, научных сотрудников, художников. Каждый выпуск – это красочная энциклопедия природы родного края и культуры ненецкого народа на двух языках. Журнал рекомендован как методическое пособие к использованию в образовательных учреждениях и востребован среди педагогов. «Пунушка» вручается каждому первокласснику округа в День знаний, распределяется по всем образовательным учреждениям, библиотекам округа.

Силами Этнокультурного центра выпущены десятки авторских книг стихов и прозы, коллективных сборников – таких, как «Литературная карта округа» (2009), «Пульс современной литературы НАО» (2015). Издаются сборники ненецкого фольклора, собранные в этнографических экспедициях.

Поэзия души и проза жизни на тундровых просторах, как и прежде, звучат в произведениях литераторов Заполярья, пробиваясь сквозь суету и потоки информации современного мира. Каждый новый автор с уважением и надеждой принимается в общий коллектив, чтобы всегда зеленела корона крепкого литературного дерева.

Мне шум волны, как музыка, звучит
И песня чайки – как привет любимой...
К родным просторам отыскал ключи,
Как тропочку, что вьется в легком дыме.
И вот – иду.
Подвластно расстоянье.
Ложатся травы мягкие к ногам.
Родной мой край! К тебе, как на свиданье,
Иду я с песней.
Песню не отдам
Сырым туманам, чтоб смочили крылья,
Косым дождям, чтоб выбили ее...
О чем мечтали деды – стало былью,
В моих мечтах – грядущее твое.
[7, с. 6]

«Пусть все знают, я есть. Я есть, и у меня слово есть. Я ходить могу, говорить могу и передо мной тундра, как стол. Куда хочу, всюду могу пойти.

– Хэй, земля и все, кто по земле ходит! Я иду! Я – Нярава мальятна Хасава!» [6, с. 103]

Литература

1. Валей, Л. А. Прочен остов чума / Л. А. Валей. – Нарьян-Мар : Заполярье, 2013.
2. Вылка, Н. С. На острове / Н. С. Вылка. – Ленинград : Гослитиздат, 1938. – 68 с.
3. Канюков, А. Ф. Сочинения / А. Ф. Канюков. – Нарьян-Мар : Этнокультурный центр НАО : Общество краеведов, 2007. – 350 с.
4. Ледков, В. Солнце сна лишилось / В. Ледков. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1971. – 32 с.
5. Заполярье. Альманах ЛитО. Выпуск 17. – Нарьян-Мар : Этнокультурный центр НАО, 2017. – 140 с.
6. Заполярье. Альманах ЛитО. Выпуск 19. – Нарьян-Мар : Этнокультурный центр НАО, 2019.
7. Пичков, А. И. Родные напевы / А. И. Пичков. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1984. – 48 с.
8. Пичков, А. И. Сыновья метелей : стихи и проза / А. И. Пичков. – Нарьян-Мар : Этнокультурный центр НАО, 2008. – 335 с.
9. Филиппова, Л. И. Литературное краеведение. Учебная хрестоматия для школ Крайнего Севера. Часть 1 / Л. И. Филиппова. – Санкт-Петербург : Дрофа, 2006. – 206 с.
10. Явтысый, П. Схватка : повести / П. Явтысый. – Москва : Современик, 1988. – 187 с.

Т. П. Окладникова
г. Нарьян-Мар

АЛЕКСЕЙ КОТКИН – ПИСАТЕЛЬ ИЗ ЗАПОЛЯРНОЙ ГЛУБИНКИ

В статье показывается место писателя Алексея Степановича Коткина в литературе Ненецкого автономного округа. Раскрывается его творческое наследие, прослеживаются биографические данные, даётся обоснование считать, что основная тема произведений Коткина – тема заполярной деревни.

Ключевые слова: Ненецкий автономный округ, северный колорит, история Нижнепечорья, ЛитО «Заполярье».

T. P. Okladnikova
Naryan-Mar city

ALEXEY KOTKIN IS A WRITER FROM ARCTIC COUNTRYSIDE

This article shows writer's value in the literature of Nenets Autonomous region. His creativity heritage is revealed, biography

is traced and the rational to believe that the main subject of his works is the Arctic village is given.

Keywords: Nenets Autonomous region, northern coloring, history of the Nizhepechorie, literature community «Zapolyarie».

Известный северный писатель Алексей Степанович Коткин родился 25 февраля 1925 года в крестьянской семье в красивой деревне Коткино Пустозерской волости Усть-Цилемского уезда Северного края (с 1929 года – Нижне-Печорский район Ненецкого национального округа Архангельской области, ныне МО «Коткинский сельсовет» НАО). Отец – Степан Михайлович – 1893 г. р., мать – Людмила Степановна – 1903 г.р. Родители его занимались рыбодобычей, охотой и сельским хозяйством. В семье было 9 детей, из них Алексей – старший. До войны, из-за необходимости помогать родителям обеспечивать семью, он окончил лишь начальную школу и курсы бухгалтеров в Нарьян-Маре и сразу же приступил к работе счетоводом в колхозе «Сула-Коткино».

В ноябре 1941 года с установлением зимника Нарьян-Мар – Архангельск по рекомендации комсомола Алексей Коткин был назначен командиром вооруженного заслона. В заслон входили исключительно комсомольцы. Обязанностью «заслонников» была проверка документов у всех проезжающих по тракту в ту или другую сторону.

В это же время он стал писать стихи и маленькие рассказы, но, как правило, главным образом, «в стол». Позднее он признался: причиной была «элементарная малограмотность, от которой мне удалось избавиться уже после войны, когда я был уже семейным человеком» [4, с. 208].

В августе 1942 года по комсомольскому призыву Алексей Коткин был зачислен в Военно-морской флот страны. Однако служить и воевать ему пришлось в авиадесантных войсках [2, с. 136].

Был трижды ранен, в том числе два раза – тяжело. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За Победу» и многими другими. В октябре сорок пятого был демобилизован. Вернулся в родную деревню, где вскоре женился на учительнице Таисье Акимовне Баниной.

Семья Коткиных вырастила пятерых детей: трех дочерей и двух сыновей. Алексей Степанович работал в колхозе и последние 20 лет – бухгалтером в школе, электриком и вел военизированные кружки. Все это время учился без отрыва от производства. Закончил семилетку, затем 8-й, 9-й и 10-й классы, в пятидесятые годы начал учебу в заочной средней школе Архангельска. В 1970 году (год столетия со дня рождения В. И. Ленина) за победу во Всесоюзном конкурсе под девизом «Ленина не видел я ни разу, но без Ленина не прожил я ни дня» за очерк «Зори Ильича» ему была присуждена третья премия и внеконкурсное право поступления на факультет журналистики Свердловского университета. В силу семейных обстоятельств от учебы в университете пришлось отказаться.

Кроме того, он почувствовал, что заочная учеба в средней школе и постоянное самообразование дали возможность всерьез заняться литературным творчеством.

Вначале Коткина привлекала детская тематика, потом – историческая. В шестидесятые годы, с выходом книги рассказов «Антошка» и романа «Красная ласточка», он зарекомендовал себя как талантливый автор. Был внештатным корреспондентом окружной газеты «Няръяна вындер», нередко приезжал в Нарьян-Мар в редакцию этого издания. С 1978 года Алексей Степанович является членом Союза писателей России [5, с. 3]. В альманахе «Печорские были» (№ 4) печатаются главы из романа А. С. Коткина «Заполярные страницы». Свыше тридцати лет Коткин был активным участником литературного объединения «Заполярье».

Детство – одна из значимых тем в творчестве Алексея Степановича. Он любуется детьми, живет их жизнью, верит в них. «Антошка» – так называется его первая детская книжка, вышедшая в Архангельске в 1966 году.

С 1974 года Алексей Степанович Коткин кропотливо изучает архивы, собирает воспоминания современников, внимательно изучает газету «Няръяна вындер», чтобы написать историю Нижнепечорья. Он начинает с революционных событий, затем его внимание привлекают Гражданская война, НЭП, начало коллективизации, Великая Отечественная война. Раздумья о родном крае воплотились в романах «Красная ласточка» и «Печорская история». Язык произведений А. С. Коткина ярок и самобытен, отличается сочным северным колоритом.

Тем временем в Архангельске, в Москве, издательствах других городов было выпущено в свет тридцать его книг, в том числе, три романа: «Красная ласточка», «Печорская история» и «Синегорье». «Печорская история» – объемный (20 авторских листов) роман из трех частей, он посвящен истории Ненецкого округа и Нижнепечорья. В «Печорской истории» действующие лица главным образом те же, что в «Красной ласточке», но появились также и новые. Роман посвящен годам НЭПа, тому, как новую политику государства восприняло и поняло печорское крестьянство – основная производительная сила печорского Заполярья. Роман «Печорская история» был издан в 1990 году в московском издательстве «Современник» 50-тысячным тиражом. За «Синегорье» в 1998 году Коткину была присуждена областная литературная премия имени Ф. А. Абрамова.

В 2004 году вышел четвертый роман Коткина «Заполярные страдания». Это книга о военном времени, о жизни в глубоком тылу и на фронте. В повести «Заповедное озеро» рассказывается о том, что мы привыкаем к озеру, в котором ловим рыбу, к лесу, где собираем грибы и ягоды, и кажется, что родная природа всегда будет богатой и щедрой. Но она оскудеет, если мы забудем, что ее дарами надо пользоваться разумно и бережно. На эту актуальную тему размышляет автор «Заповедного озера», заставляя читателя любоваться вместе

с ним красотами северной природы и призывая заботиться о ней [6, с. 27].

С 1990 года с женой Таисьей Акимовной А. С. Коткин перебрался на жительство в Архангельск. Здесь он входил в состав бюро областной писательской организации, до 1998 года возглавлял клуб «Кавалеры ордена Славы», в октябре 1998 был избран председателем Архангельского областного комитета ветеранов Великой Отечественной войны, а в декабре того же года в Москве введен в состав Российского комитета Великой Отечественной войны. В мае 2000 года Коткин возглавил группу (от Архангельской области) участников Парада Победы на Красной площади в Москве.

В последние годы жизни писатель занимался литературным творчеством и вел работу в областном комитете по патриотическому воспитанию молодежи.

В эти годы им были написаны повести «Вулкан» и «Выстрел на Югре». Первая посвящена нашим землякам – воинам Великой Отечественной, их нелегкой судьбе и мужеству, вторая – последним дням жизни и трагической гибели на Югорском шаре первого председателя Ненецкого окрисполкома и члена ВЦИК И. П. Выучейского.

Талантливый писатель ушел из жизни 16 августа 2007 года. Похоронен в Архангельске [5, с. 3].

В 2010 году ОГУ «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа» подготовил к печати и издал книгу «Сульская мозаика». Алексей Коткин написал эту документальную повесть в 1998 году, на склоне лет. Жизнь деревенской заполярной глубинки – древнего русского села Коткино на реке Суле, притоке Печоры, предстает перед читателем в преданиях о первопоселенцах, колоритных характерах и судьбах. «Правда о родном уголке» – так называл ее автор. В 1994–1996 годах «Сульская мозаика» публиковалась в газете «Няръяна вындер». Книга издана впервые по рукописи, подаренной автором сельской библиотеке деревни Коткино.

Бот фрагмент из воспоминаний дочери Коткина, Надежды Ярковой:

«Мне бы хотелось, чтобы его книги читали. Помню, как все они писались. Я была маленькая, он меня посадит и читает мне свои произведения. Он так артистично все прочитывал, как будто проживая каждую строчку. Поэтому мне, несмотря на возраст, было очень интересно. Помню его рукописи, написанные ручкой, а потом отпечатанные на машинке. Их было много-много, все такие исчирканные правками... Я горжусь своей детской причастностью к творчеству отца. Много помню, как он рассказывал о войне, наверное, это очень меня задевало. Он очень хорошо играл на гармошке и пел, мама рассказывала, как впервые увидела его: кудрявый чуб, гармошка, да как запел: она сразу влюбилась! Всегда был очень активный, его до самого конца дома было не застать, постоянно на встречах с людьми, где-то выступает».

Авторитет Коткина как общественного деятеля, публициста и писателя был признан как в ближайшей округе, так

и во всей Архангельской области. В своих произведениях он проявлял свой талант с течением времени все более гибко и разносторонне, показывая перипетии, конфликты и противоречия в общественных и межличностных отношениях. Колоритно и захватывающе прослеживал диалектику человеческих устремлений, художественно исследовал причины взлетов и падений героев своих романов и повестей, искал объяснение их неординарным поступкам.

Определенный вклад в культурное развитие удаленного от столицы округа Коткино внес писательский и публицистический труд Алексея Степановича, выступавшего со статьями в окружной и областной прессе. К этим материалам нельзя было относиться равнодушно. Они имели конкретный посыл, служили сигналами для принятия действенных решений в разных областях жизни округа и деревни. Участник Великой Отечественной войны, он продолжал бороться уже не с оружием в руках, а журналистским и писательским пером, помогая менять жизнь к лучшему.

Как писал Владимир Титов в статье «Писатель А. С. Коткин», Алексей Степанович «был гражданином, журналистом с активной гражданской позицией и писателем, посвятившим всю жизнь родному краю, который вдохнул в него талант, тягу к литературному творчеству. Его труды и дела живут, служат и будут служить поколениям для более объективного понимания жизни земляков. Как и Шолохов, он художественно воссоздал историю советского периода. Он написал художественно преображеные страницы истории Припечорья и тем самым воздвиг себе памятник на вечные времена». [7, с. 20]

Публикации произведений А. С. Коткина

Антошка: рассказы. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1966.

Заповедное озеро: повесть. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1977.

В тундре: рассказ // Под радугой Севера. М.: Современник, 1980.

Егор Ванюта: повесть. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1981.

Из жизни Яши Ламбея: повесть // На семи ветрах. М.: Детская литература, 1984.

Красная ласточка: роман. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985.

Печорская история: роман. М.: Современник, 1990.

Рабы обстоятельств: повесть. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992.

Сульская мозаика: документальная повесть // Нарьянка вындер. 1994-1996.

Синегорье: роман. Архангельск: ИП «Любостай», 1997.

Выстрел на Югре: повести и рассказы. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 2001. Заполярные страдания: роман. Архангельск: Правда Севера, 2004.

Литература

1. Артеева, И. «Жизнь есть борьба между добром и злом...» / И. Артеева // Нарьянка вындер. – 2015. – 12 февраля (№ 14).

2. Ермолина И. П. Коткин Алексей Степанович / И. П. Ермолина, Л. Ю. Корепанова // Ненецкий автономный округ: энциклопедический словарь / [Гл. ред., сост. Л. Ю. Корепанова]. – Москва: Аванта+, 2001. – С. 135-136.
3. Коткин, А. С. Заповедное озеро: повесть / А. С. Коткин. – Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1977. – 63 с.
4. Коткин, А. С. Сульская мозаика: повесть без выдумки / А. С. Коткин. Нарьян-Мар: Издательский центр, 2010. – 212 с.
5. Коткин, А. С. Сульская мозаика: фрагмент повести / А. С. Коткин // Заполярье: альманах ЛитО / ОГУ "Этно-культурный центр Ненецкого автономного округа", Народное литературно-творческое объединение "Заполярье". – Архангельск: Этно-культурный центр Ненецкого автономного округа, 2010. – Вып. 10. – С. 3-4.
6. Окладникова, Т. П. Коткин Алексей Степанович // Календарь знаменательных и памятных дат 2005: Ненецкий автономный округ / Управление образования Администрации НАО, НО ИППК, Кафедра культурологии и этносоциальной педагогики. - Нарьян-Мар: ИППК, 2004.
7. Титов, В. Писатель А. С. Коткин / В. Титов // Заполярье: альманах ЛитО / ОГУ "Этно-культурный центр Ненецкого автономного округа", Народное литературно-творческое объединение "Заполярье". – Архангельск: Этно-культурный центр Ненецкого автономного округа, 2012. – Вып. 12. – С. 19-20.

Л. Г. Яцкевич
г. Вологда

МУДРОСТЬ И БЕЗУМИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ В РАССКАЗАХ СТАНИСЛАВА МИШНЕВА

Статья посвящена теме мудрости и безумия народной жизни последних десятилетий в творчестве вологодского писателя С. М. Мишнева, современного продолжателя традиций В. И. Белова и В. М. Шукшина. Рассматривается, как писатель с художественной проницательностью воссоздает духовную брань в душах своих героев в трудных, нередко катастрофических, ситуациях, которые приводят к трагедии отчуждения крестьян от родной земли.

Ключевые слова: традиции В. И. Белова и В. М. Шукшина, народные мудрость и безумие, рассказы С. М. Мишнева, духовная брань, отчуждение от земли.

L. G. Yatskevich
Vologda city

THE WISDOM AND MADNESS OF PEASANT LIFE IN THE STORIES OF STANISLAV MISHNEV

The article is devoted to the theme of wisdom and madness of people's life of the last decades in the works of Vologda writer

S. M. Mishnev, modern successor of traditions V. I. Belov and V. M. Shukshin. It is considered how the writer with artistic insight recreates the spiritual battle in the souls of his characters in difficult, often catastrophic, situations that lead to the tragedy of alienation of peasants from the native land.

Keywords: traditions of V.I. Belov and V.M. Shukshin, folk wisdom and madness, stories of S.M. Mishnev, spiritual warfare, alienation from the earth.

– Мне стыдно, – горячо продолжала Бедная Лиза, –
что Иван-дурак находится вместе с нами.

Сколько можно?! До каких пор
он будет позорить наши ряды?

– Выгнать! – крикнули с места.

– Тихо! – строго сказал Лысый contadorский. –
Что ты предлагаешь, Лиза?

– Пускай достанет справку, что он умный, – сказала Лиза.
Тут все одобрительно зашумели.

– Правильно!

– Пускай достанет! Или пускай убирается!..

B. M. Шукшин. До третьих петухов

В XX веке у властей вошло в привычку поучать русского мужика с оглядкой на иноземных мудрецов, соблазнять его разными выдуманными социальными теориями, которые создавались умниками, оторванными от матери-земли. В XXI веке привычка считать мужика за дурака продолжается, что чревато большой бедой. Василий Макарович Шукшин пророчески раскрыл эту духовную трагедию нашего времени в своей сказке-притче «До третьих петухов».

Писатель С. М. Мишнев – достойный продолжатель традиций В.М. Шукшина и В. И. Белова в русской литературе. Как и Белов, Мишнев родился в вологодской деревне. Он и сейчас живет на своей родине в деревне Старый Двор Тарногского района. С 1969 года он работает на родной земле: начал трудовую деятельность трактористом, был механиком, инженером, экономистом, бригадиром, партторгом. Таким образом, писатель имеет собственный опыт многолетнего деревенского бытия. Мишнев – коренной вологодский крестьянин и одновременно – талантливый писатель и мудрый человек, которому веришь. Глубокое познание и осмысление крестьянской жизни на рубеже XX и XXI веков лежит в основе его повестей и рассказов, обладающих высокими художественными достоинствами и исторической значимостью. Его произведения – правдивый документ эпохи колхозной жизни и последующего в перестройку окончательного раскрепощения коренных жителей деревни.

На наш взгляд, писатель особенно глубоко прочувствовал и осмыслил в своем творчестве тему мудрости и безумия народной жизни последних десятилетий. Данная тема – одна из важных в истории русской литературы.

Понимание мудрости и безумия в русской культуре имеет свои национальные особенности. Отец Павел Флоренский в свое время отмечал: «Наши философи стремятся быть не столько умными, как мудрыми, не столько мыслителями, как мудрецами. Русский ли характер, исторические ли условия влияли тут – не берусь решать. Но несомненно, что философии «головной» у нас не повезло. Стародумовское: «...ум, коли он только ум, – сущая безделица» – находит отклик, кажется, во всяком русском...» [20, с. 207]. Действительно, если обратиться к русскому фольклору и художественной литературе, начиная с древности, мы найдем многочисленные подтверждения мнению, согласно которому *мудрость*, то есть глубокое сердечное и душевное проникновения в суть явлений жизни, противопоставлена бездуховному бесплодному *рассудку*. Поэт Н. А. Клюев так проницательно и образно раскрыл нравственную и религиозную особенность народной мудрости, в которой соединились земное и небесное:

Мужицкая душа, как кедр зелено-темный,
Причастье Божьих рос неутомимо пьет...

В фольклоре прямо и контрастно противопоставляются бесплодный ум и мудрость. Достаточно вспомнить Иванадурака – любимого героя русских народных сказок, который в конце концов оказывается мудрее всех умных героев, над ним ранее насмехавшихся.

В русской литературе XIX и XX веков тема мудрости и безумия в творчестве разных писателей разрабатывается в различном духовном и культурном ключе. К этой теме не ослабевает пристальное внимание литературоведов [1; 6; 9; 10; 17; 21; 22; 24 и др.]. К сожалению, в этих исследованиях, несмотря на хорошее знание данной литературной темы и интересные частные наблюдения, преобладает социально-политический подход и не учитывается в достаточной степени национальная специфика русской культуры. Нет оценки литературных сюжетов и героев с позиций православной этики, которая свойственна многим русским людям: для одних – как обязательное руководство к действию, а для других – как желанный, но уже недостижимый идеал. Согласно православному учению, безумие человека имеет два противоположных источника: *гордыню* и *смирение* перед Богом. Соответственно, существуют два вида безумцев: *гордецы-безумцы* («Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» [1 Кор. 3: 19]) и *смиренные праведные люди*, принявшие на себя личину безумия или ложно признанные в обществе безумными, но мудрые из мудрых перед Богом («Блаженны нищие духом» [Мф. 5:3]). Для России был особенно характерен тип святости – юродивые Христа ради. Однако и в наше время среди обычных, вовсе не святых людей, это противопоставление является духовным законом, известным с библейских времен. Нередко открытых и честных людей злая молва считает безумными и смеется над ними. Однако истинное безумие – это нарушение

человеком духовных законов, которые ведут к греху и гибели души в нынешней и вечной жизни.

Степень безумия и мудрости имеет множество вариаций, что и нашло отражение в галерее образов русской литературы, неоднократно рассмотренных в литературоведении. Вместе с тем отметим, что в классической русской литературе преобладают образы безумцев-гордецов и безумцев-блаженных, которые являются выходцами из сословия дворян (Чацкий в «Горе от ума» Грибоедова, Герман в «Пиковой даме», Мария в «Полтаве» Пушкина, художник в повести «Портрет» Гоголя, князь Мышкин в романе «Идиот» Достоевского и др.), чиновников (Поприщин из «Записок сумасшедшего» Гоголя, главный герой в рассказе «Сон смешного человека» Достоевского), интеллигентов («Черный монах», «Палата номер шесть» Чехова, «Красный цветок» Гаршина). И совсем редко встречаются подобные персонажи – выходцы из крестьян, из простонародья. Среди них особенно известны образы юродивого Миколки в «Борисе Годунове» Пушкина, юродивого Гриши в трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», блаженных (но не святых) в творчестве Ф. М. Достоевского (например, в романах «Подросток», «Братья Карамазовы»). Из новейшей литературы отметим образ блаженного Лавруши, главного героя повести «Мать сыра земля» талантливого сибирского писателя Николая Олькова [18]. О художественных достоинствах его творчества мы ранее писали [25]. Разным сословным статусам героев соответствуют и типы сюжетных конфликтов, и философская проблематика данных произведений.

Василий Макарович Шукшин в своей сказке «До третьих петухов» глубоко раскрыл духовные основы мудрости и безумия народной жизни. Его сказка-притча, написанная еще в 1974 году и первоначально названная автором «Ванька, смотри!», является той путеводной звездой, которая правдиво и мудро освещает события и нашего тревожного времени, призывает нас к духовной трезвости и бдительности. И особенно сейчас важно прислушаться к грозному призыву – предупреждению героя этой сказки – богатыря Ильи Муромца, а значит и самого писателя: «*Ванька, смотри!*»

Писатель Станислав Мишнев следует этому призыву – предостережению В. М. Шукшина. С художественной проницательностью он воссоздает в своих произведениях духовную брань в душах своих героев-крестьян, раскрывает их мудрость или безумие в трудных, нередко очень тяжелых, ситуациях, которыми так насыщена жизнь русской деревни последнего столетия. Мишнев продолжает в своем творчестве традиции тех писателей, которые «особенно остро ощущали зло и грех, разлитые в мире, и в своем сознании не отделяли себя от этой порчи; в глубокой скорби они несли в себе чувство ответственности за общую греховность, как за свою личную, властно принуждаемые к этому своеобразным строением их личности» [20, с. 595].

1. У Мишнева есть произведения, в основе сюжета которых лежит конфликт между житейской или духовной мудростью крестьян и абстрактной законностью представителей власти, с позиций которой их поступки кажутся безумными и предосудительными. Отметим, что этот тип сюжета получил широкое распространение в русской литературе, начиная с эпохи коллективизации в 30-е годы XX века, в силу своей жизненной достоверности. Среди вологодских писателей первым обратился к нему В. И. Белов в повести «Привычное дело», проникнутой болью за родную землю, страданием за унижение человеческого достоинства крестьян-тружеников.

В рассказе Мишнева «За деревней Баской» [13] описана трагедия двух мужиков, вернувшихся с фронта в родную деревню, где свирепствует страшный голод, хотя «хлеба склады стояли полные, а хлеба не тронь! Каждый день бригадир с председателем колхоза проверку делали, мышиный след и тот на подозрение брали. Клеверные шишки ели, сосновую кору, очень вредную для желудков куглину¹ и прочий всякий сор, все ели, что утроба принимала».

Автор подчеркивает в начале повествования, что его главные герои были друзьями и жили одинаково: «У колхозника Петра Обрядина детей шестеро. Окна их летнего пятистенка смотрят на восход солнца. У колхозника Семена Куприянова детишек семеро. Окна их летнего пятистенка тоже смотрят на восход солнца». Кажется, живи да радуйся. Однако в конце рассказа оба мужика погибают, правда, причины гибели у них разные, хотя источник один – безумные бесчеловечные законы, притесняющие крестьян и не считающие их за людей. На войне Петр Обрядин попал в плен, а вернувшись оттуда, оказался в жестких руках НКВД, где его запугивают, обязывают быть осведомителем и доносить на своих односельчан, голодных и замученных тяжелой работой. Мужик сломлен, презирает сам себя, однако свою унизительную роль исправно выполняет. Правда, все об этом в деревне знают, и ему остается только умолять односельчан: «Ради Христа истинного не говорите при мне ничего такого, не делайте ничего такого, и частушек про партию не пойте. Не могу я, люди добрые, не сказать, не могу не доложить!»

Раздвоение личности Петра Обрядина, его безумное состояние, когда он даже своей жены и детей стыдится и не садится с ними за один стол обедать, приводит к трагедии лично его и других, близких ему односельчан. Его друг Семен Куприянов, не имея разрешения на охоту, по заданию председателя и парторгра убивает в лесу лося, чтобы разделить мясо среди голодающих семей в деревне. Петр сообщает в район, приезжает милиция и увозит Семена, который затем бесследно пропадает в тюрьме или в лагере. Никаких известий от него нет. Петр, не выдержав гибели друга и позора, наложил

¹ Куглина – обмолоченные головки льна. В войну есть-то было нечего, куглину и ту давали по ведру на человека. К-Г. Терех. [СВГ, 4, с. 10], льняная шелуха от семенных головок [ТГ, с. 142].

на себя руки. Таким образом, оба крестьянина каждый по-своему сопротивлялись безумным законам: Семен сопротивлялся активно – вопреки запретам он хотел спасти односельчан от голода. А у Петра это сопротивление было пассивным, но еще более трагическим. Следует обратить внимание на то, что автор назвал своих героев Семен и Петр и таким образом сделал намек на их неразрывное единство (ср.: в Евангелии апостол Симон Петр). Да, крестьянский мир един, в этом мудрость его жизни. С точки зрения районных властей и общепринятых в советском обществе норм оба колхозника вели себя, как безумцы и преступники. Но безумны власти, которые в те времена раскальывали соборное единство русского народа, да и в наше время происходит все то же, только изменились законы и нормы.

К счастью, среди деревенских людей встречаются начальствующие, которые ради благодати милосердия и любви стараются не исполнять безумных законов и спасти своих подопечных односельчан. Например, так мудро поступили в подобной ситуации персонажи рассказов В. И. Белова «Лесничий» [5] и С. П. Багрова «Хорек» [3]. Духовные традиции, заложенные в русскую литературу начиная со «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, живут в лучших произведениях современной прозы.

2. Тема мудрости и безумия нашла отражение и в другом трагическом сюжете рассказов Станислава Мишнева. Лишенные собственности на землю и свободного труда на ней, колхозники постепенно под напором диких распоряжений сверху стали отчуждаться от родной земли. В послеперестроечную эпоху это отчуждение катастрофически нарастает. Подробно, с привлечением документов и статистики эти процессы рассмотрены, например, в статье В. Я. Кириллова «Отчуждение Родины» [11]. Писатель Мишнев создает образы отщепенцев, для которых отчуждение от родной земли и даже ее предательство стали их добровольным безумным выбором. В рассказе «Снится мне деревня» [14] описана судьба одинокой старой колхозницы Анны Сергеевны, которую бросил единственный сын: «Двадцать четыре года назад сын Юрик не стал признавать за колхозом цены, точно сила людская происходит из одного сознания, подался в город. Сын с пеленок привык идти впереди других, тихий шаг сзади был для него позором. И двадцать четыре года мать ходит за пять километров на почту, ей постоянно хочется слышать родной голос».

Рушится дом брошенной матери, безлюдеет деревня: «И много на селе появилось таких домов, таких хозяев печальных, как Анна Сергеевна. Куда подевалась сытость в желудке и семейное счастье в душе? Соберутся селяне ближе к магазину, одни речи, одни рассуждения: “А вот раньше...” – “До Бориски Ельцина или до Мишки комбайнера? Вот и говори конкретно, а то: раньше, раньше”. Запоздало мелькает в головах здравая мысль: “Кабы не разъехались свои, уперлись лаптями, разве так бы жили?”»

К трагической теме брошенной, забытой крестьянами родной земли обращаются и другие вологодские писатели, например, А.А. Цыганов в рассказах «Ночью месяц пек» и «Ерпыль» [23]. О его творчестве мы ранее писали [26].

С. Мишнев показывает и другую форму отчуждения от родной земли – безумное стяжательство некоторых колхозников, воровство, расхищение нажитого колхозом богатства, которое многие не считают своим собственным добром. В рассказе «Тощий, он же жирный» [15] пожилой, опытный парторг предупреждает вновь прибывшего в деревню нового председателя колхоза: «Тебя сотни, тысячи раз обманут, а почему обманут? Не думаю, что ты глуп, просто обман есть одна из форм колхозного общежития». Автор приводит хорошо известную во многих деревнях «озорную, на самом деле горькую, страдальческую частушку»:

Все колхозное не наше,
Милая товарочка.
Нынче нашего осталось...
(А дальше нецензурный текст – Л. Я.).

Главный персонаж этого рассказа Иван Петрович Тощев – один из расхитителей, ускоряющих конец колхозной жизни. Он хитер и носит маску борца за справедливость: «Народ положительно убежден, что Иван правдоискатель, но в то же время знает, какого он закала, что готов отравить жизнь любому, хоть кладовщику, хоть лаборантке на ферме, не говоря о специалистах рангом повыше. В поисках правды готов разорить всю вселенную, но разорить без огня и дыма, вроде для потехи». По мере разорения колхоза в перестроечные годы Иван Тощев становится все богаче, так как присваивает колхозное имущество. И если раньше со школьных лет он имел прозвище *Тощий*, то теперь односельчане дали ему с насмешкой другую кличку – *Жирный*.

Но есть в рассказах С. Мишнева и совсем другие крестьянские типы – это наследники традиционной крестьянской мудрости, которая заключалась в трудолюбии, честности и верности родной земле. Так, в рассказе «Чертой» [12] писатель создает образ колхозника Михаила Дорофеевича Другова, который за свое упорство в трудолюбии и азарт труженика на земле получил от односельчан прозвище *Чертой*. Так же называли его деда, имевшего мельницу, которого раскулачили в тридцатые годы. В разговорном языке слово *черт*, употребляясь в экспрессивном переносном значении, обозначает человека, имеющего невероятное упорством в работе и обладающего большой силой. В составе сложных слов оно сохраняет свою экспрессию, например, в вологодских говорах: *чертоломить* ‘много и тяжело работать’, *чертоломина* ‘тяжелая работа’ [СВГ, 12, с. 36]. В своем словаре родного тарногского говора С. Мишнев дает такое определение словам: *чертоломить* ‘воротить чернью, малооплачиваемую работу’, *чертоломина* ‘тяжелая, малооплачиваемая работа’, *чертой* ‘знаток мельничного дела’ [ТГ, с. 321-322]. В тексте рассказа

слово *Чертой*, ставшее прозвищем главного героя, приобрело иное значение – ‘сильный человек, упорный в тяжелой работе’. Все эти слова имеют отрицательную экспрессию и выражают неодобрение. Трудолюбивые рачительные крестьяне оказались ненужными как в эпоху «коллективизации», так и потом в эпоху «деколлективизации».

Горькую думу думает Михаил Другов, по прозвищу Чертой: «Дед в лаптях спал, ел походя, все ему некогда было. Ломил, ломил – в кулаки угодил. Первый враг Меевки. Внук за колхоз грудью стоял, рвачам на горло наступал, пьяниц не жаловал – тоже враг. Жаль ему напрасно истраченных лет. Щемит сердце, а боль не душевная: ведь порвется семейная нить!» Колхозники, утратившие природную крестьянскую хозяйственность и рачительность в труде, «считали Чертой докой, голованом, много в нем такого, что всем кажется непонятным и странным. Бредит крепким колхозом – не юродивый вроде, в колхозной зыбке вырос, крепкий колхоз и обдерут крепко. Или пример деда ничему не научил?»

Когда в перестройку колхоз стал разрушаться, даже жена поедом ела Михаила: «Да уйди ты с этой работы! <...> Ну, неужели умом тебя Бог обнес? Ровно слепой двадцать лет с народом воюешь. Не надо народу колхоз, гори он синим пламенем, неужели не дотюнькало?» Но не мог Чертой без работы жить, ушел он с должности инженера-механизатора и взялся навоз вывозить с запущенных ферм. Однако некуда ему было деться от картины гибели родной деревни: «Тяжело жить, если ты не можешь судить мир, силы такой не имеешь и прав тоже покинуть этот мир не имеешь... Наперекор миру пошел – отринут миром станешь».

3. Во многих рассказах С. Мишнева показано безумие пьянства как ложного выхода из тяжелой ситуации, неминуемо ведущий к гибели. Писатель страдает вместе со своими героями, которые не выдержали утраты работы, смысла жизни и запили. Такие персонажи встречаются почти во всех его рассказах. В рассказе «Управляющий Зобенькин» [12] описывается трагическая история жизни Тита Валентиновича, механизатора, рачительного управляющего лучшим отделением совхоза: «Хорошо жить, ощущая зуд жизни! Даже засыпая, он думал о чужом, совхозном». Затем началась перестройка и последующая разруха в хозяйстве и в душах жителей села: «Начал народ потихоньку сходить с ума. Тит Валентинович оттягивал надвигающуюся трагедию, как мог. Глухое раздражение медленно закипало в нем и клокотало в его широкой груди <...> Товарища бы Сталина сейчас...». Постепенно тоска по прошлой трудовой полноценной жизни превратилась в покорность судьбе, и запил Тит Валентинович по-черному, ушел из семьи и превратился во всеми презираемого пьячужку.

Наложили на себя руки спившиеся колхозники – персонажи из рассказов Мишнева «Золотые руки» и «Пусть я умру – не потускнеют дали» [12]. Автор показывает бесовскую суть пьянства: «...накатит некое безумие, вроде как нечистый

дух плечо облюбует, усядется и давай в уши нашептывать да уговаривать откушать водочки...». К сожалению, это типичная история для жизни вологодской деревни на рубеже веков.

4. Безумие завистливи, мстительности и мудрость бескорыстия, всепрощения и миролюбия с художественной убедительностью показаны Станиславом Мишневым в рассказах «Попутчики» [12] и «Этап на Песь-Берест» [16]. Произведения Станислава Мишнева читать очень тяжело, несмотря на их художественные достоинства и талант писателя. В чем дело? Признаюсь: их чтение мучает душу образами греховности современного человека, которые созданы писателем, но всегда имеют реальные прототипы в жизни. Да, человек не может быть жив и не согрешить. Однако, как отмечал святитель Тихон Задонский, «согрешить – дело немощи, а пребывать в грехе – дело диавольское» [19, с. 238]. В современной культуре это состояние нашей природы, то есть *пребывание в грехе*, признается естественным и так или иначе оправдывается. Как писал сто лет назад священник Павел Флоренский, «новая культура есть хронический недуг восстания на Бога» [20, с. 548], и этот недуг все более усугубляется. Люди революционной культуры особенно далеко отступают от Божьего замысла о них и творят беззакония во имя субъективного человеческого закона справедливости, забывая о Божией Воле и Божием Суде. Еще дальше ушли от Бога современные либералы: они решили уничтожить само понятие греха. А ведь вседозволенность – это любимая уловка Сатаны.

Архимандрит Рафаил Карелин, современный духовный писатель, считает: «Грех – оккультное явление. Мистика греха заключается в его богооборчестве. Грех – это вызов Богу во имя своей мнимой свободы. Это желание досадить Богу, уничтожить образ Божий в душе. Грех безобразен и бессмыслен, но он привлекателен именно дерзким бесстыдством» [2, с. 36].

Рассмотрим рассказ Станислава Мишнева «Этап на Песь-Берест» [16]. Его сюжет отражает события гражданской междоусобицы, которая вспыхнула в России после Октябрьской революции 1917 года. Два крестьянина из одной местности пошли служить в НКВД, и теперь они вдвоем сопровождают колонну заключенных – арестованных священнослужителей, идущих по этапу в неизвестный пункт – Песь-Берест. Молодой крестьянин Гаврила Зареченский идет впервые, настроен он благодушно, бедным арестантам зла не чинит, по-крестьянски заботится о лошадке, с удовольствием ведет беседу со своим старшим сослуживцем – земляком Губиным, хотя тот пребывает совсем в другом настроении. Губин озлоблен, подозрителен, жесток к арестованным, циничен. Он ведет арестованных не впервые и уже знает, что жизнь людей на этапе находится в его полной воле. Кроме того, среди сопровождаемых священников у него есть личный враг, которого он жаждет убить, движимый местью и ложно понятой справедливостью, и, в конце концов, убивает по-зверски – топором.

Рассказ начинается с описания восхода солнца и утренней зари, которые для неравнодушного сердца кажутся вестниками Божий благодати:

«Над гарью, как над остывшей адовой сковородой, рождался день; неуловимый свет сражался с неуловимой тьмой: начали слезиться на востоке звезды, розоветь небосвод. Словно подпиравшее золотистыми мечами, приподнялось над землей отблескивающее медью солнце и застяло в черных просветах обгорелых лесин; и всеми красками заиграла апрельская заря. Свет умыл протаявшие в сугробах выскири, будто расправил скрючившиеся за ночь корни-веревки, что добросовестный работник матери Вселенной. Без отдыха побежал по чаще леса, радостный и веселый».

Такое начало рассказа, далее изображающего мистическую безду человеческой греховности, является сильным средством отчуждения от этого греха, потому что картина радостной и веселой утренней зари является заветом того, что Бог есть, Его благодать изливается на русскую землю, которая в эпоху гражданской междуусобицы, по словам писателя, подобна *гари, остывшей адовой сковороде*. Ведь в это благодатное утро по русской земле гуляют кайновы внуки, из-за злобной зависти и жажды «справедливости» готовые на убийство своих братьев.

Главный герой рассказа Губин – один из них. На первый взгляд, кажется, что образ этого человека имеет только историческое значение. Да, в революционных событиях сто лет назад принимали участие не только самоотверженные борцы за народное счастье, которые не боялись пожертвовать собственной жизнью, но и активные «борцы» за свою личную удачу и шкурный интерес. Основной чертой таких «борцов» была страшная жестокость, порожденная удивительной трусостью, вечным жутким страхом перед честными и мужественными людьми. Это был мистический страх перед Истиной. Именно к такому типу людей и относился Губин. Он всю свою жизнь завидовал своему родственнику дьякону, страшился его духовной силы и чистоты. И к этому мистическому страху прибавилась еще бесовская боязнь, что начальство узнает о том, что этот арестованный священнослужитель – его довольно близкий родственник. И тогда он лишится своей должности и хорошего заработка. Ничего нового! Губин повторил грех Каина. Вот это самое страшное! Завистники и злобные мстители множатся обычно в те исторические эпохи, в которых царит хаос и произвол, будь то революции и гражданские войны или анархия «перестроек». Станислав Мишнев в своем рассказе с художественной убедительностью, на языке образов, говорит нам об этом же.

Другой герой этого рассказа – крестьянин Гаврила – проходит через искушение отомстить Губину за преступление. Он избивает убийцу и в гневе собирается задушить его, но его самосуд останавливает старый священник, один из арестованных: «Сынок, – тихо раздалось сзади, – Будь выше тирана. Господи, смилийся над нашим воздыханием, допусти до Таин-

ства примирения с Тобой». Слова старца-мученика остановили новое преступление и спасли Гаврилу от участи убийцы. Он лишь обезоружил Губина и лишил его власти над гонимыми по этапу людьми. Грех бессилен перед духовной силой старого священника, способного остановить другого человека, одержимого искушением мести.

Притча о мудрости миролюбия и безумии человеческой вражды и мстительности содержится также в рассказе С. Мишнева «Попутчики» [12], он глубоко символичен. С другой стороны, сюжет этого рассказа реалистичен до самых мелких подробностей быта северной деревни в 90-е годы. Композиция рассказа построена на контрасте характеров героев: миролюбца и блаженного в своей радостной жизни глухонемого мужика Африкана Кузьмовича и двух мстительных злобных мужиков Санко Манника и Коли Ерейчика. Если блаженного автор называет по имени и отчеству, то враждующих всю жизнь между собой мужиков – только уменьшительными именами и прозвищами, словно они так и не стали взрослыми людьми.

Глухонемой мужик не считает себя обиженным Богом и людьми и радуется жизни. Он не боится любой, даже самой грязной работы, у него добрая жена, которая о нем с любовью заботится и даже старается одеть его понаряднее. Писатель прямо указывает на причину его счастливой жизни: Африкан Кульмович – глухонемой не только в прямом значении, но и в переносном смысле: он глух к бесплодной людской суete и вражде, к политическим играм и новостям. Для него всего этого безумия не существует, он его отринул и стал духовно свободным: «А как вечером они усядутся с женой на крыльце – любота! У жены глаза заблестят, смутится он от прихлынувшего счастья, она ему на плечо навалится, не может он сказать, как душа с новой весной встречается, потому нежно и долго будет гладить жену по голове. Не понимает он реформ и не хочет понимать, и газету с постановлениями да указами рвет, не читая, и рвать будет, ибо он свободный мужик и плевать хотел на олигархов, демократов и цементирующий коррумпированный управленческий класс!» Таким образом, автор создает традиционный для православной культуры образ блаженного, который так полюбился когда-то русскому народу.

5. Писатель С. Мишнев в своих рассказах раскрывает безумие безбожия и мудрость веры в Бога. Это мировоззрение автора не воплотилось в особые сюжеты, но стало тем фоном, на котором происходит осмысление событий во всех его повествованиях. Рассказ «Черторой» [12] начинается с молитвы автора о своей родине – он цитирует строки из сказания о Борисе и Глебе: «Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его». Обращение с молитвой к святым страстотерпцам, погибшим от злобы и интриг бесчестных людей, сеющих разобщение и разорение Русской земли, не случайно. Первые русские святые братья Борис и Глеб – это наши

национальные символы терпения и верности Истине, без которых не устоять Руси.

Далее писатель, как древний летописец, повествует: «Точно не известно, от царя Петра или раньше, с Куликова поля наши деревни засватали небесных обитателей в свои защитники. Крестьяне деревни Чудской Посад Николу – угодника на божницу поставили. Ковыринцы часовней Илье-пророку от грома прикрылись. Боярскую Выставку архангел Михаил дозором обходить подрядился. В Смутное время на Шаламовом погосте кирпичную Василия Кесарийского церковь вознесли...» Под Божией защитой жизнь деревни была полноценной, семьи многодетными, а праздники веселыми. Тогда и избы на совесть рубили. Историю постепенной гибели деревень писатель связывает с богоотступничеством ее жителей. Он повествует: «После двадцатого года в защите святых начали сомневаться, кресты на кладбищах комсомольцы пошибали, колокола на церквях побили; после 30-го года запели хвалу новой жизни, зажили поскупее, с оглядкой. Ближе к 40-му ремешки на поясах затянули, пивко еще варили; в войну на всю волость бабы голосили – не до пива было, после войны страну из руин поднимали, атомную бомбу делали – колхозников довели хуже скота всякого». Началось отчуждение крестьян-колхозников от земли, освященной верой предков, что привело затем к обнищанию и одичанию. С болью в сердце С. Мишнев описывает картины кощунства и святотатства несчастных деревенских безбожников. В рассказе «Управляющий Зобенькин» [12] главный герой Тит Валентинович душой страдает от нравственного падения жителей родной деревни, от фальши, господствующей в их жизни. Как управляющему отделением совхоза ему приходилось произносить речи у гроба умерших колхозников: «В такие душепитательные минуты к чему говорить о людских пороках <...> надо говорить о человеколюбии, жизнеутверждающих истинах добра, взаимовыручки и прочее... Все равно живые <...> будут помнить другое: там-то покойный напакостил, в другом месте вышиб стекла в рамках, от трезвого слова доброго не слыхал никто...» Размышая над всем этим, Тит Валентинович неожиданно вспомнил рассказ отца, который остался сиротой после раскулачивания семьи и гибели своего отца: «Отдали нам, малолеткам-бездомщине, часовню под хлев. В часовне одна икона была, остальные растащил народ по домам. Брат Венька икону об угол хрясь!.. Катим с верхов первое бревно, то бревно развернись да Веньке торцом по темечку – Венька как щи пролил. Мне бы над братом реветь, а я дощечки от иконы собираю да в голос рыдаю...» Однако из дальнейшего повествования следует, что это предостерегающее воспоминание о рассказе отца не спасло управляющего Зобенькина от собственного нравственного падения. Глядя на разрушение колхозного уклада и одичание односельчан в перестроечные годы, он запил от бессилия и безысходности. Из честного, трудолюбивого мужика превратился он в презренного пьянчужку, который,

не боясь греха, ради получения выпивки совершает святотатство – делает попытку под видом священника «исповедовать и причастить» умирающую набожную старушку, но та из последних сил его отгоняет: «Ой ты, рожа несытая! <...> Анкаголик ...».

Возрождение православной жизни в современной деревне только начинается и встречает на своем пути страшное отчуждение от веры отцов и укоренившиеся грехи деревенских жителей, с которыми молодой церкви бороться пока трудно. В рассказе «Золотые руки» [12] молодой священник отец Игнатий, ранее известный всем как односельчанин Андрюшка Черпаков, приехал на родину. Он полон сил – «ростом под матицу, в кости широк, голосина – через все поле чуть», служит в армии, «поднимает воинский и патриотический дух солдат». На родине он решил совершить молебен по искоренению пьянства. На это благое дело собралось много людей, «пешком шли, на тракторах ехали целыми семьями» со всей округи, а после этого окрыленные духовно решили строить часовню в селе на народные деньги. Однако самые горемычные пьяницы не пришли на этот молебен. Тракторист Кронид Иванович Чудинов уже полностью пленен бесовскими голосами. Была у него слабая попытка освободиться от этого плена, когда он тайно пришел домой к отцу Игнатию поговорить по душам, ожидая от него помощи. Но гордыня и бесовские голоса опять пленили его, и он пошел в лес и наложил на себя руки. К сожалению, это типичная история безумия...

Тяжело читать рассказы С. Мишнева, но в них нет либерального презрение к русской судьбе, а есть ясный взгляд на то, как было и есть на самом деле. В предисловии к книге писателя «Вот так и живем» В.Н. Бараков, подчеркивая реалистичность повествования о современной деревне, обращается к нам, городским жителям: «Много-много лет мы говорим и пишем о вымирающей России, об опустошенной деревне, а знаем ли мы, как все это на самом деле происходит, какие ужас и боль испытывает человек, у которого не сбережения – страну и жизнь отняли, а теперь еще и умереть спокойно не дают...» [4, с. 4]. Станислав Мишнев пропустил эти ужас и боль через свою жизнь и свое сердце и создал произведения, читая которые начинаешь духовно трезветь.

Публицисты, сохранившие кровную связь с родной землей, заслуженно обличают либералов и мошенников, порушивших Советский Союз, и обещают новый золотой век – проповедуют *православный социализм*. Они надеются: это *социализм атеистический, богоборческий* порушился, а *православный социализм* устоит. Но ведь слово-то это не наше – *социализм*, этим словом разрушали *общинный строй русской деревни*. И право – страшно, как все обернется для народа, который не смог без значительного урона, без утраты веры перенести позорное унижение нищетой, безбожием и несвободой, а теперь успел вкусить хмельного пойла вседозволенности под красивым иностранным словом *«демократия»*. А ведь когда-то на Руси это слово (в наши дни ставшее оружием

заграничных врагов и наших либералов) переводили на русский язык своим, славянским, словом – «**соборность**» (слово *соборъ* соответствовало греческому *δημος*, которое звучит как *демос* и значит – *народ*) [ПЦСС, с. 627].

Слово «*соборность*» называло тот православный уклад, который века существовал в русской деревне и века тщетно подвергался разрушению. Ф.М. Достоевский пророчески писал более ста лет назад: «Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что, сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. <...> Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. А ведь не все же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают!» [8]. В. М. Щукшин, В.И. Белов, а затем и С. Мишнев в своем творчестве продолжают утверждать справедливость этих слов Достоевского.

Литература

1. Антощук, Л. К. Концепция и поэтика безумия в русской литературе и культуре 20-30-х гг. XIX века: автореферат дисс. канд. филол. наук / Л. К. Антощук. – Томск, 1996. – 18 с.
2. Рафаил (Карелин Р. Н.) Мистическая сущность греха / Архимандрит Рафаил (Карелин) // О вечном и преходящем / Архимандрит Рафаил (Карелин). – Москва: ПолиграфАтелье-Плюс, 2011. – С. 13.
3. Багров, С. П. Портреты: рассказы / С. П. Багров. – Москва: Современник, 1980. – С. 255.
4. Бараков, В. Н. Проза разных лет Станислава Мишнева / В. Н. Бараков // Вот так и живем / С. Мишнев. – Вологда: Фест, 2008. – С. 3-4.
5. Белов, В. И. Иду домой: рассказы / В. И. Белов. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1973. – 190 с.
6. Бугаева, Л. Д. Идея безумия и ее языковое воплощение в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»: автореферат дисс. канд. филол. наук / Л. Д. Бугаева. Санкт-Петербург, 1995. – 18 с.
7. Бутрина, В. Ф. Юродивый Николка в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» и блаженный Тимофеи по спискам и редакциям «Святогорской повести» (К вопросу о проблеме прототипа и правдоподобия художественного образа) // Псков. – 2006. – № 25. – С. 118-126. – URL: https://it.pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps25/ps_25_08.pdf (дата обращения: 10.10.2019). – Текст: электронный.
8. Достоевский, Ф. М. О любви к народу / Ф. М. Достоевский // Дневник писателя. Ежемесячное издание / Ф. М. Достоевский. – 1876. – Февраль. – С. 118-126. – URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0480.shtml (дата обращения: 10.10.2019). – Текст: электронный.

9. Зимина, М. А. Дискурс безумия в исторической динамике русской литературы от романтизма к реализму: автореферат дисс. канд. филол. наук / М. А. Зимина. – Барнаул, 2007. – 22 с.
10. Иоскевич, О. А. На пути к «безумному» нарративу (безумие в русской прозе первой половины 19 века) / О. А. Иоскевич. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. – 161 с.
11. Кириллов, В. Я. Отчуждение Родины // Берега: литературно-художественный и общественно-политический журнал. – 2017. – № 6 (24).
12. Мишнев, С. Вот так и живем / С. Мишнев. – Вологда: Фест, 2008. – 206 с.
13. Мишнев, С. За деревней Баской: рассказ // Вологодский литератор. – 2018. – 29 апреля. – URL: <https://literator35.ru/2018/04/prose/stanislav-mishnyov-za-derevnej-baskoj/> (дата обращения: 10.10.2019). – Текст: электронный.
14. Мишнев С. Снится мне деревня: рассказ // Вологодский литератор. – 2018. – 22 января. – URL: <https://literator35.ru/2018/01/prose/stanislav-mishnev-snitsya-mne-derevnya-r/> (дата обращения: 10.10.2019). – Текст: электронный.
15. Мишнев, С. Тощий, он же жирный: рассказ // Вологодский литератор. – 2018. – 21 июня. – URL: <https://literator35.ru/2018/06/prose/stanislav-mishnev-toshhij-on-zhezhirnyj-ra/> (дата обращения: 10.10.2019). – Текст: электронный.
16. Мишнев, С. Этап на Песь-Берест // Вологодский литератор. – 2018. – 18 мая. – URL: <https://literator35.ru/> (дата обращения 10.09. 2018). – Текст: электронный.
17. Назиров, Р. Г. Фабула о мудрости безумца в русской литературе / Р. Г. Назиров // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сборник статей / Р. Г. Назиров. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-mudrost.php> (дата обращения: 10.10.2019). – Текст: электронный.
18. Ольков, Н. М. Мать сыра земля // Собрание сочинений. В 5 томах. Т. 5. / Н. М. Ольков. – Москва: Российский писатель, 2018. – С. 36-49.
19. Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского / Схиархимандрит Иоанн (Маслов). – Москва: ДАРЬ, 1996. – 653 с.
20. Флоренский, П. А. Рассуждения на случай кончины отца Алексея Мечева / П. А. Флоренский // Сочинения: в 4 томах. Т. 2 – П. А. Флоренский. – Москва: Мысль, 1994. – С. 591-595.
21. Хазова, М. А. Тема безумия в русской прозе XX века (1900–1970-е гг.): автореферат дисс. канд. филол. наук / М. А. Хазова. – Орел, 2017. – 24 с.
22. Хубулава, Г. Г. Тема безумия в русской литературе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. – 2014. - № 1. – С. 61-70.
23. Цыганов, А. А. Помяни мое слово: проза наших дней / А. А. Цыганов. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. – 372 с.

24. Яблоков, Е. А. «Я – часть той силы...»: (этическая проблематика романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») / Е. А. Яблоков // Русская литература. – 1988. – № 2. – С. 3-31.

25. Яцкевич, Л. Г. По былинам нашего времени. О повести Николая Олькова «Мать сыра земля» // Берега: литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей России. – 2019 – № 2.

26. Яцкевич, Л. Г. Не потерять надежду. О книге А. Цыганова «Помяни мое слово» / Л. Г. Яцкевич // Вологодский лад: литературно-художественный журнал. – 2019. – № 1 (37). – С. 180-188.

Словари и их условные сокращения

1. Мишнев, С. М. Тарногский говор: [словарь] / Станислав Мишнев. – с. Тарногский Городок [Вологод. обл.]. – Вологда: Полиграф-Книга, 2013. – 343 с. (ТГ)

2. Полный церковнославянский словарь / сост. Г. Дьяченко. – Москва: Посад, издат. отдел Московского патриархата, 1993. – 1168 с. (ПЦСС)

3. Словарь вологодских говоров. Вып. 1-12 / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. – Вологда : ВГПИ : Русь, 1983-2007. (СВГ)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНКУРС МОЛОДЕЖНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ ПО РАЗВИТИЮ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ТУРИЗМ НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Евграшина К. А., Колодий Н. А.,

Мельникова М. А., студенты-специалисты

Вологодский государственный университет,

г. Вологда, Россия

Научный руководитель: Самылина В. Г., к.э.н., доц.,

Вологодский государственный университет,

г. Вологда, Россия

На основе действующего законодательства и статистических данных по Вологодской области разработан проект по развитию сельских территорий на примере Харовского района. В работе изложены основные направления по обеспечению туристического маршрута и эффективного использования земли сельскохозяйственного назначения. Проведен расчет минимальных затрат на реализацию проекта и возможные источники финансирования.

Ключевые слова: туризм, сельские территории, домашняя ферма, Вологодская область, Харовский район.

The article contains the main directions to ensure the tourist route and the effective use of agricultural land. We considered the legislation and statistical data of the Vologda region necessary for carrying out the planned works contributing to the planned works. The minimum costs of the project and possible sources of financing are given.

Keywords: tourism, rural areas, livestock farming, home farm, Vologda region, Harovsky district.

Актуальность проекта. В нынешний век высокой урбанизации жители больших городов желают провести свой отды вдали от шума и загрязнений. Этот факт подтверждает и проведённый агентством мониторинга и социологических исследований опрос среди жителей г. Вологды, по результатам которого было выявлено, что половина работающих жителей региона предпочитает проводить свой отпуск в деревне или на даче (51%), на втором месте по популярности – пляжный отдых (39%). Активный туризм и походы выбирают 28% жителей, а 23% – экскурсионный отдых. Еще 16% посвящают свой отпуск активному отды в месте своего проживания. Таким образом, наша целевая аудитория составляет около половины жителей региона.

Цель проекта. Создание условий для развития сельского района области, эффективно задействовать неиспользованные земли сельскохозяйственного назначения, сделать отдых на селе прибыльным делом, дать горожанам альтернатуру отдыху на зарубежных курортах, в том числе привлечь иногородних туристов в регион, кроме того, дать возможность познакомиться с достопримечательностями местности и народными традициями, а также предусмотрено развитие социальной инфраструктуры.

Задачи проекта:

- провести предварительный выезд на место размещения турбазы;
- создать необходимую инфраструктуру на месте размещения турбазы;
- оформить турбазу в рамках нормативно-правовой документации;
- разработать экскурсионные маршруты;
- разработать инструкцию по технике безопасности на турбазе;
- организовать работу обслуживающего персонала на территории турбазы;
- разработать мероприятия по продвижению нового туристического объекта.

Сроки реализации проекта: 1 год

План реализации проекта. В Харовском районе Вологодской области имеются неиспользованные земли сельскохозяйственного назначения, а также недостаточно развит малый бизнес. У населения есть высокая заинтересованность в активном отдыхе на природе, но мало возможности для их реализации. Для решения этой проблемы мы предлагаем проект, в котором люди смогут приезжать в оформленную в национально-традиционном стиле базу отдыха вдали от больших городов, принять участие в сельскохозяйственных работах, рыбалке, сборе грибов и ягод, оказать помощь на домашней ферме. Реализация проекта через предоставление тура выходного дня. В реализации проекта выделено 5 этапов (см. табл. 1).

Таблица 1 – План реализации

№	Этапы реализации проекта	Сроки реализации проекта дней	Участники проекта (ответственные)	Ожидаемый результат	Бюджет реализуемого этапа, тыс. руб.
1	Подготовительный: получить участок земли по программе «Вологодский гектар»	30	Евграшина Карина Александровна	Получить согласие на получение земельного участка	1
2	Создание необходимой инфраструктуры	45	Мельникова Марина Алексеевна, Колодий Наталья Андреевна		2697,2

3	Оформление необходимой документации для турбазы	98	Евграшина Карина Александровна	Объект готов к использованию	32
4	Реклама и продвижение объекта	180	Вся группа	Рост спроса на предлагаемый тур	35
5	Поиск контрагентов	180	Колодий Наталья Андреевна		5

1 этап – подготовительный, предполагает проведение следующих работ: выбор и оформление площадки, подача заявления по программе «Вологодский Гектар» (3 гектара, в Харовском районе) [3]. После того, как мы получим решение о предварительном согласовании выбранного земельного участка, обеспечим выполнение кадастровых работ в целях образования земельного участка в соответствии с проектом межевания территории, со схемой расположения земельного участка или с проектной документацией лесных участков либо кадастровых работ, необходимых для уточнения границ земельного участка [2]. Обратимся в подразделение Управления Реестра по Вологодской области с заявлением о регистрации права собственности на земельный участок. Разработка генплана, проектов домов, заключение договоров с застройщиками, начинаются строительные работы, первым делом закладывается фундамент для трёх домов (90x140 мм). Срок строительства: 13-18 дней. Площадь застройки дома: (46.5 м²) и бани (90x140 мм). Срок строительства: 5-7 дней. Площадь застройки загонов для домашней фермы: 27 м²).

2 этап – строительство домов с завершением инфраструктурных работ. Бурение скважины и подведение питьевой воды к жилым строениям.

Строительство загонов для домашней фермы. Топка печей будет осуществляться за счет сухостоя. Заготовка дров для отопления осуществляется, в первую очередь, в порядке очистки лесных насаждений от захламленности, уборки ветровальных, буреломных, усыхающих, сухостойных, поврежденных болезнями и вредителями деревьев, при проведении выборочных рубок, а также при проведении сплошных рубок в насаждениях, утративших биологическую устойчивость, в перестойных насаждениях [1]. На свободном от хозяйственных и жилых построек пространстве будет разбит огород, где будут выращиваться овощные культуры.

3 этап – оформление документации, связанной с разрешениями на осуществление деятельности от всех необходимых инстанций, а также внутренней нормативной базы и программных мероприятий. Тематической основой для программных мероприятий будет являться русский быт. Выбранная тема стала основной для разработанной туристической программы (см. табл. 2).

Таблица 2 – Туристическая программа

1 день	Заселение, инструктаж, обед, свободное время, общий сбор у костра.
2 день	Завтрак, рыбалка/мастер-класс по приготовлению молочных продуктов, обед, мастер класс по приготовлению рыбы, свободное время, ужин, общий сбор у костра.
3 день	Завтрак, прогулка по лесу в сопровождении егеря, обед, мастер-класс по сушке грибов и ягод, ужин, общий сбор у костра.
4 день	Завтрак, мастер-класс по ручной работе, обед, отъезд.

4 этап – разработка и осуществление маркетинговой стратегии, активное рекламное продвижение (таргетированная реклама, реклама в социальных сетях, партнерская реклама).

5 этап – подбор контрагентов (2 повара, 2 егеря, 2 фермера).

Предполагаемые результаты. В первый год реализации проекта мы планируем повысить заинтересованность граждан в активном отдыхе на природе за счёт производимой рекламы и положительных отзывов посетителей. Обработать находящуюся в собственности землю, посредством создания огорода для выращивания зеленых культур, овощей и картофеля, благоустройство территории для разведения кроликов и птицы.

Мы ожидаем, что в весенне-осенний сезон (21 неделя), а также зимний период (по персональным заказам вне основного тура), нашу турбазу посетит примерно 600 человек. Подобная загрузка позволит нам полностью окупить затраты на реализацию проекта за один сезон и погасить кредит. Кроме того, рассчитываем получение прибыли с обрабатываемой площади от продажи излишков сельскохозяйственной продукции (картофель, овощи), зеленых культур (укроп, петрушка), яиц, мяса кроликов и птицы на городской ярмарке. Со следующего сезона предполагается получение чистой прибыли 1,1 млн рублей. Мы сможем получать дополнительную прибыль от реализации кролиководства, птицеводства и растениеводства.

Ресурсное обеспечение проекта. Бюджет: 3 150 000 рублей.

Таблица 3 – План затрат (по статьям)

Статья расходов	Количество	Цена за 1 шт.	Общие затраты, руб
Животные			
Куры	10	150	1500
Кролики	4	250	1000
Гуси	4	1300	5200
Индюк и индюшки	8	250	2000
Кролики и птица итого:			7900
Мебель			
Диван в спальню	2	20200	40400
Диван в гостинную	1	50000	50000
Диван 2	2	11290	22580
Кровать (2сп)	3	4730	14190
Кровать (1сп)	7	2840	19880
Кровать двухъярусная	2	10200	20400
Мебель всего:			167450

Постройки			
Дом	3	357000	1071000
Баня	1	236000	276000
Печь русская	3	100000	300000
Загоны для птиц и кроликов	2	13500	27000
Постройки итого:			1674000
Прочее			
Интерьер	1	537700	537700
Инвентарь с/х	1	71000	71000
Расчеты с контрагентами	1	384000	384000
Транспортные расходы	1	33600	33600
Документация	1	32000	32000
Реклама	1	35000	35000
Корма для птиц и животных		15000	15000
Семена (картофеля, моркови, петрушки, укропа, капусты, лука)	1	40550	40550
Иные расходы	1	150000	150000
Прочие итого:			1298850
Итого			3150000

Источники финансирования. Инвестиционный кредит с отсрочкой платежа на 12 месяцев. Кредитное предложение «Бизнес-Проект» от Сбербанка поможет нам создать возможности для своего бизнеса.

Таким образом, туризм на сельских территориях, являясь частью экологического или зеленого туризма, будучи содержательно сопричастен краеведению, включает в себя такие направления, как аграрный, фермерский, деревенский, частично спортивный, этнический и гастрономический туризм, и выступает не только как одно из перспективных направлений современной туринастрии, но и как потенциальный источник формирования точек роста и повышения инновационного атрактивного статуса сельских территорий Российской Федерации.

Кроме того, туризм на сельских территориях – это реальная возможность восстановления и поддержания благополучия сельских территорий, развитие внутреннего и въездного туризма, а также решение крайне острых социальных проблем, которые необходимо решать первостепенно, в частности, проблемы занятости сельского населения, здоровья, образования, досуга. Решение этих проблем за счет развития агротуризма будет способствовать социальному подъему села.

Литература

1. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 27.12.2018). – Текст: электронный // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (дата обращения: 19.09.2019)

2. Об особенностях предоставления в собственность гражданам земельных участков из фонда перераспределения земель сельскохозяйственного назначения на территории Вологодской области: закон Вологодской области от 28.12.018г.

№ 4476-ОЗ. – Текст: электронный // Официальный портал Правительства Вологодской области. – URL: https://vologda-oblast.ru/dokumenty/zakony_i_postanovleniya/1716802/ (дата обращения: 10.09.2019)

3. Вологодский гектар: [сайт]. – Вологда, 2019. – URL: <https://gektar35.ru/> (дата обращения: 10.09.2019). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст: электронный.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОДГОТОВКИ ИНСТРУКТОРОВ ПО КОННУМУ ТУРИЗМУ

**Амирханова Н. К., магистрант, Бакытжанова Ж. Б.,
Утемуратов А., Досжанова А., Мылтықбаева Г.,**
студенты-бакалавры, КазАТУ им. С. Сейфулина,
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
Научный руководитель: **Жанабаев А. А., к.в.н.,**
КазАТУ им. С. Сейфулина, г. Нур-Султан,
Республика Казахстан

Проект посвящен разработке плана мероприятий по подготовке инструкторов по конному туризму на территории Республики Казахстан.

Ключевые слова: туризм, оздоровительный эффект, верховая езда, инструктор по конному туризму, поход.

The project is devoted to the development of a plan for the training of equestrian tourism instructors in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: tourism, health-improving effect, riding, equestrian tourism instructor, hike.

Актуальность. Актуальность исследования объясняется практическими и теоретическими потребностями Республики Казахстан в расширении работы по укреплению здоровья населения, формированию здорового образа жизни, что было отмечено Первым Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым в Долгосрочной стратегии развития Казахстана «Казахстан 2030» [3].

Туризм – это самое надежное средство физического самосохранения, профилактики заболеваний сердечно-сосудистой системы, закалки и оздоровления в любом возрасте. Туристический поход, путешествия позволяют познакомиться с достопримечательностями, памятниками истории и культуры, городами, поселками, музеями, пообщаться с интересными людьми, познакомиться с их бытом и традициями, местными легендами.

Казахстан обладает большими природными возможностями для путешествий. Это реки, озера, степи, леса, горы, куда может собраться в поход любознательный турист.

Одним из интересных и полезных видов путешествий является конный туризм, который способствует общению человека с природой.

Настоящее время верховая езда, как один из благородных видов спорта становится все более популярным у людей разновозрастной категории и завоевывает поклонников не только как один из видов отдыха, но и как лечебно-профилактическое средство, влияющее на организм на уровне психоэмоциональной и физической нагрузки. Предварительный анализ показывает, что данное направление верховой езды находит широкое применение в таких лидирующих странах как: Германия, США, Канада и Россия [1; 2; 4; 5].

Однако далеко не многие имеют необходимый туристический опыт, знания по верховой езде, по уходу за лошадьми, мерам профилактики заболеваний в походных условиях. Поэтому необходима подготовка высококвалифицированных специалистов по конному туризму, которая позволит любому желающему не только окунуться в мир приключений и благополучно закончить поход в незнакомой дали, но и сделать самое большое приобретение – укрепить и улучшить свое здоровье.

Конный туризм дает человеку не только хорошее настроение, но и большое количество впечатлений. Это способ восстановить физическое и душевное здоровье благодаря мощной биоэнергетике, которую передает лошадь человеку. В связи с чем будущему инструктору по конному туризму необходимо знание не только о лошадях, но и понимание принципов воздействия лечебной езды в иппотерапии.

В связи с этим, развитие конного туризма требует подготовки квалифицированных специалистов, умеющих:

- организовывать и проводить учебно-тренировочную работу с туристами;
- использовать свои знания по условиям эксплуатации и содержания лошадей в походе, оказания им ветеринарной помощи, дифференцированного распределения груза;
- вести наблюдение за состоянием здоровья туристов, соблюдением ими правил санитарной гигиены.
- организовать культурный досуг туристов, предоставить путевую и иную информацию;
- применять элементы иппотерапии как одну из инновационных технологий не медикаментозного лечения;
- осуществлять контроль за наличием общественного и личного снаряжения, инвентаря, продуктов питания, средств ориентирования и медикаментов;
- обеспечить правильное прохождение трассы маршрута, безопасность туристов во избежание несчастных случаев;
- добиться чистоты и порядка на биваках, соблюдения правил охраны природы, правил радиосвязи;
- представить туристам информацию о районе путешествия, природных, этнографических, исторических и культурных достопримечательностях, а также ответить на вопросы, интересующие туристов.

Цель и задачи проекта. Цель проекта – разработать научно обоснованную методику подготовки инструкторов по конному туризму, которая будет достигнута путем изучения состояния вопроса теории и практики.

Задачи проекта:

1. Определить комплекс методов исследования, необходимых для изучения профессиональных умений и навыков у инструкторов по конному туризму и выявления оздоровительного эффекта путешествия на лошадях.
2. Выбрать маршруты для путешествия на лошадях с целью определения оптимальных по протяженности дистанций, имеющих познавательные, оздоровительные и воспитательные значения.
3. Провести курс обучения инструкторов по конному туризму для проведения походов.

Календарный план выполнения работ по теме проекта
(см. табл. 1).

Таблица 1 – Календарный план выполнения работ по теме проекта.

№	Наименование задач, мероприятий по реализации задач проекта	Длительность (в месяцах)	Начало выполнения работ (дд/мм/гг.)	Годы реализации проекта		
				1-й год	2-й год	3-й год
1.	Обоснование темы, разработка схем, методов выполнения и фактической информации.	24 мес.	01.01.2020 – 31.12.2021	+	+	
2.	Разработка комплекса педагогических, психологических, медицинских методов исследований.	24 мес.	01.01.2020 – 31.12.2021	+	+	
3.	Работа над проектом программы курса «Конный туризм».	36 мес.	01.01.2020 – 31.12.2022	+	+	+
4.	Поиск и разработка конно-туристских маршрутов.	36 мес.	01.01.2020 – 31.12.2022	+	+	+
5.	Теоретическая и физическая подготовка инструкторов по конному туризму	36 мес.	01.01.2020 – 31.12.2022	+	+	+
6	Изучение анатомических, физиологических особенностей лошадей, породы лошадей, правил содержания, кормления и проведения профилактических мероприятий	36 мес.	01.01.2020 – 31.12.2022	+	+	+
7.	Определение конно-спортивной базы для обучения инструкторов правилам использования лошадей и формирования навыков и умений туристской работы и деятельности инструктора.	12 мес.	01.01.2020 – 31.12.2021	+		

8.	Проведение с инструкторами туристических походов с различной продолжительности и в разное время года.	24 мес.	01.01.2021 – 31.12.2022		+	+
9.	Проведение конных походов будущих инструкторов в качестве стажеров.	24 мес.	01.01.2021 – 31.12.2022		+	+
10.	Самостоятельное проведение инструкторами конных туристических походов.	24 мес.	01.01.2021 – 31.12.2022		+	+

Научная новизна и практическая значимость проекта.

Популярность конного туризма росла и растет во всем мире. Так, например, по данным ассоциации конного туризма Франции, этот вид туристических путешествий уже в 1973 году занимала второе место после лыжных прогулок. Интенсивное развитие конного туризма идет и в лидирующих странах как США, Канада, Германия и Россия. В настоящее время в Казахстане, в том числе вокруг крупных городов (Нур-Султан, Алматы) идет развитие коневодства, растет поголовье лошадей, появляются конные клубы «Тулпар», «Пегас», «Жорга», «Кулагер» и др. Вместе с этим открываются возможности различных видов активного отдыха с использованием лошадей. Это требует подготовку специалистов, которые могли бы проводить и организовывать различные виды конного туризма с населением страны и туристами из стран зарубежья.

Важность подготовки инструкторов туризма по конному спорту объясняется тем, что во время туристического похода инструктор группы кроме выполнения функций проводника, является наставником во всем, что касается путешествия.

Он несет ответственность за безопасность туристов, сохранность конского поголовья, группового инвентаря, соблюдение правил охраны природы. Инструктор организует физкультурные и культурно-массовые мероприятия, проводит путевую информацию о достопримечательностях на маршруте, воспитывает у туристов лучшее человеческие качество как соблюдение дисциплины и высоко сознательности на маршруте, особенно в вопросах связанных с охраной природы, обеспечением безопасности путешествий, соблюдением нормы морали.

Инструктор руководит всеми работами по уходу за лошадьми на маршруте, проводит их ежедневный осмотр, осуществляет расчистку копыт и поправляет ковку.

Каждый человек, сидящий верхом на коне должен иметь хотя бы общее представление об анатомии лошади, конских породах и правилах обращения с ними. Это необходимо для того, чтобы верно оценить ее состояние, рациональнее эксплуатировать в процессах похода, правильно содержать, кормить, поить, своевременно выполнять профилактические мероприятия для сохранения ее здоровья. Ведь успех конного путешествия значительно зависит о состояния лошади.

Нами будет осуществлена подготовка специалистов по конному туризму из числа студентов, выбравших профессию связанной с работой с животными, что даст возможность развивать конный спорт в сельскохозяйственных организациях, где будут работать выпускники вуза.

Таким образом, деятельность инструктора по конному туризму будет направлена на обеспечение спортивно-оздоровительных, лечебно-профилактических, социально-психологических потребностей человека в условиях похода.

Подготовка кадров по конному туризму даст возможность:

- популяризовать и развить конный туризм;
- приобщить население к здоровому образу жизни и бережному отношению к фауне и флоре страны;
- открыть спортивно-оздоровительные комплексы по культурному проведению досуга, реабилитации и социальной адаптации детей-инвалидов, укреплению здоровья, развитию и формированию всесторонне развитой личности.
- обеспечить приток иностранной валюты путем открытия конно-туристских баз;
- увеличить занятость населения влиянием конного туризма на развитие других отраслей экономики;
- повысить образовательные и воспитательные ценности коллектива туристов.

Ресурсное обеспечение проекта. Теоретический курс подготовки инструкторов по конному туризму будет проводиться в аудиториях КазАТУ им. С. Сейфуллина, которые оснащены всеми необходимыми коммуникациями, постоянным доступом к интернету 354Мб/с, библиотекой из 586 тыс. источников научной литературы, а также подключением к девяти базам данных, в том числе WoS, Scopus, Springerlink, Elsevier.

Ветеринарная клиника факультета ветеринарии и технологии животноводства обеспечит здоровье и благополучие животных. На территории ветеринарной клиники факультета ВиТЖ имеются денники для содержания и при необходимости лечения 15 лошадей.

Научно-экспериментальный КАМПУС Каз АТУ им. С. Сейфуллина обеспечит кормами на зимний период на общей площади 1200 га. 370 га сенокосных угодий и 450 га пашни в полном объеме смогут обеспечить сеном и концентрированным кормом. Практические занятия подготовки инструкторов будут проходить на базе КАМПУС Каз АТУ им. С. Сейфуллина

КазАТУ им. С. Сейфуллина располагает УНПК «Сары-Арка» курортной зоне Боровое, в которой будет отрабатываться сложный маршрут подготовки инструкторов по конному туризму.

Исследования в рамках проекта базируются на применении общепринятых методов исследований в области педагогики, психологии, врачебного контроля. Выбор данных методик позволят изучить влияние природных факторов на организм человека и выявить основные профессиональные умения и навыки, необходимых инструкторам конного туризма.

В качестве основные методов будут применены: педагогические наблюдения, педагогический эксперимент, врачебное обследование, опрос.

Анализ полученных данных, в результате использованных методик позволит составить рациональную программу по подготовке инструкторов конного туризма. При проведении курсов, особое внимание будет уделено методике оздоровления человека, воздействие на него природных факторов и животных.

Риски и основные трудности представленного проекта будут связаны с формированием группы лошадей для путешествий. Для чего в условиях КХ «ДиОл» и «Жорга» Акмолинской области будет создана группа лошадей (местные породы, рабочие, обученные к верховой езде лошади) в количестве 10 голов, укомплектованы первыми необходимыми снаряжениями (седло, узда, недоузок). Содержание, уход, кормление, обучение лошадей будут проводиться персоналом КазАТУ им. С.Сейфуллина и КХ «ДиОл» и «Жорга».

В результате проведенных исследований будет составлена программа подготовки инструкторов по конному туризму.

Коллективом авторов планируется публикация научных статей в ведущих рецензируемых изданиях и участие в казахстанских и зарубежных научных конференциях.

Проведенные исследования позволят разработать практические рекомендации по организации и проведению туристических конных походов и могут быть использованы в хозяйствах, имеющих конные заводы и клубы.

Основные результаты исследований будут опубликованы в 2020-2022 гг. в научных изданиях Республики Казахстан, странах дальнего и ближнего зарубежья.

Литература

1. Бобылев, И. Ф. Конный туризм / И. Ф. Бобылев, Г. Г. Котов, С. П. Филиппов. – Москва: Профиздат, 1985. – 250 с.
2. Вяткин, Л. А. Туризм и спортивное ориентирование: учеб. пособ. для высш. пед. учеб. завед. / Л. А. Вяткин, Е. В. Сидорчук, Д. И. Немытов. – 2-е изд. доп. – Москва: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
3. Назарбаев, Н. А. Казахстан-2030 / Н. А. Назарбаев. – Алматы: Білім, 1997. – 176 с.
4. Орынтаев, С. Ш. Путешествие на лошади: пособие для организаторов и инструкторов конного туризма / С. Ш. Орынтаев. – Алматы: [б.и.], 2006. – 183 с.
5. Ревоненко, В. А. Организационно-технологические параметры досугового коневодства черноморского побережья Кавказа: диссер. канд. сельскохоз. наук /

ПРОЕКТ ПРОИЗВОДСТВА ТОПЛИВНЫХ БРИКЕТОВ ИЗ КОСТРЫ ЛЬНА

Лешинска А. М., студент-бакалавр,
УО БГАТУ, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Оганезов И. А., к.т.н.,
УО БГАТУ, г. Минск, Республика Беларусь

В публикации рассматриваются основные показатели экономической эффективности реализации инвестиционного проекта по производству топливных брикетов из костры льна на ОАО «Ореховский льнозавод» в Оршанском районе Витебской области Республики Беларусь. Более 70% перерабатываемой льнотресты на предприятии – это отходы переработки: костра льна, которую наиболее целесообразно использовать в качестве сырья для производства топливных брикетов. Эффективность использования данного вида топлива определяется тем, что при сжигании 1000 кг топливных брикетов из костры льна выделяется столько же тепловой энергии, как при сжигании 1600 кг древесины, 478 м³ газа, 500 л дизельного топлива, 1000 кг угля, 685 л мазута, 1200 кг торфа. При расчетной себестоимости производства брикетов из костры льна на ОАО «Ореховский льнозавод» на уровне 84,33 долл. США цена на внешнем рынке может доходить до 150 евро за 1 т, а спрос имеет устойчивую тенденцию к расширению. Производственный план проекта представляет собой запуск одной линии производительностью (400 кг/ч), включая подготовку сырья к переработке и организации склада конечной продукции. На производственном участке планируется создание трех новых рабочих мест. Расчетная рентабельность производства – более 35%. Статический срок окупаемости проекта – не более 3 лет.

Ключевые слова: льнотреста, льнокостра, энергия, топливо, брикет, ресурсы, замещение, экономия, эффективность

The main indicators of economic efficiency of the implementation of the investment project for the production of fuel briquettes from flax bonfire at Orekhovsky Flax Mill OJSC in the Orsha district of the Vitebsk region of the Republic of Belarus are considered. More than 70% of processed flax trusts at the enterprise are processed waste: flax fire, which is most appropriate to use as raw material for the production of fuel briquettes. The efficiency of using this type of fuel is determined by the fact that when burning 1000 kg of fuel briquettes from flax fire, the same heat energy is released as when burning 1600 kg of wood, 478 m³ of gas, 500 l of diesel fuel, 1000 kg of coal, 685 l of fuel oil, 1200 kg peat. With the estimated cost of production of briquettes from flax bonfire at Orekhovsky Flax Mill OJSC at the level of 84.33 US dollars, the price on the foreign market can reach 150 Euro per 1 ton, and demand has a steady tendency to expand. Production plan The project is the launch of one line with a capacity of 400 kg / h, including the preparation of raw materials for

processing and the organization of a warehouse of the final product. It is planned to create three new jobs at the production site. Estimated production profitability - more than 35%. The static payback period of the project is no more than 3 years.

Keywords: flaxcrest, flaxcost, energy, fuel, briquette, resources, substitution, saving, efficiency.

Актуальность. Повышение энергоэффективности и внедрение энергосберегающих технологий становится первоочередной задачей для большинства национальных экономик стран с развитой рыночной экономикой и СНГ. Данным процессам способствуют как рост цен на энергоносители, так и увеличивающийся объем выбросов парниковых газов, который приводит к негативным последствиям, связанным с изменением климата и окружающей среды. Республика Беларусь (РБ) не обладает достаточными для полного обеспечения экономики и социальной сферы собственными топливно-энергетическими ресурсами (ТЭР), значительную их часть стране приходится импортировать. В этих условиях использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ) является одним из актуальных направлений развития энергетической сферы республики и важным аспектом диверсификации ТЭР. К 2020 году в области возобновляемой энергетики Беларуси поставлена задача увеличить долю ВИЭ в валовом потреблении топливно-энергетических ресурсов с 5,5 % до 6 %, долю местных видов топлива – с 14,2 % до 16%, что позволит снизить объем вредных выбросов в атмосферу и, соответственно, повысить экологическую безопасность страны.

В настоящее время в Беларуси около 30 – 40 % образующейся костры льна используется для получения тепла в котельных льнозаводов. Однако ее значительная часть остается невостребованной, скапливается на их территориях и является источником пожароопасности и экологического загрязнения. При установке специального оборудования такие отходы могут использоваться для производства экологически чистого топлива, которое пользуется растущим спросом у иностранных потребителей и может найти широкое применение в РБ.

Льняные топливные брикеты – это достаточно новый, набирающий популярность вид биотоплива, который отвечает всем потребностям получения теплоэнергии при минимальных затратах. Брикеты из льняной костры уверенно набирают популярность у жителей европейских стран, являются хорошим альтернативным топливом, обладают высокой теплопроводностью, имеют высокий уровень экологической безопасности.

Цель и задачи проекта. Цель проекта состоит в разработке научно обоснованных предложений по повышению эффективности производства и использования льняных топливных брикетов из костры льна с учетом особенностей основных льнозаводов Витебской области РБ.

В соответствии с указанной целью поставлены следующие основные задачи проекта:

- провести анализ современного состояния развития производства льняных топливных брикетов в РБ;
- дать оценку основным факторам эффективности производства и реализации льняных топливных брикетов из костры льна на предприятии ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области РБ;
- выявить и обосновать конкретные резервы повышения экономической эффективности производства льняных топливных брикетов из костры льна на предприятии ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области, в РБ и их использования.

Сроки реализации проекта. Ввод объекта в эксплуатацию предусмотрен в апреле 2020 года с годовым объемом производства брикетов из костры льна в количестве 529 т.

В 2021 году планируется получение годового объема продукции – 724 т. В 2025 году производственный участок ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области должен выйти на полную производственную мощность 806 т /год.

Содержание проекта. Настоящий инвестиционный проект направлен на освоение предприятием ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области Республики Беларусь (РБ) первичной переработки льна нового для него вида продукции — топливных брикетов из костры льна. Костра льна – это продукт переработки (отходы) льнотресты при изготовлении льноволокна, наибольшее количество которой образуется после прохождения льнотресты через мяльную машину на начальном этапе производства льноволокна (более 70% от исходного сырья).

Топливные брикеты – спрессованные изделия цилиндрической, прямоугольной или любой другой формы из остатков (отходов) биомассы, образующихся в процессе основного производства. Их длина (обычно 100-300 мм) не должна превышать в пять раз их диаметр, который является большим, чем 25 мм. Как правило, он составляет 60-75 мм.

Брикетирование – это процесс преобразования отходов растениеводства в более удобную для хранения и транспортировки форму. Процесс брикетирования позволяет значительно увеличить объемную калорийность исходного сырья. Концентрация в минимальном объеме полезных горючих свойств биомассы является главной целью брикетирования. Топливные брикеты занимают в 4-5 раз меньший объем, чем исходное сырье, и становятся, таким образом, транспортабельным топливом.

В основе технологии производства топливных брикетов костры льна лежит процесс прессования мелко измельченных отходов под высоким давлением при нагревании. Связующим элементом при этом является натуральный лигнин, содержащийся в клетках растительных отходов. Таким образом, брикеты – это экологически чистый продукт, не содержащий химических добавок и склеивающих веществ.

Достоинствами топливных брикетов из костры льна являются:

- высокая продолжительность горения – по сравнению с обычными дровами, закладку в печь можно производить реже в три раза. Брикеты горят с минимальным количеством дыма, не стреляют, не искрят. Преимуществом брикетов является постоянство температуры на протяжении всего периода сгорания (от 30 мин до 4 часов). Продукты сгорания (зола) могут также использоваться в качестве экологически чистого удобрения;

- высокая теплотворность – теплотворность топливных брикетов больше, чем у обычных дров, и практически равна теплотворности каменного угля. При сжигании 1000 кг топливных брикетов из растительных отходов переработки льнотресты выделяется столько же тепловой энергии, как при сжигании: 1600 кг древесины, 478 м3 газа, 500 л дизельного топлива, 1000 кг угля, 685 л мазута, 1200 кг торфа.

При расчетной себестоимости производства брикетов из костры льна на ОАО «Ореховский льнозавод» на уровне 84,33 долл. США цена на внешнем рынке может доходить до 150 Евро за 1 т, а спрос имеет устойчивую тенденцию к расширению. Производственный план проекта представляет собой запуск одной линии производительностью (400 кг/ч), включая подготовку сырья к переработке и организации склада конечной продукции. На производственном участке планируется создание трех новых рабочих мест. Расчетная рентабельность производства – более 35%. Статический срок окупаемости проекта – не более 3 лет.

План реализации проекта. Организационные решения по реализации данного инвестиционного проекта производственного участка ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области предполагается осуществить в форме развития существующих производственных и организационных структур без существенной ломки оправдавших себя производственных подразделений.

На предприятии для оперативного руководства производством биотоплива следует планировать такое управление, когда руководство осуществляется не только из центра, но непосредственно на рабочих местах производственного участка.

Реализация проекта предполагает последовательное выполнение организационных мероприятий по разработке проектно-сметной документации для проведения реконструкции производственного помещения, приобретению, установке и запуску оборудования для прессования костры льна. Весь объем ремонтно-монтажных работ планируется осуществить до января-февраля 2020 года.

Для определения подрядчика, который будет осуществлять реконструкцию производственного помещения необходимо провести подрядные торги с участием отечественных строительных организаций.

Для выбора поставщика оборудования требуется организация тендера по закупке. Ориентировочная стоимость затрат –

1500 долл. США Общая стоимость поставляемого оборудования по предварительному расчету составляет 88,0 тыс. долл. США (на предполагаемую дату начала реализации бизнес-плана – апрель 2020 г.).

В расчетах использовалась стоимость брикетировочного пресса BP 420 AP и ленточного транспортера.

Предусмотрен следующий порядок оплаты стоимости поставляемого оборудования:

- авансовый платеж в размере 30 % от стоимости оборудования в течение 10 банковских дней с момента заключения контракта;

- 60 %-я предоплата в течение 3 банковских дней с момента уведомления покупателя о готовности оборудования к отгрузке;

- 10 %-я оплата по факту запуска оборудования в эксплуатацию.

Срок поставки – в течение 7-ми дней с момента перечисления 30 %-ой предоплаты. В стоимость поставки входит шеф-монтаж оборудования и обучение специалистов.

Запуск производства планируется осуществить в апреле 2020 года. Данный этап включает выпуск пробных партий топливных брикетов.

До конца 2020 года планируется произвести 529 т брикетов. Выход на проектную мощность (при загрузке оборудования – 87,5 %) планируется осуществить в конце 2021 года, что может позволить предприятию ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области ежегодно выпускать 724 т топливных брикетов.

В 2025 году с учетом производственной программы планируется работа брикетировочного пресса на полную мощность (400 кг/ч), при этом выпуск продукции в год составит 806 тонны.

Для осуществления производственной деятельности в планируемых масштабах предусмотрено дополнительно создать 3 новых рабочих места. Один рабочий предусмотрен для управления и обслуживания брикетировочного пресса, два рабочих — для упаковки и складирования готовой продукции. Вышеуказанный персонал должен быть своевременно подготовлен на соответствующих курсах переподготовки персонала (до предполагаемой даты начала реализации бизнес-плана – апреля 2020 г.):

- рабочий для управления и обслуживания брикетировочного пресса в УДО «Государственный центр повышения квалификации руководящих работников и специалистов» по программе «Прессовщик на гидравлических прессах (3 – 6 разряд)»

- два рабочих для упаковки и складирования готовой продукции по программе «Комплектовщик изделий, полуфабрикатов и материалов».

Таким образом, реализация разработанного комплекса организационных мероприятий позволит в сжатые сроки ввести в эксплуатацию перспективное производство, увеличить

количество рабочих мест, повысить общую эффективность производственно-хозяйственной деятельности ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области РБ.

Механизм реализации проекта и схема управления проектом. Выполнение предусмотренных проектом инвестиционных мероприятий требует определенных инвестиционных ресурсов. Основные затраты будут связаны с приобретением технологического и вспомогательного оборудования. Требуются также денежные средства на проведение строительно-монтажных работ по реконструкции помещения, осуществление прединвестиционных затрат, создание оборотного капитала. Расчет потребности в инвестиционных ресурсах проводился с учетом этапов реализации проекта.

Для организации производства топливных брикетов необходимо приобретение основного и вспомогательного оборудования общей стоимостью 88,0 тыс. долл. США с учетом НДС, из которых стоимость пресса для брикетирования составила 72,50 тыс. долл. США на дату разработки бизнес-плана (сентябрь 2019 г.). Необходимо выполнение строительно-монтажных работ на сумму 1,14 тыс. долл. США. Кроме того, проектом предусмотрены прединвестиционные затраты общим объемом 0,520 тыс. долл. США с учетом НДС. Таким образом, общий объем капитальных затрат по проекту составит 89,66 тыс. долл. США, в том числе НДС – 12,08 тыс. долл. США.

Для реализации инвестиционных мероприятий предусмотрены различные варианты привлечения инвестиционных ресурсов.

Первый вариант расчетов по проекту предусматривает приобретение необходимого оборудования (88,0 тыс. долл. США) и осуществление реконструкции помещения (1,14 тыс. долл. США) с привлечением средств инновационного фонда Витебского областного исполнительного комитета, предоставляемых организацией ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области РБ на безвозмездной основе. Итого 89,14 тыс. долл. США.

Второй вариант расчетов предусматривает реализацию проекта за счет кредитных ресурсов. Для обеспечения финансирования инвестиционных затрат предусмотрено открытие кредитной линии в объеме 89,14 тыс. долл. США в январе 2020 года. Кредитные ресурсы предоставляются на 6 лет с уплатой процентов в размере 5,5% годовых при получении кредита за счет ресурсов Фонда им. Халифы (программа ОАО «Банк развития Республики Беларусь»). Предусмотрена отсрочка погашения основного долга – 1 год с момента ввода объекта в эксплуатацию – до марта 2021 года. Основной долг по кредиту планируется гасить ежемесячно равными частями. Конечный срок погашения кредита – декабрь 2025 года. Освоение кредитных ресурсов предусмотрено частями в соответствии с графиком выполнения строительно-монтажных работ и порядком оплаты за приобретаемое оборудование. Проектом предусмотрено, что на финансирование строительно-монтаж-

ных работ будет направлено 1,14 тыс. долл. США, на приобретение оборудования – 88,0 тыс. долл. США.

Кроме этого, каждый из вариантов расчетов предполагает направление собственных средств предприятия ОАО «Ореховский льнозавод» на осуществление прединвестиционных мероприятий, предположительный размер которых составит 0,520 тыс. долл. США.

Организация производства топливных брикетов из костры льна потребует создания первоначального оборотного капитала – предположительно за счет собственных средств организации ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области РБ. В 2020 году для организации деятельности производственного участка потребуется 44644 тыс. долл. США. Расчет необходимого объема оборотных активов осуществлялся на основании разработанной программы производства и реализации продукции с учетом планируемого изменения ценовых и количественных параметров, существующих условий оплаты за товары, действующего налогового законодательства предусмотренных изменений оплаты труда работников объекта. Главными составными частями оборотных средств являются сырье, материалы и другие статьи расходов.

При расчете потребности в оборотных активах для финансирования запаса сырья и материалов использовалась сумма затрат на сырье и материалы, с учетом того, что для организации деятельности настоящего объекта планируется использовать льнокостру и другие материалы, остающиеся в распоряжении ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области РБ, себестоимость которой ориентированно составит в 2020 году 19,21 долл. США за тонну. По запасам готовой продукции учитывалась общая сумма затрат на реализацию продукции, по кредиторской задолженности перед поставщиками и подрядчиками – сумма затрат на сырье, материалы, реализацию продукции, по расчетам с персоналом и бюджетом – соответствующие показатели расходов на оплату труда и сумма налогов, подлежащих уплате. В случае финансирования всего объема инвестиционных затрат за счет бюджетных средств расширение объемов деятельности в 2025 г. повлечет за собой увеличение оборотного капитала на 19,92 тыс. долл. США, в результате чего общий объем инвестиционных затрат равен, как и суммарная потребность в инвестициях, по проекту составит 154,22 тыс. долл. США.

При финансировании инвестиционных затрат за счет привлечения кредитных ресурсов расширение объемов деятельности повлечет за собой увеличение чистого оборотного капитала на 19,92 тыс. долл. США в 2025 г. Таким образом, объем инвестиционных затрат по проекту с учетом затрат на увеличение чистого оборотного капитала составит тыс. долл. США (без кредитных ресурсов) 154,22 тыс. долл. США. Учитывая, что данный вариант расчетов предусматривает использование банковского кредита, которое повлечет за собой дополнительные затраты по уплате процентов (5,5% годовых при получении кредита за счет ресурсов Фонда им. Халифы

(программа ОАО «Банк развития Республики Беларусь») в размере 19,6 тыс. долл. США, погашение суммы основного долга по кредиту равными частями в течение пяти лет на общую сумму 89,14 тыс. долл. США. Поэтому суммарная потребность в инвестициях по проекту планируется на уровне 262,96 тыс. долл. США.

Предприятию ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области рекомендуется выращивать лен семи новых отечественных сортов РБ: «Ласка», «Грант», «Лада», «Веста», «Рубин», «Дукат», «Мечта», «Маяк» – ранних, средних и поздних. Мехотряду ОАО «Ореховский льнозавод» Оршанского района Витебской области следует строго выполнять требования сроков уборки льнотресты – не позднее 14 сентября.

Предполагаемые результаты. Основные прогнозируемые показатели инвестиционного проекта приведены в табл. 1.

Таблица 1 – Основные прогнозируемые показатели проекта

Наименование показателя	Единица измерения	Значение показателя
1. Планируемый годовой объем выпуска готовой продукции при выходе на полную мощность	т брикетов	806
2. Себестоимость 1 т брикетов из костры льна	долл. США /т	84,33
3. Планируемая цена реализации 1 т брикетов на экспорт	долл. США /т	114,57
4. Расчетная рентабельность производства	%	более 35
5. Статический срок окупаемости проекта	лет	не более 3
6. Ставка дисконтирования (ставка рефинансирования Национального банка РБ – 9,5% на 29.09.2019 г)	%	10
7. Индекс доходности	о.е.	1,55
8. Внутренняя норма доходности	%	27,2
9. Чистый дисконтированный доход за 2020 – 2025 г.	тыс. долл. США	49,57
10. Динамический срок окупаемости	лет	3,38

Таким образом, проведенный технико-экономический расчет с использованием основных показателей эффективности инвестиций показал, что организация производства топливных брикетов из костры льна экономически целесообразна.

Ресурсное обеспечение проекта. В отношении нового производства проектом должны быть предусмотрены:

- освобождение от налога на прибыль;
- льготы по налогам на недвижимость, земельному и экологическому и другие налоговые преференции, соизмеримые с предоставляемыми производителям сельскохозяйственной продукции РБ.

Вывод. Таким образом, разработанный бизнес-план проекта по созданию производства топливных брикетов из костры льна показывает достаточную степень его эффективности и устойчивости при обеспечении необходимой государственной поддержки, соизмеримой со льготами, предоставляемыми производителям сельскохозяйственной

продукции. Проект имеет относительно небольшой срок статический срок окупаемости (3 года) и позволяет производственному участку (при условиях оказания государственной поддержки, соизмеримой со льготами, предоставляемыми производителям сельскохозяйственной продукции) в установленные сроки рассчитаться по привлеченным ресурсам. В результате может быть создано новое производство, позволяющее производить продукцию, востребованную как на отечественном, так и на зарубежном рынках.

Литература

1. Оганезов, И. А. Пути повышения эффективности производства льна в Республике Беларусь/ И. А. Оганезов, А. В. Буга // IV Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: материалы междунар. науч.-практ. конф. 22 мая 2016 г. / отв. ред. Т. В. Седлецкая. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. - С. 308-311.
2. Оганезов, И. А. Повышение эффективности производства и переработки льна-долгунца / И. А. Оганезов, А. В. Лукашевич //Формирование организационно-экономических условий эффективного функционирования АПК: сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции. Минск, 24 - 25 мая 2018 г. / редкол.: Г. И. Гануш [и др.]. – Минск: БГАТУ, 2018. - с. 267-272.

МОЛОЧНЫЙ МИНИ-ЦЕХ ДЛЯ ФЕРМЕРСКОГО ХОЗЯЙСТВА

**Дунаева Е. С., Зухрабова Р. Ш., Лудкова А. А.,
Рожин В. В., Собенина С. В.,** студенты
технологического колледжа,
Вологодская ГМХА, г. Вологда, Россия
Научный руководитель: Голденшлак О. Н.,
ст. преп., Вологодская ГМХА, г. Вологда, Россия

Проект представляет собой комплекс взаимосвязанных мероприятий по созданию собственного бизнеса в сельской местности – организация молочного мини-цеха для крестьянско-фермерского хозяйства и производство молочной продукции из сырья с фермы. В проекте рассмотрена необходимость перерабатывающего производства в сельскохозяйственном предприятии и обоснована эффективность внедрения мини-цеха по переработке молока на практическом примере.

Ключевые слова: крестьянско-фермерское хозяйство, молочный мини-цех, молоко, масло сливочное, творог обезжиренный, сметана, пахта, сыворотка, переработка молока, выпуск конкурентоспособной продукции, эффективность производства.

The project presents the interrelated activities to create own business in rural area, it is the organization of a mini-manufactory for

peasant farming and production of dairy products from raw materials from the farm. The project considers the need for processing production in an agricultural enterprise and justifies the effectiveness of the mini-manufactory for milk processing on a practical example.

Keywords: peasant farming, dairy mini-manufactory, milk, butter, skim cheese, sour cream, buttermilk, whey, milk processing, production of competitive products, the efficiency of production.

Актуальность. На сегодняшний день актуальным вопросом для крестьянско-фермерских хозяйств является создание собственного производства готовых для продажи молочных продуктов.

Экономическая целесообразность создания мини-цехов по переработке молока состоит в получении дополнительной прибыли, позволяющей обеспечить рентабельность производства на уровне не менее 35-40% и окупаемость инвестиций не более чем за два-три года. В связи с крайне низкими закупочными ценами производителям становится все более невыгодным сдавать сырое молоко на молочные заводы для его дальнейшей переработки, именно поэтому организация переработки молока в собственных хозяйствах является перспективной задачей.

Малые объемы переработки молока предполагают отсутствие или незначительные транспортные расходы, более гибкую систему смены ассортимента, максимальное использование вторичного молочного сырья и отходов производства при минимальных трудовых затратах на единицу продукции.

При создании цехов по переработке молока непосредственно в хозяйствах для более полной и равномерной их загрузки сырьем можно привлекать другие источники молока – из близлежащих коллективных, личных подсобных и фермерских хозяйств [3].

В настоящее время организация бизнеса в сфере сельского хозяйства является прибыльным делом. Для этого существует ряд предпосылок: государственная поддержка в виде возможности оформить субсидии и льготные займы; рост потребления молочной продукции внутри страны; политика импортозамещения в сфере сельского хозяйства.

Данный проект в конечном итоге будет способствовать обеспечению Вологодского края безопасной, экологически чистой продукцией животноводства, созданию рабочих мест на территории области, организации занятости сельского населения с получением дохода и т. д.

Цель и задачи проекта. Целями данного проекта является:

- создание рентабельного производства и получение чистой прибыли;
- решение проблемы сбора и переработки молока;
- производство продукции, способной стать конкурентоспособной.

Задачи проекта следующие:

- организация производства молочных продуктов и сбыт качественной продукции;
- вложение полученной прибыли в развитие предприятия;
- организация рабочие места для безработных граждан;
- обеспечение трудовой занятости и стабильной заработной платы;
- повышение уровня жизни фермера и наемных работников и др.

Сроки реализации проекта. Начало реализации проекта – январь 2021 г.

Содержание проекта. При разработке проекта молочного мини-цеха применялись следующие методы и приемы сбора и обработки информации: наблюдение и сравнение, статистический, экономико-математический методы.

Настоящий проект рассматривает создание молочного мини-цеха по производству следующих молочных продуктов: масло сливочное, 72,5%; творог обезжиренный; сметана жирностью 20%; пахта и сыворотка. Использование мини молокозавода для фермерских хозяйств позволяет производить готовые продукты из сырья с фермы.

Фермерские продукты могут быть реализованы на локальном, региональном и федеральном рынках. Сыре молоко, в зависимости от объемов его производства и рынка реализации, может быть переработано на продукты с меньшим или большим сроком годности. Такие продукты, как творог и сметана, имеющие небольшой срок годности, целесообразно реализовывать на локальном и региональном рынке.

В смену молочный мини-цех будет перерабатывать 500 кг молока жирностью 3,4%, при этом 400 кг молока будет идти на производство 20 кг сливочного масла методом периодического сбивания и 100 кг молока – на производство 18 кг сметаны резервуарным способом. Полученное при этом обезжиренное молоко в количестве 442 кг будет поступать на выработку 66 кг творога, обезжиренного традиционным способом, а 20 кг пахты от производства сливочного масла и 354 кг сыворотки от выработки творога планируется направить на корм скоту.

Любое фермерское хозяйство, занимающееся переработкой молока, нуждается в специализированном оборудовании, которое поможет облегчить работу. В связи с этим, молочный мини-цех планируется оснастить всем необходимым для завершенного технологического цикла оборудованием, включая оборудование по приему и охлаждению молока, пастеризации, сепарированию, заквашиванию, упаковке готовой продукции.

Мини-линия имеет небольшие размеры, благодаря чему с легкостью поместится практически в любом помещении.

Обслуживать оборудование одного цеха могут минимум два человека. Работники должны иметь санитарную книжку и

регулярно проходить медосмотры. Предпочтение будет отдаваться тем специалистам, у которых есть профильное образование и опыт работы в отрасли.

Основными местами реализации продукции молочного мини-цеха будут розничные торговые сети, торговые точки и ярмарки выходного дня.

План реализации проекта. Организационно-производственная процедура создания молочного мини-цеха и последующего юридического оформления бизнеса по производству молочных продуктов состоит из двух частей. Первая часть связана с регистрацией предприятия в одной из существующих, в рамках гражданского законодательства РФ (Гражданский Кодекс РФ) организационно-правовых форм. Оптимальный вариант для молочного завода с мощностью производства до 10 т в сутки является формат ИП (индивидуального предпринимательства). Вторая часть оформления бизнеса по молочному производству заключается в получении пакета разрешительных документов от различных контрольных государственных и/или муниципальных официальных инстанций.

Также потребуется оформить договоры на аренду земельного участка, пройти сертификацию рабочих мест через Трудовую инспекцию, обеспечить прохождение медосмотра персонала, непосредственно связанного с производством молочных продуктов.

Далее необходимо получить документы, позволяющие продавать произведенную продукцию: разрешение на розничную реализацию молочных продуктов; документы на транспортировку продукции; ветеринарные документы; сертификат качества.

При выборе вариантов местоположения и размещения молочного мини-цеха, приняты в расчет два приоритетных условия.

Первое условие связано непосредственно с тем, продукцию какого ассортимента следует выпускать, на какую группу потребителей ориентироваться. Второе условие – это близость мини-цеха к сырьевой базе, к крестьянско-фермерскому хозяйству.

Таким образом, оптимальный вариант размещения молочного мини-цеха с точки зрения производственной и сбытовой логистики – это пригородная зона, крестьянско-фермерское хозяйство в непосредственной близости от основных региональных или городских автотрасс.

Главным в проектировании молочного мини-цеха является максимальное использование ресурсов с целью получения высокой прибыли. Для этого нужно: определить ассортимент выпускаемой продукции и производственную мощность мини-цеха; разработать схему переработки молока и подобрать технологические процессы его переработки для всех видов продукции; выбрать необходимое инженерное и технологическое оборудование для оснащения мини-цеха.

Чтобы осуществить заданные процессы, выполняются следующие работы: определяется ассортимент и объем выпускаемой продукции; делается продуктовый расчет, т. е. определяется расход молока и сливок, необходимых для выработки планируемого ассортимента; разрабатывается технология выработки каждого вида продукции; по каждому виду продукции подбирается необходимое оборудование для его производства; составляется график работы технологического оборудования, который необходим для расчета ресурсов (вода, пар, электроэнергия, холод и т. д.); подбирается основное, вспомогательное, моечное и транспортное оборудование с учетом всех требований к нему; разрабатывается план размещения подобранного оборудования, определяются основные размеры помещений, иными словами, схема молочного мини-цеха; разрабатываются требования к отделке помещений, электроснабжению, отоплению и вентиляции, холодо- и теплоснабжению, освещению, противопожарной безопасности, водоснабжению и канализации; выполняют проект строительства нового или реконструкции существующего помещения.

Когда все этапы проектирования будут выполнены, приступают к строительству здания или переоборудуют старое. Пока идет строительство, заказывается оборудование для молочного мини-цеха. Останется смонтировать его, обучить персонал и запустить работу [2].

Механизм реализации проекта и схема управления проектом. Проект предполагает следующие этапы реализации:

1 этап: подготовительный: проведение маркетинговых исследований; заключение договоров поставки оборудования; модернизация (или строительство) помещения, приобретение оборудования.

2 этап: производственный: планируемый результат окончания этапа – подготовлена материально-техническая база для организации проекта.

Основные производственные этапы: закуп, переработка, производство молочной продукции, подготовка к реализации, реализация продукции.

Для успешной реализации проекта создания молочного мини-цеха полного цикла потребуется привлечение работников, не только хорошо обученных с профессиональной точки зрения, но и имеющих определенную мотивацию на качественную и безаварийную работу. Планируется создание двух рабочих мест: технолога и оператора по переработке молока.

Оценка рисков: при анализе рисков (технологического, риска снижения спроса, риска конкуренции) было выявлено, что на эффективность работы влияют множество факторов. Кроме этих рисков также не стоит упускать из виду и такие моменты, как курс национальной валюты (валютный риск). Особенно это важно для тех производителей молока, которые работают на импортном оборудовании, приобретенном,

например, в лизинг или которые зависят от поставки импортных запчастей и комплектующих для своих производственных линий [1].

Предполагаемые результаты

При успешной реализации проекта будут достигнуты следующие результаты:

- создана современная база для переработки молока и производства молочной продукции;
- решены проблемы сбыта продукции крестьянско-фермерского хозяйства;
- организовано производство экологически чистой продукции.

Ресурсное обеспечение проекта

Проект разработки молочного мини-цеха для крестьянско-фермерского хозяйства предполагает использование собственных средств. Также планируется привлечение инвестиций из внешнего источника в виде банковского кредита.

Литература

1. Бизнес-план молокозавода. – Текст: электронный // Бибосс: бизнес портал. – URL: <https://www.beboss.ru/bplans/217-dairy> (дата обращения: 10.08.2019)
2. Молочный цех – проектирование и оборудование. – Текст: электронный // Fb.ru: медиа-портал. – URL: <https://fb.ru/article/334028/molochnyiy-tseh---projektirovaniye-i-oborudovanie> (дата обращения: 10.08.2019)
3. Переработка молока на мини-заводах. – Текст: электронный // Doc Me: сервис публикации документов. – URL: <https://www.docme.ru/doc/1113025/2615.pererabotka-moloka-na-mini-zavodah> (дата обращения: 10.08.2019).

ПРОЕКТ РАЗВИТИЯ КФХ ПО ВЫРАЩИВАНИЮ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ «MEDICAMENTO PLANTIS»

Довлатбекян К. Г., Розова М. А., студенты-бакалавры,
Вологодская ГМХА, г. Вологда, Россия
Научные руководители: **Лагун А. А.**, к.э.н., доц.,
Чухина О. В., к.с.-х.н., Вологодская ГМХА,
г. Вологда, Россия

Проект направлен на выращивание лекарственных растений и сбыт в сыром виде.

Ключевые слова: лекарственные растения, крестьянско-фермерское хозяйство, травы, мята, мелиса, шалфей, календула, чабрец, экологически чистый продукт.

The project is the cultivation of medicinal plants for sale in raw form.

Keywords: medicinal plants, peasant farming, herbs, mint, melissa, sage, calendula, thyme, organic product.

Актуальность. Лекарственные растения в настоящее время пользуются довольно высоким спросом, так как имеют широкое распространение в области косметологии, кулинарии, медицины. Лечение лекарственными растениями (траволечение) один из традиционных способов лечения, применяемых с давних пор. На протяжении всего времени своего существования и развития, человеку приходилось испытать на себе свойства и действие тех растений, которые росли вокруг него. Таким образом, человек обрёл опыт применения лекарственных растений. Даже в настоящее время, когда развита фармакология и фармацевтическая промышленность, применение лекарственных трав остаётся актуальным. Лекарственные растения используют как профилактическое средство. Более того, их применяют для лечения острых и хронических заболеваний. Траволечение остаётся актуальным, многие люди интересуются им, потому что оно оказывает мягкое воздействие на организм с гораздо меньшим или полным отсутствием побочных эффектов.

Лекарственные растения, а именно, мятта, мелиса, чабрец, шалфей, календула имеют ряд преимуществ: пластичность (способность подстраиваться к различным природным условиям и средам), успешно произрастают и плодоносят в различных климатических районах; не требовательны, их с успехом можно выращивать почти на любом типе почвы. В связи с этим, выращивание лекарственных растений является достаточно перспективным делом.

Цель и задачи проекта. Целью проекта является организация хозяйства по выращиванию лекарственных растений, а именно: мятты, мелисы, чабреца, шалфея, календулы в крестьянско-фермерском хозяйстве «Medicamento plantis». Это довольно распространённые лекарственные травы, обладающие комплексом полезных свойств [2].

Содержание и план реализации проекта. КФХ «Medicamento plantis» арендует площадь 1,5 га и находится в собственности Вологодской ГМХА. На территории участка располагается пруд. На выращивание растений отводится 1 га. Имеются пути для подъезда к зданию грузового и легкового автотранспорта.

Выращивание лекарственных растений является нетрудоемкой отраслью. Эта отрасль доступна и очень известна, не зависит от природно-климатических условий Вологодской области, конкуренция на данную продукцию отсутствует [1].

Для производства лекарственного растительного сырья и его реализации КФХ «Medicamento plantis» планирует:

- 1) приобретение инвентаря, минитрактора и оборудования для него;
- 2) гарантированный сбыт лекарственных растений на договорной основе.

В таблице 1 представлены статьи затрат, связанных с приобретением необходимого оборудования и инвентаря для выращивания лекарственных растений. Стоимость всего закупленного оборудования составит 1 500 000 рублей.

Таблица 1 – Стоимость основных производственных фондов

Вид основных производственных фондов	Количество, ед.	Стоимость 1 ед., руб.	Стоимость всего, руб.
Минитрактор «Lovel Foton Te-24»:	1	900500	900500
Насадки для трактора (плуг, снегоуборщик, окучник, почвофреза, снегоотбрасыватель, накидка на райдер, щепорез)	по 1	460200	460200
Ангар	1	139300	139300
Итого:	-	-	1500000

В ходе реализации указанного проекта могут возникнуть ситуации, приводящие к изменениям в хозяйственно-финансовой деятельности КФХ «Medicamento plantis». Среди возможных рисков наиболее существенное влияние могут оказывать непредвиденное резкое ужесточение системы налогообложения, которое повлечет снижение чистой прибыли хозяйства и аномальные погодные условия.

Меры по снижению рисков:

- высокий уровень информации, организации, функционирования и управления;
- краткосрочное и долгосрочное планирование;
- строгий контроль денежных активов;
- регулярный анализ рыночной ситуации;
- быстрая реакция на изменения;
- высокая мобильность.

Большой плюс для выращивания лекарственных растений – это отсутствие конкуренции по Вологодской области, так как данный вид бизнеса еще широко не распространен, а на продукцию всегда имеется повышенный спрос в различных сферах деятельности.

Реализовывать товар планируется частным предпринимателям и различным организациям. Удачное географическое месторасположение хозяйства по выращиванию растений позволит реализовывать продукцию в таких крупных городах, как Вологда, Череповец, Иваново, Ярославль. В общей сложности, население четырех городов составляет около 4 млн. человек. Это очень большой рынок сбыта, поэтому реализовать продукцию не составит большого труда.

Основными клиентами нашей фирмы являются оптово закупочные компании, такие как: ООО «Колос» и ООО «Вологодский Иван-чай», также частные лица, это: ИП Ломоносов Олег Витальевич, ИП Шорохов Михаил Викторович и интернет-магазин «Эвалар». На сегодняшний день, оптовая цена реализации лекарственных растений составляет в среднем около 250 руб./кг. Самый пик продаж будет приходиться на летний сезон. Каналы сбыта продукции представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Каналы сбыта продукции КФХ «Medicamento plantis»

Наименование потребителя	Вид продукции	Объем продаж, кг	Цена, руб.	Выручка от реализации, руб.
Потребительские кооперативы	мята	660	350	231000
	мелиса	990	270	267300
	календула	570	385	204060
	чабрец	1500	190	285000
	шалфей	750	180	135000
Оптовая закупка	мята	660	350	231000
	мелиса	990	270	267300
	календула	570	385	219450
	чабрец	1500	190	285000
	шалфей	750	180	135000
Итого	-	-	-	2275500

Выручка от реализации продукции – лекарственного сырья, составит 2,3 млн. руб.

Для привлечения клиентов планируются следующие мероприятия:

- рассылка рекламных сообщений почтой владельцам компаний и руководителям потребительских кооперативов;
- участие компании в сельскохозяйственных выставках и ярмарках;
- публикация объявлений на в сети Интернет.

Ресурсное обеспечение проекта. Для создания КФХ «Medicamento plantis» необходимы первоначальные капитальные вложения в размере 1500000 рублей – закупка нового оборудования, 1000000 рублей – заёмные средства, 300 тысяч рублей – собственный капитал. На развитие хозяйства требуется 1232710 рублей.

Сроки реализации проекта. Предполагается, что первая партия лекарственных растений начнет реализовываться через 40 дней после начала работы фермы.

Предполагаемые результаты. Рентабельность данного производства в первом году функционирования КФХ «Medicamento plantis» составит 33 %, что свидетельствует об эффективности проекта. Чистая прибыль уже в первом году составит 752 023 рубля. Для повышения эффективности производства необходимо расширять масштабы деятельности хозяйства.

Возможные источники возникновения рисков в КФХ «Medicamento plantis»:

- недостаточная информация о спросе на данный товар;
- недостаточный анализ рынка;
- риск, связанный с вероятностью потерь имущества;
- падение спроса на лекарственные растения.

Литература

1. Лекарственные растения – полезная информация. – Текст: электронный // Состав продуктов: сайт. – URL: <https://sostavproduktov.ru/produkty/lekarstvennye-rasteniya> (дата обращения: 10.09.2018)

2. Справочник фермера / ред. В. И. Сидорова. – Москва: ФГБНУ «Росинформатех», 2017. – 708 с. – URL: https://www.akkor.ru/sites/default/files/spravochnik_fermerra_1.pdf (дата обращения: 10.09.2019). – Текст: электронный.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРУМ СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ «МОЛОДЕЖНЫЙ СЕЛЬСКИЙ СХОД – XXI»

Савина А. В., учитель, Савина О. С.,
учитель МБОУ ВМР «Огарковская
средняя школа им. М. Г. Лобытова»,
п. Огарково, Вологодский район, Россия
Научный руководитель: **Савина А. В.,**
магистр пед. наук., п. Огарково,
Вологодский район, Россия

Проект представляет собой разработанный план проведения образовательного форума для сельских школьников Вологодского муниципального района. Данный форум проводится с целью привлечения школьников к развитию своего села. Дети познакомятся с современными технологиями ведения сельского хозяйства, грамотные специалисты расскажут о новых тенденциях в сфере животноводства и растениеводства. Форум проводится на базе МБОУ ВМР «Огарковская средняя школа имени М.Г. Лобытова» в августе 2020 года.

Ключевые слова: образовательный форум, сельское хозяйство, ученики, агро-бизнес образования.

The project is the developed plan for an educational forum for rural students of the Vologda municipal district. This forum is held to attract students to the development of their village. Children will learn a lot about modern agricultural technologies leading experts will talk about new trends in the field of livestock and crop production. The forum is held on the basis of MBEI «Ogarkovskaya secondary school named after M.G. Lobytov» in August 2020.

Keywords: educational forum, agriculture, students, agro-business education.

Актуальность. Необходимость развития в Российской Федерации наукоемких технологий, создания высокотехнологичных производств, восстановления и создания промышленных предприятий, неоднократно отмечается в выступлениях Президента Российской Федерации, видных ученых и представителей бизнеса России. В условиях рыночной экономики, возрастающей информационной перегруженности и прогрессирующего падения мотивации детей к познанию и творчеству особую актуальность приобретает задача создания особых образовательных пространств для интеллектуального развития и творчества детей и молодежи [1]. В 2018 году

МБОУ ВМР «Огарковская средняя школа» стала федеральной инновационной площадкой «школа – агробизнес образования имени М. Г. Лобытова», которая предполагает формирование у подрастающего поколения агрокомпетентности, развитие инновационного мышления и бизнес-подхода к сельскохозяйственному производству. В рамках данного проекта запланировано проведение образовательного форума, который вовлечет в обучение не только школьников данной школы, но и учеников всех школ района.

Образовательный форум сельских школьников «Молодежный сельский сход – XXI» является интересной образовательной площадкой, где дети смогут познакомиться с современными подходами к ведению сельского хозяйства, бизнесом в деревне, финансовой грамотностью, достижениями в науке и технике.

Данная форма проведения мероприятия интересна для школьников, т.к. за короткий срок и в интерактивной форме они получают и усваивают большой объем информации. Занятия с участниками форума проводят специалисты из университетов района (Вологодская ГМХА, ВоЛНЦ РАН и потенциальные работодатели (АО «Племзавод Родина», «Вологодская зелень»), т. к. эти организации являются партнерами проекта.

Мероприятие проводится в течение 2 дней.

Цель и задачи проекта.

Цель проекта: Вовлечение школьников Вологодского муниципального района в процесс формирования гражданской и социальной активности в условиях сельской местности

Задачи проекта:

1. Обучение школьников на образовательных тематических площадках;
2. Отбор наиболее эффективных и реалистичных проектных идей, имеющих социальную направленность;
3. Мотивация школьников на работу в условиях сельской местности;
4. Развитие лидерских качеств у участников форума;
5. Сплочение школьников Вологодского муниципального района.

Сроки реализации проекта. Май-сентябрь 2020 года.

Содержание проекта.

- разработка образовательной программы форума;
- поиск партнеров, спонсоров;
- разработка логотипа форума и выпуск продукции с логотипом;
- составление квеста «По следам Огарковских фермеров»;
- привлечение членов жюри;
- оповещение школ района.

Данный проект направлен на формирование интереса школьников района к профессиям, связанным с сельским хозяйством. На базе Огарковской школы будет проведен образовательный форум для учеников старших классов (9 – 11). Программа форума рассчитана на 2 дня.

Программа образовательного форума «Молодежный сельский сход – XXI»

День 1.

10:10 – 11:00 Заезд и регистрация участников форума (МБОУ ВМР «Огарковская СШ»)

11:00 Торжественное открытие форума (площадь у ДК Огарково)

11:30 Представление команд. Визитные карточки на тему «Мое село – моя гордость».

13:00 Обед (школьная столовая)

14:00 работа образовательных площадок форума (территория школы)

1) Агробизнес проектирование (Молочная академия)

2) Финансовая грамотность (Молочная академия)

3) Робототехника (Молочная академия)

4) Сельское хозяйство в 21 веке (директор ОАО «Племзавод Родина»)

5) Антарес – от мечты в реальность (представитель конного клуба «Антарес»)

6) Мастер-класс: 10 шагов к успеху (Представитель ООО «Вологодская зелень»)

16:00 Тренинг «Успешный предприниматель» (школьный спортзал)

18:00 Ужин

19:00 Дискотека (ДК Огарково)

День 2

9:00 заезд участников

9:30 экскурсия в поселок Харачево на новую роботизированную ферму

10:30 экскурсия в конный клуб «Антарес»

12:00 обед

12:30 защита проектов команд «Современные проблемы нашего села» (школа)

14:00 Квест «По следам Огарковских фермеров» (стадион у школы)

15:00 Подведение итогов форума, награждение команд.

В первый день будут организованы образовательные площадки по различным сельскохозяйственным направлениям с ведущими спикерами университетов области, работодателями в сфере агробизнеса. Ребята в интерактивной форме познакомятся с передовыми технологиями современности, узнают новые тенденции в сельском хозяйстве. Кроме образовательной программы, форум предусматривает развлекательные мероприятия, такие как дискотека, экскурсии на новую роботизированную ферму и в конный клуб «Антарес», квест «По следам Огарковских фермеров». Во второй день ученики школ района будут защищать свои разработанные проекты по теме: «Современные проблемы нашего села», по окончанию форума будут подведены итоги и награждены победители.

План реализации проекта (см. табл. 1).

Таблица 1 – План реализации проекта.

	Мероприятие		Количественные показатели реализации
	Подготовительный этап	Май 2020 г.	Формируется команда проекта из учителей МБОУ ВМР «Огарковская средняя школа» в количестве 5 человек.
	Этап реализации проекта (проведение форума)	Август 2020 г.	В результате реализации проекта 60 человек получат знания об агробизнесе.
	Этап рефлексии	Сентябрь 2020 г.	Анализ проведенного проекта, отчеты, планы на будущее.

Предполагаемые результаты.

- повышение уровня знаний в области агробизнеса, повышение мотивации к жизни и труду на селе;
- занятость в каникулярное время;
- организация позитивной и продуктивной социальной активности детей из сельской местности, позволяющая им конструировать, удерживать, развивать
- совершенствование школьной профориентационной работы;
- освоение базовых представлений о современных подходах к природопользованию как ресурсу сельского хозяйства, и о соответствующих технологиях, а также о принципах и технологиях сохранения, развития, рационального использования природных богатств конкретной местности.

Ресурсное обеспечение проекта (см. табл. 2).

Таблица 2 – Ресурсное обеспечение проекта.

№	Статья расходов	Коли-чество (шт.)	Запраши-ваемые средства (руб.)	Имею-щиеся средства (руб.)	Всего, руб.
1	Грамоты	66	1000		1000
2	Футболки	66	24490	-	24490
3	Ручки	66	660		660
4	Блокноты с печатью	66	6000		6000
5	Папки для бумаги	66	1050		1050
6	Питание на 2 дня	77 человек	25000	-	25000
7	Аренда звукового оборудования		-	1000	1000
8	Призы – сертификаты «Канцелярим»	18 шт	9000	-	9000
9	Оплата топлива на экскурсию	(расстояние в 6 км)	-	300	300
10	Баннер с логотипом форума	1 шт	3000		3000

11	Фонтаны из шаров для украшения сцены	3 шт	4200	-	4200
12	Печать программок форума	60 шт	600	-	600
	Итого:		75000		76300

Литература

1. Байбординова, Л. В. Малочисленная сельская школа: региональные концепции развития / Л. В. Байбординова. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 1988. – 36 с.

БИЗНЕС-ПРОЕКТ РАЗВИТИЯ СПК «ЗОРИ» ВЫТЕГОРСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

**Царенок М., Тышченко А., Рогалева У.,
Нагорная А.,** студенты-бакалавры,
Вологодская ГМХА, г. Вологда, Россия
**Научные руководители: Лагун А. А., к.э.н., доц.,
Роскова О. А., к.э.н., доц.,** Вологодская ГМХА,
г. Вологда, Россия

Проект направлен на перспективное развитие СПК «ЗОРИ», занимающегося производством молока и молочных продуктов для населения России.

Ключевые слова: бизнес-проект, развитие территорий, производство молока и молочной продукции, эффективность инвестиций, молочное животноводство

The purpose of the project is the long-term development of agricultural production cooperative «ZORI», engaged in the production of milk and dairy products in Russia.

Keywords: business project, development of territories, production of milk and dairy products, efficiency of investments, dairy farming

Качественно организованный процесс производства является главным признаком финансовой устойчивости бизнеса, предпосылкой поддержания его положительного роста и достижения высоких итоговых показателей хозяйственной деятельности в целом. Использование современных принципов и методов бизнес планирования на практике, механизмов и способов эффективного управления, дает возможность обеспечить переход фирмы к инновационному качеству экономического процветания в рыночной системе.

Цель проекта – развитие СПК «ЗОРИ», занимающегося производством молока и молочных продуктов для населения.

Проект разработан на перспективу развития СПК «ЗОРИ» с 2019 года до 2023 года, что дает возможность проследить показатели развития отрасли животноводства в динамике.

Молоко и молочные продукты занимают одно из ведущих мест в пищевом рационе граждан нашей страны. Они крайне важны для сбалансированного питания человека. Доля молочной продукции в структуре продовольственной корзины (в стоимостной оценке) в различных регионах составляет от 20 до 30%. Однако в последние годы потребление молочной продукции в России снижается.

В настоящее время перед молочной отраслью России стоит ключевая задача. Необходимо снизить зависимость от импортной молочной продукции, обеспечив ее замещение продукцией собственного производства.

Стоимость импортной молочной продукции в России в 2018 году составила 2065,5 млрд. долларов. В структуре импорта молочных продуктов наибольший удельный вес занимают сыры и творог – 46,7% (рисунок 1).

По данным Национального союза производителей молока («Союзмолоко») за первые 4 месяца 2019 года импорт молочной продукции в Россию вырос на 23 % по сравнению с аналогичным периодом 2018 года. Например, поставки сливочного масла, сыров и творога к апрелю 2019 года достигли максимума после 2014 года. Основными поставщиками молочного импорта в нашу страну в 2018 году стали Белоруссия (81%), Уругвай, Аргентина, Новая Зеландия и Казахстан.

За последние пять лет уровень самообеспеченности России молоком и молочными продуктами при расчете по товарному молоку вырос на 11,9 процентных пункта и составил в 2018 году 78,8 %. Тем не менее, в соответствии со стратегией продовольственной безопасности пороговое значение самообеспеченности молочной продукцией определено на уровне 90% [2].

Рис. 1 – Структура импорта молочной продукции в Россию, 2018 год, %

На рисунке 2 отражено фактическое потребление молока на душу населения в динамике за 5 лет в целом по России и по Вологодской области. При норме потребления 325 кг фактические значения не соответствуют норме [3].

Рис. 2 – Фактическое потребление молока и молочных продуктов на душу населения за 2014 – 2018 годы

В Вологодской области показатель душевого потребления молока и молочных продуктов в 2018 году составил 67,69%, что ниже аналогичного показателя Российской Федерации на 3,39%, к видим, у населения существует потребность в молоке и молочных продуктах.

СПК «ЗОРИ» расположен в дер. Захарыно Вытегорского района Вологодской области, в 12 км от районного центра.

В собственности СПК имеется земельные участки общей площадью 488 га и коровник на 150 голов, а также гараж, контора, сенохранилище. Земельный участок расположен на расстоянии 6 км от федеральной трассы А-119 Вологда-Медвежьегорск. Подъездной путь по грунтовой дороге. Обеспечение фермы технической питьевой водой может производиться от существующей артезианской скважины д. Анхимово. Электроснабжение ВЛ-10кв, максимальная мощность энергопринимающих устройств 150 кВт.

Ожидаемая продукция от реализации проекта:

- молоко и молочная продукция;
- молодняк КРС;
- масло «Крестьянское»;
- творог «Столовый»;
- кормовой продукт.

В реализации проекта принимают участие: руководитель СПК «ЗОРИ», специалисты и наемные работники.

Основные экономические показатели деятельности СПК «ЗОРИ» представлены в таблице 1. Рентабельность основной деятельности СПК «ЗОРИ» в 2018 году положительная, чистая прибыль составляет 2123 тыс. рублей.

Таблица 1 – Основные экономические показатели деятельности СПК «ЗОРИ» с 2016-2018 года

Показатели	Год			Темп роста 2018 г. к 2016 г., %/ абсолютное отклонение
	2016	2017	2018	
Выручка от реализации, тыс. руб.	8168	15679	13715	167,9
Полная себестоимость, тыс. руб.	5563	9669	10839	194,8
Прибыль (убыток) от реализации, тыс. руб.	2605	6010	2876	110,4
Среднегодовая численность работников, чел.	6	11	12	200,0
Среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.	1791	2078	4209	235,0
Фондоотдача, руб./руб.	0,21	0,13	0,3	142,9
Производительность труда, тыс.руб./чел.	1361,3	1306,58	1142,9	83,4
Чистая прибыль, тыс. руб.	1749	5034	2123	121,4
Рентабельность основной деятельности, %	46	62	26,5	/-19,5
Рентабельность продаж, %	31,8	38,3	20,9	/-10,9

СПК «ЗОРИ» планирует ориентировать продажи молока на местный рынок, молодняк (бычки) будет доращиваться и реализовываться предпринимателям в Центральный Федеральный округ, о чем ведутся предварительные переговоры.

Проведены первоначальные маркетинговые действия в отношении населения г. Вытегры. Реклама на местном уровне имеет свою специфику. Основным преимуществом продукции СПК «ЗОРИ» являются свежесть и натуральность, поэтому рекламные проекты должны содержать следующую идею «Натуральное. Качественное. Живое».

Необходимость в глобальном маркетинге, создании web-сайта отсутствует, но при этом SMM, в частности в VK может иметь позитивный резонанс. Предприятие может закупить рекламу в местных социальных группах в сети Интернет, разместить рекламу на билбордах, раздавать ваучеры с указанием преимуществ продукции СПК «ЗОРИ».

Для реализации проекта планируется приобретение оборудования, перечень которого представлен в таблице 2.

Таблица 2 – Перечень и стоимость оборудования, приобретенного за счет собственных средств СПК «ЗОРИ»

Наименование основных средств	Цена, тыс. руб.	Коли-чество	Сумма всего, тыс. руб.
Миксер кормораздатчик	260	1	260
Дойка линейная	250	2	500
Мини- завод	1500	1	1500
Стационарная холодильная камера	300	1	300
ИТОГО			2560

В связи с расширением объемов производства потребуются дополнительные рабочие места, что имеет большое значение для обеспечения занятости населения. Расчет численности работников представлен в таблице 3.

Таблица 3 – Расчет дополнительной численности работников СПК «ЗОРИ», человек

Состав работников	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Доярка	1	2	2
Скотник	1	1	1
Кормач	1	1	1
Помощник кормача	1	1	1
Мастер	-	-	1
Лаборант	-	-	1
Технолог по производству творога	-	-	1
Маслодел	-	-	1
Подсобный рабочий	-	-	1
ВСЕГО	4	5	10

Расчет прогнозируемой цены реализации на рынке 1 литра молока осуществлялся по следующим показателям:

- Цена реализации молока в розницу (23%) – 45 руб. за 1 л,
- Цена реализации молока оптом (77%) – 23 руб. за 1 л.;
- Средняя цена реализации молока - 28 руб. за 1 л
- Средняя цена реализации за 1 кг живой массы – 60 руб. за кг.

Расчет производственной себестоимости продукции представлен в таблице 4.

Таблица 4 – Расчет производственной себестоимости производства продукции, руб.

Показатель	Рублей
Затраты на производство молока, всего	6093,3
Переменные затраты	4386,4
Постоянные издержки	1706,9
Затраты на производство молодняка	136,5
Переменные затраты	98,3
Постоянные издержки	38,2
Себестоимость производства 1 ц молока	2031,1
Себестоимость 1 гол молодняка.	2730,0
Затраты на производство масла «Крестьянского»	395,6
Переменные затраты	348,4
Постоянные издержки	47,2
Творог «Столовый»	113,0
Переменные затраты	96,9
Постоянные издержки	16,08
Кормовой продукт	4,6
Переменные затраты	4,0
Постоянные издержки	0,6

Планируемый объем продаж продукции при реализации проекта представлен в таблице 5.

Таблица 5 – Объем продаж продукции СПК «ЗОРИ» в 2020 – 2022 годы, тыс. руб.

Вид продукции	Годы		
	2020	2021	2022
Молоко	8450,56	20478,36	10127,3
Молодняк	73,07	153,78	159,77
Масло Крестьянское	-	-	9611,9
Творог Столовый	-	-	9297,9
Кормовой продукт	-	-	2059,9
Итого	8523,63	20632,12	31256,7

Финансовый план реализации продукции СПК «ЗОРИ» представлен в таблице 6.

Согласно данным финансового плана первые три месяца производство будет убыточно, так как производство начнется только с февраля. Убытки будут покрыты за счет деятельности СПК «ЗОРИ».

Таблица 6 – Прибыли-убытки от реализации СПК «ЗОРИ» на 2019 – 2022 годы, тыс. руб.

Наименование статей	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год
Доходы, всего		8523,6	20632,1	31256,7
Суммарные прямые издержки	30,01	4621,0	11277,1	20530,8
Валовая прибыль	- 30,88	3902,6	9405,0	10725,9
Суммарные постоянные издержки	-	251,1	255,9	399,4
Суммарные непроизводственные издержки	0,83	1166,3	1294,1	2362,3
Налогооблагаемая прибыль	-	2482,4	7852,0	7961,2
Чистая прибыль	- 30,88	2336,3	7384,0	7481,6

После начала реализации уже за первый квартал СПК «ЗОРИ» получит прибыль в размере 485,83 тыс. рублей. Рентабельность продаж составит 24%. В таблице 7 представлено кэш-фло проекта.

Таблица 7 – Кэш-фло бизнес-проекта развития СПК «ЗОРИ» на 2019 – 2022 годы, тыс. руб.

Наименование статей	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год
Доходы, всего	-	8523,6	20632,1	31256,7
Суммарные прямые издержки	706,7	5024,3	10728,5	25624,3
Суммарные постоянные издержки	30,01	251,0	255,9	399,4
Налоги	-	457,9	1235,1	1419,7
Кэш-фло от операционной деятельности	-736,7	2790,4	8412,6	3813,4
Кэш-фло от инвестиционной деятельности	-4500,0	-	-4513,2	-2461,7
Займы	3500,0	-	-	-
Выплаты в погашение займов	184,2	1105,3	1105,3	1105,3

Выплаты процентов по займам	-	407,5	285,7	116,2
Кэш-фло от финансовой деятельности	3315,8	-1512,8	1390,9	-1221,5
Баланс наличности на начало периода	2120,0	199,0	1476,7	3985,1
Баланс наличности на конец периода	199,0	1476,7	3985,1	4115,3

По данным таблицы видно, что СПК «ЗОРИ» обеспечено финансовыми ресурсами для производства продукции. Баланс наличности положительный, что показывает, что проект реален и может быть осуществлен.

Эффективность проекта представлена в таблице 8. Данные таблицы свидетельствуют о том, что проект эффективен социально – создаются рабочие места, оплачиваются налоги в местный и региональный бюджеты.

Таблица 8 – Расчет эффективности проекта развития СПК «ЗОРИ»

Виды эффективности	Показатели	Ед. изм.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Социаль-ная эффектив-ность	Среднегодовая численность работников организации	чел	13	17	17	22
	Среднемесяч-ная заработная плата	руб/ чел	24000	24000	24000	24000
	Создание новых рабочих мест	ед	1	4	-	5
	Виды специальнос-тей на новых рабочих мест		рабочие	рабочие	-	рабочие
Производ-ственная эффективн ость	Количество скотомест всего	ед	100	100	100	150
	в т.ч. скотомест проекта	ед	100	100	100	150
	Поголовье коров на начало года	гол	50	100	100	100
	Выход телят	%	0	50	90	90
	Надой на 1 корову	кг	0	5000	7000	7000
	Валовой надой	т	0	300	700	700
Экономи-ческая эффектив-ность	Выручка – всего	тыс. руб.	0	8523,6	20632,1	31256,7
	Затраты, всего	тыс. руб.	736,7	5275,3	10984,4	26023,7
	Чистая прибыль	тыс. руб.	-736,7	2336,3	7384,0	7481,6
	Рентабель-ность продаж	%	-	27,4	25,8	24,0
	Период окупаемости	мес.			34	

Расчеты инвестиционной привлекательности по проекту развития СПК «ЗОРИ» производились до 2023 года включительно, период расчета интегральных показателей составил 3 года и 2 месяца. Прогнозная ставка инфляции берется на уровне 4%. Рассматриваемая инвестиционная идея характеризуется показателями, представленными в таблице 9.

Таблица 9 – Эффективность реализации проекта в зависимости от размера ставки дисконтирования и уровня инфляции

Показатель	Варианты с учетом прогнозируемого уровня инфляции
Средняя норма рентабельности, ARR %	37,1
Период окупаемости - РВ, месяцы	34
Внутренняя норма рентабельности, IRR %	36,07
Чистый приведенный доход - NPV	1159,6
Индекс прибыльности- PI	1,11

Таким образом, окупаемость проекта развития СПК «ЗОРИ» Вытегорского района Вологодской области с привлечением заемных средств составляет 32 месяца (2,7 года), срок окупаемости с учетом дисконта при расчете в рублях – 2,8 года или 34 месяца. Чистый приведенный доход положителен и составляет 1159,6 тыс. руб. При заложенном в расчетах уровне доходов и затрат проект необходимо признать эффективным и рекомендовать к реализации.

Литература

1. Малое предпринимательство в Российской Федерации. Форма и содержание бизнес-проекта. – Текст: электронный // Rf-biz.ru: сайт. – URL: <http://rf-biz.ru/b56.php> (дата обращения: 10.09.2019).
 2. Национальный союз производителей молока (Союзмолоко): сайт. – Москва, 2008. – URL : <http://www.souzmoloko.ru/> (дата обращения: 10.09.2019). – Текст: электронный.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: статистический сборник / Росстат. – Москва: Федеральная служба государственной статистики, 2018. – 1162 с. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf (дата обращения: 10.09.2019). – Текст: электронный.

Научное издание

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Материалы Научного собрания
и Регионального конкурса молодежных социально-
экономических проектов по развитию сельских территорий

Компьютерная верстка – Е. А. Лежнева

Подписано в печать 10.12.2019 Формат 60x841/16
Усл. печ. л. 9,3 Тираж 100 экз. Заказ № 13
БУК ВО «Областная универсальная научная библиотека»
г. Вологда, ул. М. Ульяновой, д.1; т/ф. 8(8172) 21-17-69;
e-mail: adm@booksite.ru